АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Е. М. КОЛПАКЧИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Е. М. КОЛПАКЧИ • ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. М. КОЛПАКЧИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

ТОМ I

МОРФОЛОГИЯ ГЛАГОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1956

Ответственный редактор

А. А. ХОЛОДОВИЧ

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая книга — первая большая печатная работа по истории грамматического строя японского языка, выходящая на русском языке. Нет подобных работ и на других европейских языках.

Известные нам работы японских лингвистов по истории языка обычно строятся как очерки языка отдельных эпох, не всегда связанные друг с другом. Периодизация истории языка совпадает у них с исторической периодизацией.

«Очерки» проф. Е. М. Колпакчи были задуманы автором как история частей речи, начиная с самой важной и морфологически богатой — глагола. В томе I рассматриваются основные категории глагола на протяжении всех тринадцати веков документированной истории японского языка. Читая ряд лет курс истории японского языка в Ленинградском университете, Е. М. Колпакчи собрала большой фактический материал и на основе его изучения сделала немало новых наблюдений и теоретически ценных обобщений, которые в дальнейшем могут послужить базой для плодотворной теоретической дискуссии.

При жизни автора, скончавшегося в 1952 г., книга не была полностью подготовлена к печати. Редактирование работы взял на себя проф. А. А. Холодович. «Очерки» обсуждались на Секторе языка и литературы стран Дальнего Востока Института востоковедения АН СССР. При дальнейшем редактировании были учтены замечания, сделанные на Секторе членом-корр. АН СССР Н. И. Конрадом, А. А. Пашковским и др.

«Очерки по истории японского языка» касаются, разумеется, и ряда спорных вопросов истории и теории японского языка. Однако редактор и Сектор не считали себя вправе, в случаях расхождения с автором в оценке того или иного языкового явления, навязывать читателю свое мнение (см. замечания Е. М. Колпакчи о том, что бессуффиксальная форма не имеет

значения «конкретного настоящего» в современном языке, но имеет особое значение «будущего времени», что «побудительный залог» не является залогом и др.). В ряде случаев Е. М. Колпакчи придерживается оригинальной точки зрения (например, признавая наличие в японском языке отрицательного и запретительного наклонений) без особой аргументации и без критики иных взглядов. В подобных случаях текст не подвергался редакционным изменениям и дополнениям.

Особой оговорки требует транскрипция. Применяя принятую в советском японоведении русскую транскрипцию, Е. М. Колпакчи использует ее при транскрибировании текстов всех эпох развития японского языка, от которых сохранились письменные памятники. Это, разумеется, является известной условностью, что понимал и сам автор. Фонетика японского языка претерпела за исторический период не меньшие изменения, чем грамматика. Однако в работе, не преследующей никаких фонетических целей, Е. М. Колпакчи считала возможным не менять транскрипцию от памятника к памятнику, что было бы связано с целым рядом трудностей по датировке тех или иных фонетических явлений, не говоря уже о датировке памятников. Порядок, при котором одно и то же слово транскрибируется одинаково в текстах разных эпох, должен помочь японисту, желающему изучить историю японского грамматического строя, быстрее понимать древние тексты.

Некоторые проблемы японского глагола не нашли в книге своего отражения потому, что том I «Очерков» посвящен м о р ф о л о г и и глагола. К таким проблемам (в частности к срединным формам глагола) автор собирался обратиться в «Синтаксисе», который остался ненаписанным. Однако принятая система цитации, при которой приводится, как правило, все предложение, а нередко и несколько соседних предложений, даст читателю материал не только по морфологии глагола, но и по морфологии других частей речи и по синтаксису.

Первая большая печатная работа по истории японского языка, написанная на русском языке проф. Е. М. Колпакчи, будет полезна и при изучении курса истории японского языка в наших востоковедческих вузах, хотя она и не построена специально как учебное пособие. Многочисленные примеры взяты из оригинальных произведений классической, средневековой и новой японской литературы и снабжены точными переводами. Почти все цитаты были выверены по оригиналам Н. А. Сыромятниковым, который принял участие и в редактировании рукописи.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очерк по истории японского языка посвящен морфологии глагола.

История японского языка является областью до сих пор еще очень мало разработанной. Единственное руководство на европейском языке, которое в настоящее время существует, — это грамматика английского японоведа Сэнсома.[1] Книга эта страдает многими существенными недостатками, начиная от механического сопоставления языка VIII—XII вв. с современным языком и кончая ошибками в переводах. Японские труды в области истории языка таких авторов, как Андō Масацугу, Ёсидзава Ёсинори, Юдзава Кōкитирō, Ямада Ёсио, Симмура Идзуру и ряда других, дают весьма обширный фактический материал по языку отдельных эпох, но требуют коренной переработки. С точки зрения советского языкознания это лишь сырой материал, который еще ждет своего соответственного истолкования.

В связи с этим в задачу настоящего очерка в первую очередь входит: а) исследование совокупности грамматических форм, образующих систему японского глагола и их важнейших значений; б) исследование исторического развития этих форм. Задача наша была бы невыполнима без трудов И. В. Сталина по языкознанию, раскрывших перед нами весь механизм исторического процесса развития языка и указавших путь, по которому необходимо следовать. Мы надеемся, что в результате систематического обследования отдельных сторон морфологии и синтаксиса нам, в конечном итоге, удастся выявить и внутренние законы развития японского языка. Настоящий очерк поэтому является лишь первым

---

[1] G. B. Sansom. An historical grammar of Japanese. Oxford, 1928.

из серии предполагаемых. Он охватывает следующие четыре раздела: 1) история глагольного спряжения; 2) переходность-непереходность и залоги; 3) времена и виды; 4) наклонения.

Давая фактический материал и объяснения к нему, мы стремились к тому, чтобы оказать посильную помощь не только японистам-лингвистам, но и историкам и литературоведам в их исследованиях старых памятников. В связи с этим, помимо обычно привлекаемых памятников, мы постарались использовать и «Микотонори» ('Царские эдикты' IX—X вв.), редко берущиеся в качестве иллюстративного материала и изданные без комментариев. Тексты эти, однако, могут представить немалый интерес для исследования раннего периода истории Японии.

Совершенно очевидно, что более полное представление об истории развития японского языка можно будет дать только в серии последовательных монографий. «Морфология глагола» является лишь первым шагом на пути к этому.

ГЛАВА I

ИЗ ИСТОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО СПРЯЖЕНИЯ

Система глагольных форм в старояпонском языке характеризуется: а) чередованием последнего гласного основ (иначе — аблаутом основ) и б) наращиванием определенных суффиксов на определенные основы. В этом смысле система эта в принципе не отличается от системы современного языка. Всё же некоторые изменения с течением времени возникли. Материал, которым мы располагаем, позволяет нам проследить медленный и постепенный ход этих изменений.

Эту главу мы посвящаем морфологическому анализу системы спряжения. Описанию глагольных категорий времени, вида, залога и наклонения посвящаются дальнейшие главы нашего очерка. Из этого следует, что в данной главе мы будем говорить не о глагольных суффиксах, так как в системе японского языка именно суффиксы являются выразителями вышеуказанных грамматических категорий, а о глагольных основах, совокупность которых и составляет то, что обычно называют спряжением японского глагола. Функцин последних в старом языке в основном совпадают с функциями глагольных основ в современном языке. О всех случаях отклонения будет подробно сказано ниже.

Если попытаться вникнуть в принцип, лежащий в основе классификации японских глаголов по типам спряжений, то выяснится, что эта классификация основана на характере аблаута (чередования конечных гласных) глаголов.[1]

---

[1] С трактовкой этого вопроса в японской школьной грамматике русский читатель может ознакомиться по книге А. Пашковского (Грамматика японского литературного языка. Морфология. М., 1941).

Так, в группу глаголов первого спряжения выделены те глаголы, которые характеризуются четырехступенным чередованием последнего гласного основы: *а*, *и*, *у*, *э*; тип: 1 *ёма*, 2 *ёми*, 3.4 *ёму*, 5 *ёмэ*.

В группу глаголов второго спряжения выделены глаголы, характеризуемые двухступенным чередованием последнего гласного основы: *и* ~ *у* в сочетании с наращиванием на основу *у* глаголообразующих суффиксов *ру*, *рэ*; тип: 1. 2 *мотии*, 3 *мотию*, 4 +*ру*, 5 +*рэ*.[1]

В группу глаголов третьего спряжения выделены глаголы, характеризуемые двухступенным чередованием последнего гласного основы: *э* ~ *у* в сочетании с наращиванием на основу *у* глаголообразующих суффиксов *ру*, *рэ*; тип: 1, 2 *табэ*, 3 *табу*, 4 +*ру*, 5 +*рэ*.

Группу глаголов четвертого спряжения образуют глаголы, характеризуемые отсутствием аблаута при сохранении суффиксов *ру* и *рэ*; тип: 1, 2 *ми*, 3, 4 +*ру*, 5 +*рэ*, и тип: 1, 2 *кэ*, 3, 4 +*ру*, 5 +*рэ*. Можно безошибочно сказать, что глаголы этого спряжения характеризуются одним гласным *и*, так как единственное отклонение — глагол *кэру* ‘топтать’, ‘пинать’ — уже с IX—X вв. переходит в разряд глаголов первого спряжения (следовательно, спрягается по типу: *кэра*, *кэри*, *кэру*, *кэрэ*).

Из всего сказанного выше ясно, что глаголы распределяются по типам спряжений, исходя из характера аблаута и по принципу его убывания от богато представленного чередования гласных в глаголах типа *ёму* ‘читать’, *каку* ‘писать’, *тору* ‘брать’, *тобу* ‘летать’, *омоу* ‘думать’ и т. п. — до глаголов типа *миру* ‘смотреть’ или *ниру* ‘быть похожим’. Такова, возможно, и общая историческая тенденция развития японского глагола. Есть ряд оснований полагать, что в более древнем языке аблаут основ был представлен гораздо богаче, чем впоследствии. Многие глаголы, которые уже в VIII в. спрягаются по второму или третьему спряжениям, в древних памятниках представлены еще четырехступенным аблаутом.

---

[1] Японская школьная грамматика, исходя в своем построении парадигмы из стремления к единообразию, распределяет все глагольные основы по пяти рядам. Последнее делается с учетом их синтаксических функций и наращения тех или иных суффиксов. Отсюда школьная грамматика обычно выделяет в качестве самостоятельных одинаково звучащие основы, по типу: *мотии*, *мотии*, *мотию*, *мотиюру*, *мотиюрэ*. Мы не считаем необходимым повторять основы омонимичные и лишь цифрами указываем их порядок, соответствующий порядку школьной грамматики.

Приводим ниже примеры, беря их из грамматики Ямада, посвященной древнему языку.[1]

1. *Касикоми укэтамавари* **осори** *имасу кото-о мороморо кикосимэсаэ то нору* (Мн, № 5) ‘[О том, что] с почтением внимает и **трепещет** — все внимайте, так возглашаю’.

Глагол *осору* ‘бояться’, ‘трепетать’, принадлежащий впоследствии к глаголам третьего спряжения (*осорэ*, *осору*), в данном тексте является глаголом первого спряжения (*осора*, *осори*, *осору*, *осорэ*), о чем свидетельствует вторая основа на *и* вместо ожидаемой на *э*.

2. *Хито-и идзанаи* **сусуму** *кото накарэ* (Мн, № 31) ‘Не соблазняй и не **увлекай** людей’.

Форма *сусуму* ‘поощрять’, ‘увлекать’ — вместо ожидаемой *сусумуру* — указывает на то, что данный глагол в этом тексте по типу своего спряжения совпадал с глаголом *сусуму* ‘идти вперед’, следовательно, характеризовался четырехступенным аблаутом, а не двухступенным, как в языке более позднего периода (ср. совр. *сусумэру*).

3. *Аояма-ни хи-га* **какураба** . . . (К) ‘**Когда** солнце **скроется** за зеленой горой. . .’.

Форма *какураба* указывает на то, что данный глагол спрягался по типу глаголов первого спряжения, тогда как более поздняя форма принадлежит к глаголам третьего спряжения (*какурэ* ~ *какуру*). Аналогичная форма встречается и в «Нихонги»: *миямагакуритэ* (Нихонги, XV) ‘скрывшись за горой’ (ср. совр. *яма-ни какурэтэ*).

4. *Юку фунэ-о фури***тодоми***канэ икабакари коосику арикэму Мацура Саёхимэ* (М, V, № 875) ‘Плывущую лодку не в состоянии **остановить**, махая [платком], как, должно быть, тосковала [дева] Саёхимэ из Мацура’.

Форма *тодоми* указывает на принадлежность данного глагола к первому спряжению (*тодома*, *тодоми*, *тодому*, *тодомэ*); позже этот глагол принадлежит к третьему спряжению (*тодомэ*, *тодому*). Ср. совр. *тодомэру* ‘останавливать’.

5. *Икани ка* **вакаму** (М, V, № 826) ‘Как **различу**?’

Наращивание суффикса *му* на основу *вака* свидетельствует о принадлежности данного глагола к первому спряжению (*вака*, *ваки*, *ваку*, *вакэ*). Впоследствии он спрягается по образцу глаголов третьего спряжения (*вакэ*, *ваку*). Ср. совр. *вакэру* ‘различать’.

---

[1] Ямада Ёсио. Наратё бумпōси. 1913, стр. 106—107. Далее: Ямада. Наратё . . .

6. *Имо-ва* **васурадзи** (Нихонги, II) ‘**Не забуду** милую’.

Наращивание суффикса *дзи* на основу *васура* свидетельствует о принадлежности в то время глагола *васурэру* ‘забывать’ к первому спряжению (*васура*, *васури*, *васуру*, *васурэ*). Лишь в дальнейшем он перешел в разряд глаголов с двухступенным аблаутом (*васурэ*, *васуру*). Ср. совр. *васурэру*.

Эти и многие другие примеры, встречающиеся в текстах, записанных в VIII в., указывают на явное преобладание первоначально глаголов с четырехступенным аблаутом над глаголами с двухступенным аблаутом. Более того, двухступенный аблаут проявляется даже в тех глаголах, в которых их односложность и совпадение тем самым основы с корнем казалось бы, должны были препятствовать чередованию. Так, глагол *нэ-ру* ‘спать’ как в древнем, так и в старом языке даёт правильное двухступенное чередование по типу: 1, 2 *нэ*, 3 *ну* (4 +*ру*, 5 +*рэ*). Последнее очень важно иметь в виду, так как незнание этого может послужить препятствием к отысканию этого глагола в японском словаре старого языка, где дается форма *ну*. То же относится к такому глаголу, как *хэ-ру* ‘проходить’ (о времени): 1, 2 *хэ*, 3 *фу* (4 +*ру*, 5 +*рэ*).[1]

Таково было, повидимому, положение вещей в древнем языке, т. е. в языке, еще предшествовавшем записи самых старых памятников, таких как «Кодзики», «Манъёсю», «Микотонори» и т. п. В дальнейшем круг глаголов, характеризуемых четырехступенным аблаутом, постепенно сужается, а глаголы, характеризуемые двухступенным чередованием, проявляют тенденцию к полной потере аблаута. Последнее, однако, относится уже к языку XVII в. и будет нами описано в дальнейшем.

Указанным типам правильных спряжений в старом языке противопоставляются четыре типа неправильных глаголов, образующих четыре неправильных спряжения. «Неправильности» их выражаются в основном в отклонении от одного из установленных типов аблаута, а также в использовании для некоторых из них суффиксов *ру* и *рэ*.

Ниже даем подробный анализ спряжения неправильных глаголов.

Глагол *су* ‘делать’. Парадигма спряжения: 1 *сэ*, 2 *си*, 3 *су* (4 +*ру*, 5 +*рэ*).

---

[1] Вопрос о чередовании согласных *х*/*ф* мы здесь оставляем в стороне. Укажем лишь на то, что: а) чередование это вполне закономерно с точки зрения японской исторической фонетики, б) есть основание полагать, что в древнем языке ему соответствовал один согласный — *п*. Вся парадигма тогда соответственно имела форму; **пэ ~ *пу*.

Отклонение от господствующего типа спряжения выражается в трехступенном чередовании гласных вместо ожидаемого двухступенного: *э ~ и ~ у* (+*ру*, +*рэ*) вместо *э ~ у* (+*ру*, +*рэ*) или же *и ~ у* (+*ру*, +*рэ*). Интересна тенденция к «сглаживанию» этой «неправильности», проявляющаяся в языке XV—XVI вв., где в некоторых случаях встречается форма страдательного залога от основы на *си — сирару*, наряду, правда, и с такими, как *сэрару* и *саруру*.[1]

Параллельно с этим в современном языке используется и другая форма спряжения *суру*, обслуживающая глаголы, заимствованные с китайского.

Глаголы с односложным корнем китайского происхождения, имеющим долгий гласный или *н* в ауслауте, сочетаясь с глаголом *суру*, вызывают озвончение *с* и дают тип спряжения, лишенный аблаута: *кōдзиру* ‘затрудняться’, *андзиру* ‘беспокоиться’.[2] В этих случаях, следовательно, парадигма *суру > дзуру* оказывается тождественной парадигме типа *миру* ‘смотреть’: *си*, *сиру*, *сирэ* или (гораздо чаще) *дзи*, *дзиру*, *дзирэ*.

Иной тип спряжения получается в случае двусложного или двухморного китаизма. В этих случаях, как указывает Мицуя Сигэмацу, не исключена возможность спряжения *суру* по типу *ёму*, т. е. с четырехступенным чередованием: *рякусан* (отрицание от *рякусуру* ‘сокращать’), *якусу кото* (определительная форма от *якусуру* ‘переводить’). Парадигма глагола *суру* в этих случаях, следовательно, оказывается тождественной с парадигмой типа *ёму*: *са*, *си*, *су*, *сэ*.[3]

Во всех остальных случаях, т. е. при использовании *суру* в качестве самостоятельного глагола или при присоединении его к китайскому корню, состоящему из двух слогов, но четырех мор (тип: *кэнкю̄*, *бэнкё̄*), форма первой основы варьирует в зависимости от ее функции. При страдательном или побудительном залоге она характеризуется гласным *а*, например *кэнкю̄сарэру*, *кэнкю̄сасэру*. В случае отрицания первая основа характеризуется гласным *и*, например *кэнкю̄синай*. Вся парадигма поэтому получает следующий вид: 1 *са*, *си*, 2 *си*, 3 *суру*, 4 *сурэ*. Все три типа спряжения *суру* сосуществуют в современном литературном языке. С точки зрения внутренних законов развития языка тип *андзиру* и

---

[1] Юдзава Кōкитирō. Муромати дзидай-но гэнго кэнкю̄. 1929, стр. 231. Далее: Юдзава. Муромати...

[2] Мицуя Сигэмацу. Бумпōрон то кокугогаку. 1932, стр. 4. Далее: Мицуя. Бумпōрон...

[3] Там же, стр. 3.

рякусуру, нам думается, можно рассматривать, как полную ассимиляцию заимствований и слияние их с собственно японской лексикой. Такое заключение напрашивается само собою, если принять во внимание обычную грамматическую функцию глагола *суру*, обслуживающего заимствованную лексику и тем самым могущего служить морфологическим признаком заимствования.

Глагол *кːру* 'приходить'. Парадигма спряжения: 1 *ко*, 2 *ки*, 3 *ку* (4 +*ру*, 5 +*рэ*). Этот глагол, так же как и предыдущий, образован на основе трехступенного чередования гласных *о*, *и*, *у* в сочетании с наращиванием суффиксов *ру* и *рэ*. Бросается в глаза характеристика первой основы, выраженной гласным *о*, совершенно необычная с точки зрения системы японского глагола. Однако это кажется так лишь с первого взгляда и без учета данных истории языка. Последние позволяют предположить наличие глагольной основы на *о* и для ряда других глаголов. К этому заключению мы приходим на основе анализа некоторых глаголов, получивших уже определенную морфологическую характеристику. Так, суффикс перемежаемости действия старого языка *фу* (< **пу*), присоединяясь к первой основе глагола первого спряжения, выявляет нередко основу на гласный *о*. Глагол *ууруру* 'проходить', 'увядать' дает форму *ууроу* вместо ожидаемой формы *ууруау*; глагол *хокору* 'хвастать' дает форму *хокороу*; глагол *сусуру* 'тянуть' (жидкость)—форму *сусуроу;* глагол *ясуму* 'отдыхать'—форму *ясумоу*; глагол *мацуру* 'чтить'—форму *мацуроу*.[1]

Аналогичную характеристику нередко получает первая основа глагола первого спряжения и при сочетании с суффиксом *су*. (Японская грамматика определяет его как суффикс «вежливости». Спрягается по первому спряжению). В сочетании с этим суффиксом глагол *сиру* 'ведать' дает форму *сиросу*; глагол *кику* 'слышать'—форму *кикосу*; глагол *омоу* 'думать'—форму *омоосу*; глагол *ору* 'быть'—форму *оросу*.[2] Параллельно возможны формы *сирасу* и *кикасу*. Если учесть то, что форма на *о* встречается с такими суффиксами, которые отражены лишь в древних текстах и, повидимому, за гранью древнего языка потеряли свою продуктивность, можно прийти к заключению, что она отразила более древнее состояние языка и что огласовка на *о* некогда могла быть обычной для японского глагола. Сохранение ее в одном единственном глаголе,

---

[1] См. Ямада. Наратё... стр., 170—171.
[2] Там же, стр. 165.

естественно, противопоставляет этот глагол всей системе и превращает его таким образом в исключение.

Ямада в своей грамматике «Наратё бумпōси» делает попытку раскрыть механизм описанного выше явления, указывая на возможность проявления в этом закона гармонии гласных. Он говорит о том, что наличие в глагольном корне губных гласных заднего ряда (т. е. гласных *о*, *у*) обычно сочетается с появлением гласного *о* при наращивании суффиксов *су* и *фу*. Действительно, почти все из перечисленных выше глаголов могут быть отнесены к этой рубрике (см. *хокору*, *уцуру*, *сусуру*, *ору*, *омоу*). Особенно поучительны, однако, примеры отрицательного порядка, которые Ямада не считает нужным учитывать. Отсутствие огласовки на *о* в таких глаголах, как *катару* ~ *катарау*, (а не *катароу*), *ватару* ~ *ватарау*, *нагэку* ~ *нагэкау*, *набику* ~ *набикау*, *тэру* ~ *тэрасу*, *нагэку* ~ *нагэкасу*, *мацу* ~ *матасу* и т. п., только подтверждает высказанную им гипотезу. Все эти примеры указывают на то, что при отсутствии в корне губных гласных заднего ряда гласный *о* не имеет условий для своего появления. Некоторые исключения в этом случае, такие, например, как *кику* ~ *кикосу* ~ *кикоюру*, которые заставили Ямада поколебаться в своем мнении, могут возникать по принципу аналогии и лишь подтверждать наличие общей нормы.

Все сказанное выше мы приводим лишь в порядке гипотезы, так как не берем на себя смелости категорически утверждать что-либо в отношении столь древнего периода в развитии языка. Высказывая данную гипотезу, нам хотелось бы привлечь к ней внимание языковедов и побудить их к дальнейшим изысканиям.

В третью группу неправильных глаголов включаются глаголы *сину* ‘умирать’ и *ину* ‘уходить’.

Парадигма спряжения *сину* (resp. *ину*): 1 *сина*, 2 *сини*, 3 *сину* (4 +*ру*, 5 +*рэ*), 6 *синэ*.

Данная парадигма объединяет в себе два типа: а) четырехступенный аблаут и б) наращивание суффиксов *ру* и *рэ*. Если первый тип характерен для глаголов первого спряжения, то второй тип присущ глаголам всех остальных спряжений.

Исходя из структуры рюкюского глагола, Астон и Чемберлен утверждают первичность глагольного типа, представленного глаголами *сину* и *ину*, для японского языка вообще.[1]

---

[1] B. H. Chamberlain. Essay in aid of a Grammar and Dictionary of the Luchuan Language. 1895, Transactions of the Asiatic Society of Japan, т. XXIII, стр. 139—146. Также: Андо Масацугу. Кодай кокуго-но кэнкю̄. 1924, стр. 229—232.

Аргументация их сводится к тому, что наличие особой определительной формы (суффикс *ру*), отличной от заключительной, в рюкюских диалектах характеризует собой и те глаголы, которые в японском принадлежат к так называемому первому спряжению. Так, японскому *тору* 'брать', используемому как в функции конечного сказуемого, так и в функции определения, в рюкюском соответствуют две разные формы: конечное сказуемое — *tuyu^{n}g*, определительная форма — *tuyuru*. Другого типа спряжения в рюкюском вообще нет.

С этим толкованием согласиться никак нельзя, так как в строении рюкюского глагола отсутствует самый характерный элемент японского глагола — чередование гласных. Поэтому рассматривать форму рюкюского глагола как «первичную» в отношении японского, с нашей точки зрения, невозможно. Самое важное, что можно извлечь из такого сопоставления, — это четкое выделение суффикса *ру* в функции определения, следовательно, в особой синтаксической позиции. Мы очень далеки от стремления найти какой-то первичный тип глагола — единственный источник для всех остальных глагольных типов. В нашем анализе нас интересуют лишь общие тенденции развития японского языка, отраженные в глаголе в историческую эпоху его существования. Всякая попытка установления какого-то глагольного «монизма», с нашей точки зрения, бесплодна и лишена основания.

К четвертой группе неправильных глаголов принадлежат два глагола бытия: *ари* и *ори*.

Парадигма спряжения *ари* (resp. *ори*): 1 *ара*, 2 *ари*, 3 *ари*, 4 *ару*, 5 *арэ*.

Тип спряжения этих глаголов совпадает со спряжением глаголов типа *ёму* (первое спряжение) за исключением третьей основы, омонимичной второй основе (в данном случае для большей наглядности мы эту основу выделим особо).

Указанными четырьмя типами исчерпываются все неправильные спряжения японского глагола в старом языке.[1]

Прежде чем перейти к вопросу о дальнейшей эволюции японских глаголов, необходимо вкратце осветить вопрос о значении и функции глагольных основ, особо остановившись на моментах отличия от современного языка. Основы японского глагола, составляющие парадигму спряжения, выде-

---

[1] Большая часть спрягаемых суффиксов, отклоняющихся от господствующей нормы, также попадает в ту или иную из указанных выше групп, поэтому в дальнейшем при анализе таких суффиксов мы будем ссылаться на приведенные выше глаголы.

ляются по принципу сочетаемости-несочетаемости с глагольными суффиксами — выразителями видо-временны́х, залоговых и модальных значений. Этот признак характеризует собой глагольные основы как современного, так и старого языка. Однако, как мы видели выше, формы основ могут быть иными, чем в современном языке (это относится преимущественно к глаголам, характеризуемым двухступенным чередованием гласных), иными могут быть и функции основ. Главный момент отличия заключается в образовании, для глаголов второго и третьего спряжений, особой определительной основы путем наращивания суффикса *ру* на заключительную основу. Так, если заключительная основа от глагола *табу* ‘кушать’ (ср. совр. *табэру*) совпадает с заключительной (она же и определительная) основой глаголов первого спряжения *ёму* ‘читать’, *каку* ‘писать’, *тобу* ‘летать’ и т. п., то определительная принимает форму *табу-ру*, *мотию-ру*.[1]

От заключительной же основы образуется путем наращивания суффикса *рэ* так называемая условно-временна́я (она же и уступительная) основа *табу-рэ*, *мотию-рэ*, сочетающаяся в предложении с соответственными суффиксами наклонений. Ниже, для большей наглядности, приводим сравнительную таблицу глаголов первого, второго и третьего спряжений в старом языке.

I спряжение: 1 *ёма*, 2 *ёми*, 3, 4 *ёму*, 5 *ёмэ*.
II спряжение: 1 *мотии*, 2 *мотии*, 3 *мотию* (4 + *ру*, 5 + *рэ*).
III спряжение: 1 *табэ*, 2 *табэ*, 3 *табу* (4 + *ру*, 5 + *рэ*).

Конкретизируем это положение на нескольких простейших примерах.

Хон-о ёму ‘читать книгу’; *фудэ-о мотию* ‘пользоваться кистью’; *мэси-о табу* ‘поглощать пищу’.

Ёму хон ‘книга, которую читают’; *мотиюру фудэ* ‘кисть, которой пользуются’; *табуру мэси* ‘пища, которую едят’.

Приведенная таблица дает парадигмы в том виде, какой они имели в старом языке (ориентировочно VII—XII вв.). Однако в это время уже намечается то основное отклонение, которому в дальнейшем было суждено сыграть такую большую роль в структуре глагольной парадигмы. Мы говорим об использовании так называемой определительной основы в значении заключительной.

---

[1] У глаголов типа *миру* ‘видеть’ заключительная основа совпадает с определительной по типу глаголов первого спряжения: *хито-о миру* ‘видеть человека’, *миру хито* ‘человек, который видит’.

Уже в «Такэтори-моногатари» можно найти некоторое, хотя и весьма небольшое, количество примеров этого.

1. *Мияцукомаро-га тэ-ни ммасэтару ко-нитэ мо арадзу, мукаси яма-нитэ* **мицукэтару** (Т, 25) ‘Это не дитя, рожденное Мияцукомаро, а **найденное** некогда в лесу’.

Форма *тару* — определительная основа суффикса перфекта *тари* — выступает в функции конечного сказуемого.

2. «*Имидзикараму кокоти мо сэдзу, канасику номи наму ару. Сарэдо онога кокоро нарадзу макаринаму то* **суру**» *то ицитэ...* (Т, 29) «‘[Я] не больна, мне просто грустно. И все ж-таки против своей воли **собираюсь** уехать» — так сказав...’.

Форма *суру* является определительной от глагола *су* ‘делать’ (здесь в служебной функции). В цитированном тексте она использована в качестве заключительного сказуемого в прямой речи, перед глаголом говорения.

Ёсидзава, ссылаясь на Ямада («Хэйантё бумпōси»), указывает на связь между определительной формой конечного сказуемого и диалогом, отраженную в памятниках X в.[1] Думается, однако, что в этом отношении оба указанные автора не совсем правы, так как большая часть приведенных ими примеров падает на те случаи, в которых вслед за прямой речью непосредственно идет глагол говорения с соответственным союзом. Лишь весьма редкие случаи падают на использование указанной формы сказуемого без непосредственного примыкания к авторской речи. Можно ли поэтому усматривать генезис этой формы в диалогической речи? Вряд ли, так как реальный диалог никогда не сочетается с авторской речью, а характеризуется непосредственной сменой реплик. Для ясности приведем несколько примеров, цитируемых Ямада.

1. «*Мисэтатэмацураму-но кокоро-нитэ* **ёи-сэсасэцуру**» *надо кикоэтамау*[2] (Г, гл. «Момидзига») ‘«**Приготовился**, думая показать» — так сказал’.

Глагол характеризуется определительной формой суффикса перфекта *цу* (*цуру*). К нему, однако, примыкает частица *надо* и далее следует глагол говорения.

2. «*Кадзэ-ни одзисасэтамаитэ, кэса-ва* **э-окиагарита-мавадзарицуру**» *то онмэното дзо кикоюру*[3] (Г, гл. «Новаки»)

---

[1] Ёсидзава Ёсинори. Кокугоси гайсэцу. 1936, стр. 168. Далее: Ёсидзава. Кокугоси...

[2] Цит. по: Ямада. Хэйантё бумпōси. 1913, стр. 594. Далее: Ямада. Хэйантё...

[3] Там же, стр. 596.

‘«Испугавшись ветра, сегодня утром **не смог встать**» — так сказала кормилица’.

После прямой речи следует изъяснительный союз *то* ‘что’ и глагол говорения.

Примеры на прямую речь без сочетания с авторскими ремарками встречаются в памятниках X века столь же редко, как использование описываемой формы в непрямой речи. Наличие определительной формы сказуемого в конструкциях, подобных приведенным выше, может объясняться структурой всего предложения в целом, а вовсе не структурой лишь той части предложения, которая передает прямую речь. Короче говоря, подобное сказуемое вряд ли можно рассматривать как конечное; и синтаксически и интонационно оно несомненно связано с дальнейшим. Поэтому показательным мы считаем только такой тип сказуемого, который встречается в абсолютной концовке, перед разделительной паузой. А такой тип может встретиться как в прямой, так и в непрямой речи. Например:

1. «*Судзумэ-но ко-о инуки-га* **нигасицуру**. *Фусэго-но ути-ни комэтарицуру моно-о*» *тотэ*... (Г, 157—158) ‘«Птенчика воробья Инуки **упустила**. А (я-то) поместила его в корзинку» — так сказав...’.

Глагол *нигасицуру* может быть использован в качестве примера, ввиду того, что он стоит перед разделительной паузой и, следовательно, находится в конце предложения. В этом смысле данное предложение, взятое из прямой речи, ничем принципиально не отличается от предложения непрямого, взятого выше из «Такэтори-моногатари». Все это говорит о том, что в языке памятников X в. примеров на использование определительной основы в значении заключительной еще весьма мало. Однако, как бы мало их ни было, мы не можем их игнорировать, так как и это небольшое количество, видимо, знаменует собой начало определенного процесса.

На протяжении ряда веков определительная основа в качестве заключительной встречается еще весьма редко, прежде чем стать главенствующей в языке, повидимому, уже в XV—XVI вв.

Так, японская грамматика «Кōгохō бэкки», изданная комиссией по обследованию родного языка,[1] отмечает некоторое небольшое число случаев употребления определительной основы в качестве заключительной в ранних словарях X—XI вв. В словаре «Руйдзюмёгисё» при толковании отдельных

---

[1] Кōгохō бэкки. 1917.

иероглифов в качестве словарной формы используется определительная основа.[1] Небольшое число примеров эта же грамматика цитирует и из «Кондзяку-моногатари» (XI в.). Интересно при этом, что из трех примеров два падают на глагол *суру* в форме намерения (*то суру*). В третьем примере использован суффикс прошедшего совершенного (*ну*).

1. *Коно тэнгу-но тамэ-ни куикоросарэнан-то* **суру.** ‘Из-за этого тэнгу [ее] **собирались** загрызть до смерти’.

Глагол *суру* в определительной форме использован в качестве заключительного сказуемого (заключительная форма была бы *су*).

2. *Тити-но иваку . . . нао авасэму-то* **суру** ‘Отец сказал: «И все же [я] **хочу** сочетать» [их браком]’.[2]

Аналогичные примеры из «Кондзяку» приводит и Ёсидзава Ёсинори:

3. *Сударэ-но ути-ни татэ кикаму-то* **суру**. *Ёру нарэба хито мо наси*[3] ‘Стоя за занавесками, **старался** услыхать. Так как была ночь, никого не было’.

4. «*Э-тадзунэаитатэмацурадзу*» *тотэ, цукаи* **каэрикинуру**[4]
‘«[Я] не смог увидеться», с этими словами посланец **вернулся**’.

Небольшое число примеров встречается и в сборнике XII в. «Хōбуцу-сю̄». Например:

1. *Мурасаки-сикибу, сорагото-о моттэ, Гэндзи-моногатари-о цукуриси юэ-ни, дзигоку-ни отитэ, кукан-о* **укуру**, *хаяку Гендзи-о якисутэ*[5] . . . ‘Из-за того, что Мурасаки-сикибу на измышлениях сделала свою «Повесть о принце Гэндзи», [она] попала в ад и там **терпит** горькое наказание. Поскорее сожги «Гэндзи-моногатари» . . .’.

Определительная основа *укуру* использована в значении заключительной.

2. *Каё̄-но кото-о мо сиринагара мо, сакэ-о коному моно мо о̄ку* **хабэру** ‘Хоть и знают это, тем не менее много **есть** таких людей, которые любят вино’.

Форма *хабэру*, являясь определительной основой глагола *хабэри*, выступает в функции конечного сказуемого.

Ниже приводим ряд примеров из памятников XIII в. — «Хэйкэ-моногатари» и «Хōдзёки».

---

[1] Кōгохō бэкки, стр. 90.
[2] Там же, стр. 90—91.
[3] Ёсидзава. Кокугоси . . ., стр. 169.
[4] Там же, Кōгохō бэкки, стр. 91.
[5] Цит. по: Кōгохō бэкки, стр. 91.

1. *Кэндзё̄-ни-ва кэккоку-о тамаубэкиёси ōсэ* **кудасарэкэру** (X, 2) ‘**Было** повеление о том, что в награду ему (Тадамори) даруют свободную [от губернатора] провинцию’.

Кэру — определительная основа суффикса давно прошедшего *кэри* — использована в данном примере в качестве заключительной.

2. *Харима-но ками-ни ццутэ онадзики саннэн дадзай-но дайни-ни* **нару** (X, 5) ‘[Он] стал правителем Харима и в том же третьем году **стал** «дайни» в Дадзайфу’.[1]

Нару — определительная основа глагола *нари* (глагол *нари* в старом языке принадлежит к тому же глагольному типу, что и неправильный глагол *ари*).

3. *Итиин мо, исоги Рокухара-э* **гокō нару** (X, 24). ‘Экс-император также поспешно **проследовал** в Рокухара’.

4. *Сюто каэриагарикэрэба, итиин Рокухара-ёри* **кангё̄ нару** (X, 24) ‘Когда воинствующие монахи вернулись [к себе в монастырь], тогда и экс-император также **вернулся** из Рокухара’.

5. *Кё̄-ва ситидзюгонити-ни* **нару** (X, 31) ‘Сегодня **наступает** семьдесят пятый день’.

6. *Ару токи хōō мо гокō* **нару** (X, 32) ‘Однажды и экс-император-монах **свершил** выезд’.

Интересно отметить, что в трех книгах «Хэйкэ-моногатари» (135 страниц сплошного текста в издании Ямада) определительная основа в качестве заключительной используется лишь у суффикса *кэру* и вспомогательного глагола *нару*. При этом *нари* в форме *нару* (определительная основа) используется преимущественно в специальном вежливом обороте, означающем поездку какого-либо высокопоставленного лица (императора, экс-императора и т. п.). Суть этого оборота заключается в употреблении при косвенном дополнении вместо глагольного сказуемого именного с особой стилистической функцией вежливости (ср. *гокō-нару*, *кангё̄-нару*, *гёсюцу-нару*).

Оба примера на использование определительной основы в качестве заключительной в «Хōдзёки» тоже падают на форму *нару* (в значении «становиться»).

Какова, однако, суть того явления, которое мы, согласно школьной грамматике, назвали выше «определительной» или, иначе, «четвертой» основой? (Морфологическая характеристика

---

[1] *Дайни* — должность генерал-губернатора острова Кюсю. *Дадзайфу* — генерал-губернаторство острова Кюсю.

этой формы для глаголов второго и третьего спряжений — суффикс *ру*, наращиваемый на заключительную основу; для глаголов остальных спряжений — форма, совпадающая с заключительной основой, иначе — отсутствие специальной определительной основы).

Японская грамматика рассматривает указанную форму типа *табуру*, *мотиюру* в ряду глагольных изменений, выделяя только одну ее синтаксическую функцию — функцию определения. На самом деле, однако, форма на *ру* может служить не только определением, но и подлежащим и дополнением, следовательно, является склоняемым словом, по содержанию своему, вместе с тем, указывая на признак предмета. Все это вместе взятое сближает данную форму с причастием.

Вот как А. А. Потебня определяет причастие: «Между тем, в нашем языке и близких к нему из всех отделов имени одно причастие прямо примыкает к глаголу, занимая по значению середину между ним, с одной стороны, и существительным и прилагательным в тесном смысле — с другой. В причастии возникающий признак (черта глагола) представляется данным (черта имени); иначе: в нем данный признак представляется зависимым от энергии, присущей предмету, но сама эта энергия не мыслится, между тем как в собственном прилагательном не мыслится и отношение энергии. «„Зеленеющая„ трава значит не только имеющая признак зелени, как „зеленая“, но и имеющая его в силу того, что сама производит этот признак».[1]

И далее: «Прежде всего мы не должны себе представлять причастия непременно словом отглагольным: оно не происходит от глагола, а появляется вместе с ним».[2]

Японская грамматика, как школьная, так и научная, определяя форму на *ру*, отождествляет эту форму с глаголом, выделяя при этом лишь одну ее синтаксическую функцию — функцию определения. В отношении японского языка, следовательно, в первую очередь должна быть раскрыта именная природа этой формы, что выпало из поля зрения японской грамматики.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров, мы должны оговориться, что используемый нами термин «форма на *ру*» условен, так как у разных глаголов

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. 1874, т, I. стр. 108. Далее: А. А. Потебня. Из записок . . .

[2] А. А. Потебня. Из записок..., т. I, стр. 109.

и глагольных суффиксов могут быть свои формы определительной основы.

1. . . . *Тэрикагаяку кидомо татэри. Соно нака-ни,* ***коно*** *торитэ, мотитэ мōдэ* **китариси**-*ва, ито варокарисикадомо*. . . (Т, 9—10) 'Стояли сверкающие деревья. И хотя вот это взятое [мной] и **привезенное**, было из них самое плохое, но . . .'.

Данный пример весьма показателен по следующим двум моментам: а) при подлежащем стоит указательное местоимение *коно*, допустимое в этой форме лишь при имени; наличие *коно* может само по себе уже служить подтверждением наличия причастия; б) причастие это (характеризуемое «определительной» формой суффикса прошедшего времени *ки* в форме *си*) указывает в данном случае не на действующее лицо, а на объект действия. В русском переводе этому соответствует причастие страдательного залога. В японском описываемая форма в залоговом отношении не дифференцирована. Это отсутствие залоговой дифференциации, повидимому, характерно для причастий на ранней ступени их развития. Так, Потебня пишет: «Легкость, с которою формы как — плет [1] принимают то действительное, то страдательное значение, ведет к мысли, что первоначально залога в них вовсе не было».[2] И там же: «Итак, первобытное имя — причастие могло равняться нынешнему причастию за вычетом из последнего между прочим категории времени и залога».[3]

Отсутствие залога, следовательно, не должно нас смущать. Однако совершенно очевидно, что нельзя ограничиваться подобного рода отрицательной характеристикой и необходимо дать ряд положительных примеров.

2. *Корэ карэ* **сиру сирану,** *окурису* (Тн, 1) 'Эти, те, **знающие**, **не знающие**, провожают' (т. е. знакомые и незнакомые).

Интересный анализ этого предложения дает Ōцуки Фумихико, указывая на наличие в нем четырех подлежащих. *Корэ*, *карэ*, точно так же как *сиру* и *сирану*, он определяет как подлежащие, причем к двум последним словам он в скобках подставляет существительное *хито* 'человек'.[4] Тем самым он раскрывает значение данных слов как nomen agentis, подчеркивая подстановкой определяемого отсутствие данной формы в современном языке.

---

[1] Серб. *брзо-плет* (род наскоро плетомого плетня).
[2] А. А. Потебня. Из записок. . . т. I, стр. 110.
[3] Там же.
[4] Оцуки Фумихико. Кō Нихон бунтэн. 1898, стр. 265.

Таким образом, приведенное выше предложение оказывается слитным с четырьмя совершенно равноправными подлежащими, два из которых выражены местоимениями, два — причастиями.

3. *Юку хито мо* **томару** *мо содэ-но намидагава* (Тн, 6) ‘И [у] уходящих людей и [у] **остающихся** рукава — река слез’.

4. *Има хитоцу-но* **окияканару**-*ни-ва*, *самадзама-но кудамоно*, *ироиро-но мотии*, *сусуки*, *кокицирэтэ* (О) ‘В другую же большую (дословно: ‘**являющуюся большой**’) различные фрукты, пирожки, все вместе сложив’.

Этот пример интересен тем, что в нем причастие *окияканару*, выражая признак предмета, выступает как его заместитель, утверждая таким образом свою именную природу.

5. *Он-о* **сиру**-*о хито-то-ва ю̄ дзо*, *он-о* **сирану**-*о-ба тикусё̄-то косо иэ* (Х, 5) ‘**Понимающего** благодеяние называют человеком, **непонимающего** благодеяние называют скотом’.

6. *Но сато-ни афурэитару цувамоно ару-ва ёрон-о китэ*, *имада кабуто-о* **кину** *мо ари*, *ару-ва я отэ имада юми-о* **мотану** *мо ари* (Х, 70) ‘[Среди] воинов, переполнявших селения... одни были в кольчугах, но еще без шлемов, другие со стрелами, но еще без луков’ (дословно: были еще не **надевшие** шлемов, были и еще не **имеющие** луков’).

Оба последние примера иллюстрируют наличие искомой формы и в «Хэйкэ-моногатари». В обоих случаях описываемая форма выступает как самостоятельное склоняемое слово.

Во всех указанных выше примерах отсутствует основной признак определения — соотнесенность с определяемым. Анализируемая форма выступает как совершенно самостоятельное склоняемое слово. Это отнюдь не противоречит тому, что данная форма может служить и определением как препозитивным (т. е. стоящим перед определяемым), так и постпозитивным (т. е. стоящим после определяемого), что вполне свойственно причастию. Ниже приведем ряд примеров.

Примеры на препозитивное определение:

1. *Морокоси-ни* **ару** *хинэдзуми-но* **кавагоромо**-*о тамаэ* (Т, 5) ‘Достаньте мне **имеющуюся** в Китае **шкурку** огненной мыши’.

2. *Коно куни-ни* **миэну** *тама-но* **эда** *нари* (Т, 8) ‘[Это] — **невиданная** в нашей стране драгоценная **ветка**’.

Суффикс *ну* — «определительная» основа отрицательного суффикса *дзу*.

3. *Корэ я вага* **мотомуру яма** *нараму-то омоэдо*... (Т, 9) ‘И хотя мы думали — не это ли та **гора**, которую мы **ищем**...’

4. *Сарани сио-ни* **нурэтару кину**-*о дани нугикаэнадэ наму, коти мōдэкицуру* (Т, 10) ‘И даже не снимая **смоченного** морской водой **платья**, [я] пришел сюда’.

Тару — «определительная» основа суффикса перфекта *тари*.

Примеры на постпозитивное определение:

1. *Коно* **фунэ-но ябурэтару** *мотэ сио-о якики* (К, 246) ‘Из этой **лодки сломавшейся** стали выжигать соль’.

Глагол *ябуру, ябурэтару* ‘сломавшейся’ (с суффиксом перфекта *тари*) выступает как постпозитивное определение к существительному *фунэ* ‘лодка’.

2. *Ару ямадэра-ни Биндзуру-но маэ нару* **хати-но**, *хитагуро-ни* **сусудзукитару**-*о торитэ, нисики-но фукуро-ни ирэтэ, цукурибана-но эда-ни цукэтэ, Кагуяхимэ-но ути-ни мотэкитэ мисэкэрэба* (Т, 5) ‘В одном горном храме, достав **чашу**, стоявшую перед Биндзуру, черным-черно **закоптевшую**, положил ее в парчовый мешок, прикрепил к искусственной ветке и когда принес в дом к Кагуяхимэ и показал, то...’.

Сусудзукитару ‘закоптевшая’ служит постпозитивным определением к существительному *хати* ‘чаша’.

3. *Онна кику-но* **хана-но уцуроэру**-*о оритэ, отоко-но мото-э яру* (И, 610) ‘[некая] дама, **цветок** хризантемы **увядший** сорвав, [некоему] кавалеру [его] послала’.

Уцуроэру (перфект глагола *уцуроу*) служит постпозитивным определением к существительному *хана* ‘цветок’.

Сказуемое, выраженное причастием

В старом языке так называемая «определительная» основа могла быть использована и в функции конечного сказуемого, однако лишь в предложениях модально окрашенных, восклицательных, вопросительных, экспрессивно выделенных.[1]

1. *Коко-ни Коси-но ямата орори* **намо**, *тосигото-ни китэ куу* **нару** (К, 125) ‘Сюда восьмиглавый змей из Коси ежегодно является и пожирает [дочерей]’.

Экспрессивно выделенное подлежащее влечет за собою форму сказуемого *нару* вместо *нари*.

2. *Карэ яцуко-га итадэ-о* **намо оицуру** (К, 266) ‘Поэтому-то я и **получил** рану от этого низкорожденного’.

Экспрессивно выделенное частицей *намо* дополнение вызывает форму сказуемого *оицуру* вместо *оицу* (вторая основа *ои* от глагола *оу* + суффикс прошедшего совершенного *цу*).

---

[1] Ямада. Наратё..., стр. 121—123.

3. *Амата* ё **дзо** *нуру* (М, XV)[1] ‘Много ночей спал’.

Экспрессивно выделенное частицей *дзо* обстоятельство вызывает форму сказуемого *нуру* вместо *ну*.

4. *Сика-но ама-но хитоки мо отидзу яку сио-но караки кои-о мо арэ-ва* **суру камо** (М, XV, № 3652) ‘Горька соль, которую каждый день выпаривают рыбаки в Сика — **ах**, горька и моя любовь!’.

Восклицательное предложение завершается (перед восклицательной частицей *камо*) формально определительной формой сказуемого *суру* вместо *су*.

5. *Надзо мо имаси* **накифусэру** (К, 188) ‘Отчего ты **лежишь и плачешь?**’

Вопросительное предложение (вопросительное наречие — *надзо*, ср. совр. *надзэ*) завершается формально определительной формой сказуемого *накифусэру* вместо *накифусэри*.

Не умножая здесь примеров, подведем итог. Особая форма конечного сказуемого в предложениях модального характера была уже давно замечена японскими исследователями.[2] Вопрос этот, однако, остался неосвещенным с точки зрения природы самого сказуемого, появляющегося в предложениях такого типа, хотя Ямада справедливо отмечал возможность подобного сказуемого и при отсутствии частиц *дзо*, *нан*, *я*, *ка* или вопросительных наречий и местоимений.[3]

Исходя из всего сказанного выше, мы считаем возможным утверждать причастный характер данного сказуемого.[4] Напомним здесь, что Потебня особо подчеркивает большую предикативность древнего причастия по сравнению с причастием современным: «в языке, состоявшем, по предположению, кроме местоимений, лишь из причастий и глаголов, оба эти члена предложения были дифференцированы гораздо менее, чем в нынешнем языке имя и глагол. Имя было, так сказать, гораздо предикативнее».[5]

Интересно в данном случае отметить сходство японской конструкции с аналогичной конструкцией на суффикс *ды* в китайском языке, освещенной А. А. Драгуновым.[6] Опреде-

---

[1] Цит. по: Ямада. Наратё . . ., стр. 121.

[2] См., например: Ямада Ёсио. Нихон бумпōрон. 1929, стр. 1290—1302.

[3] Ямада. Наратё. . ., стр. 122.

[4] Вопрос об использовании причастия в качестве сказуемого подчиненного предложения мы в данном случае опускаем.

[5] А. А. Потебня. Из записок. . ., т. I, стр. 110.

[6] А. А. Драгунов. О модальном характере глагольно-именных предложений в современном китайском языке. Сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», Л., 1951.

ляя суффикс *ды* как аттрибутивно-именной, иначе причастно-деепричастный,[1] он устанавливает связь между ним и модальным характером предложения: «Наречия этого типа могут, однако, в предложении и отсутствовать, и в этих случаях модальность высказывания создается самим фактом присоединения к сказуемому именного суффикса *ды*».[2]

Как японская, так и китайская конструкции при этом оказываются связанными с эмоциональной окраской: «С модальным характером именных конструкций рассматриваемого здесь типа нередко связана и эмоциональная их окраска».[3]

Эта параллель, понятно, в плане чисто теоретическом, а не генетическом, может служить подкреплением для наших выводов.

Мы видим теперь, насколько узко и односторонне обозначение описываемой формы в качестве «определительной» основы. Это узко синтаксическое определение не только затушевывает вопрос об ее лексико-грамматической природе, но упускает из вида и все многообразие ее синтаксических возможностей. Обычное включение этой формы в глагольную парадигму определяется двумя моментами: а) исчезновением причастия задолго до той эпохи, когда в Японии появились первые попытки описания и классификации японского глагола;[4] б) вытекающим из этого этимологическим подходом, который обусловлен совпадением глагольного корня с корнем причастия.

С XIII в. причастие начинает постепенно вытеснять конечное сказуемое и из области повествовательного предложения. Школьная грамматика обозначает это явление как использование определительной основы вместо заключительной. Возможно, что здесь сыграла известную роль связь причастия с экспрессивностью, в результате чего причастное сказуемое воспринималось как категорическое утверждение (или категорическое отрицание). Так во всяком случае звучат сказуемые, выраженные причастием в сочетании с глагольной связкой *нари*, используемые уже в X в.

1. *Тацу-о корасаму-то мотомэтамаи сабураэба, каку* **анари** (Т, 18). 'Так **происходит** от того именно, **что** [мы] хотели убить дракона'.

---

[1] Там же, стр. 139.
[2] Там же, стр. 141.
[3] Там же, стр. 140.
[4] Первым из японских ученых стал разрабатывать теорию японского глагола Мотоори Харунива (1763—1828).

Форма *анари* восходит к *аннари*, полученной в результате ассимиляции *ару* перед *нари*.

2. *Хаятэ мо, тацу-но* **фукасуру** *нари* (Т, 18) 'Бурю **насылает** дракон'.

Форма эта, повидимому, равнозначна сказуемому современного языка, состоящему из глагола в сочетании с *но дэс*, или, иначе, из глагольного имени с глагольной связкой *дэс* (тип: *ёму но дес*). Эта конструкция, по мнению проф. А. А. Холодовича, служит для выражения модальности категорического утверждения.[1]

Однако слишком частое использование какой-либо экспрессивной формы приводит обычно к обратному результату — к постепенному ослаблению и в конечном счете — к полному исчезновению ее выразительности. С такой точки зрения, злоупотребление причастным сказуемым должно было, естественно, привести: а) к ослаблению его выразительности и б) к отождествлению его с verbum finitum. Последовавшие за этим фонетические изменения приводят в дальнейшем к полному изчезновению причастия из японского языка. (В настоящее время его субстантивную функцию выполняет отглагольное имя).

Обратимся к конкретным примерам.

1. *Кокороэмаситэ, конодзю нури-ни* **яттэ годзаримасуру**. (Кг, I, 2). 'Слушаюсь, [как раз] недавно [я] **отправил** [шляпу] отлакировать'.

В качестве конечного сказуемого использована определительная форма *годзаримасуру* (с суффиксом *масу*, после второй основы глагола *годзару*). Относительно этого суффикса необходимо напомнить, что в более раннем языке он принадлежал к глаголам первого спряжения (*маса, маси, масу, масэ*). Далее его парадигма совпала со спряжением *суру* (*масэ, маси, масу, масуру, масурэ*). В современном языке тип его спряжения отходит от типа спряжения глагола *суру*, несколько более приближаясь к парадигме первого спряжения (*масэ, маси, масу*; форма определительная и условно-временная практически в современном языке не используется).

2. *Мата миката-но хо̄-ёри мо . . . рокуситики-нитэ*, **оккакуру** (Кг, I, 8) 'И со стороны своих . . . шесть, семь всадников его **нагоняют**.'

В качестве конечного сказуемого использована определительная основа глагола (совр. *оккакэру* от *оикакэру*).

---

[1] А. А. Холодович. Очерки по японскому языку. Уч. зап. Ленингр. унив., сер. филолог. наук, 1946, вып. 10, стр. 195.

3. *Кōя-ни цукау-ва сидзу-га химэнори-нитэ* **ару** (Кг, I, 9). ‘То, чем пользуется красильщик — это [**есть**] крахмал’.

В качестве конечного сказуемого использована определительная основа глагола *ари*.

4. *Ия, дзё̄-мадэ-ва* **ирану** (Кг, I, 16) ‘Нет, письма **не надо**’.

В качестве конечного сказуемого использована определительная форма *ирану* (вторая основа от глагола *иру* + определительная основа отрицательного суффикса *дзу*).

5. *Нō, осороси я! Они-о-ба кадзя-ни-ва* **цукавану** (Кг, I, 19) ‘О ужас! Чорта я **не могу держать** своим слугой!’ (та же форма, что в примере 4).

6. *Ия, тотосама, орэ-га кōситэ куру-ва, бэти-но ги-де-ва* **годзарану** (Кг, I, 21—22) ‘Нет, папаша, я вот, собственно, по какой причине сюда пришла’ (дословно: ‘я ни по какой другой причине сюда пришла [как вот по какой]’).

7. *Ха ха, оннадомо-но* **коэ-га суру** (Кг, I, 23) ‘Ах, ах, **слышится** голос жены’.

В качестве конечного сказуемого использована определительная форма глагола *суру*.

8. *Ия, макэдзи, оторадзи то* **сэй-о дасаруру** (Кг, I, 31) ‘Нет, **старается,** чтоб не быть хуже’.

В качестве конечного сказуемого использована определительная форма *дасаруру* [первая основа глагола *дасу* + суффикс страдательного залога *руру* (совр. *рэру*) в «вежливом» значении].

9. *О, кокороэтэ одзяру. Нанаэ, яэ, коконоэ то косо омоиси-ни, тоэ* **сакиидзуру** . . . (Кг, I, 37) ‘О, я понял! В то время как я думал, что [цветы хаги] распускаются [махровым цветом] в семь, восемь, девять слоев, они **расцвели** в десять слоев’.

В качестве конечного сказуемого использована определительная форма от глагола *идзу* (совр. *дэру*).

10. *Соно токи Санэхира, «сандзōрō, тада ситики» то* **мōсиагуру** (Кг, I, 44). ‘Тогда Санэхира **доложил**: «Так точно, только семь всадников»’.

В качестве конечного сказуемого использована определительная форма глагола *агуру*.

11. *Ёндзю̄ни-но томосиби, итидони харахара батто фукикэ сикэрэба, тōдзай нивакани* **курō нару** (Кг, I, 59) ‘Ввиду того, что разом [ветер] задул сорок две свечи, сразу же всё вокруг **потемнело**’.

В качестве конечного сказуемого использована определительная форма глагола *нари*.

12. *Сатэмо, сатэмо, ицумо-ва мити-га хитосудзи ару га, ā, икусудзи мо* **миюру** (Кг, I, 89) ‘Обычно дорога одна, ах!

[сейчас] **видно** множество дорог' (говорит пьяный, у которого двоится в глазах).

В качестве конечного сказуемого использована определительная форма глагола *мию*.

Примеров в кёгэнах на использование причастной формы в качестве конечного сказуемого не так много, как можно было бы ожидать, ввиду того, что тексты эти написаны в диалогической форме и поэтому в изобилии используют вспомогательный глагол первого спряжения *годзару* (он же глагольная связка) наряду с глагольной связкой, весьма характерной для языка того времени — *одзяру*. Это вносит довольно большое однообразие в сферу конечного сказуемого и лишает нас возможности проследить искомое явление на ряде глаголов. Все же примеров достаточно, чтобы можно было утверждать, что в кёгэнах это уже ведущая форма. Это заключение подтверждается еще и анализом отрицательного материала. Последний обнаруживает почти полное отсутствие использования заключительной основы в качестве конечного сказуемого. Вторая и весьма важная причина некоторой скудности искомого материала заключается в появлении уже ряда новых форм выражения времен (например суффикса прошедшего времени *та*), утерявших первоначальный тип спряжения.[1] В целом, таким образом, язык кёгэнов, несмотря на небольшое сравнительно число примеров использования четвертой («определительной», иначе причастной) основы в значении заключительной, производит впечатление языка довольно далеко уже отошедшего от языка более ранних памятников.

В отношении установления точной хронологии использования описываемой формы в качестве конечного сказуемого большое значение имеет ряд памятников литературы, изданных в Японии Коллегией иезуитов в Амакуса на Кюсю во второй половине XVI — начале XVII в. Ценность этих памятников в лингвистическом отношении исключительно велика, так как все они написаны латиницей и поэтому гораздо ближе передают звучание японского языка, чем тексты иероглифические и силлабические (т. е. написанные каной). Кроме того, все они точно датированы и с этой точки зрения также представляют для нас большой интерес. «Кинкусю» («Сборник золотых изречений»; мы располагаем факсимильным изданием и переводом на иероглифику[2]) относится к 1593 г.

---

[1] В частности, суффикс *ру*. Об этом подробно ниже, в главе III.

[2] Yosida Sumio. On the Qincuxŭ (Kinkusyu) published in 1593 by the Amakusa Collegio of the Jesuit Mission in Jaran. Tokyo, 1938.

В этом памятнике собран ряд изречений дидактического характера, написанных письменным стилем с параллельным переводом на тогдашнюю разговорную речь. Последнее и может служить нам материалом. Ниже приводим ряд примеров.

1. *Biŏja хосихі хепипі yotte tçuini* **xisuru** (Кинкусю, 507) 'Больной не ест и поэтому в конце концов **умирает**.'

Форма *суру* использована как конечная вместо *су*.

2. *Sono curaini yte guegi suru cotobaga jennaraba, хепrino focamademo ynagara guegini tçuqe* **xitagayuru** (Кинкусю, 508) 'Если повеление, изъявленное [им] на своем посту, добродетельно, то в окружности тысячи ри все ему **следуют**'.

Форма *ситагаюру*, соответствуя определительной основе глагола третьего спряжения (совр. *ситагаэру* 'заставлять следовать'), использована в значении заключительной.

3. *Cuпxiua acumade хосиuото nozomazu, ydocoromo qeccôni cocoroyasŭ yru cotomo* **naguecanu** (Кинкусю, 509) 'Мудрец и пищи не алчет до пресыщения, **не вздыхает** и по великолепному приятному жилью'.

В качестве заключительной формы использована определительная форма *нагэкану* (первая основа глагола + суффикс отрицания *дзу*).

4. *Cŏcŏvo tcucusuva yorozzuго jenno motoifajimeto* **naru** (Кинкусю, 511) 'Полная почтительность к родителям — это источник (-начало) всех добродетелей'.

Форма *нару* (определительная) употреблена в качестве заключительной.

Не умножая больше примеров, укажем здесь лишь на то, что аналогичные конструкции встречаются и в так называемых *сёмоно*.[1] *Сёмоно* — это запись лекций и бесед на философско-религиозные и филологические темы (связанных с изучением китайских классиков), которые проводились обычно при буддийских монастырях. Авторами этих комментариев были монахи так называемых *годзан*, т. е. пяти главных монастырей вокруг Кёто.

Юдзава Кокйтиро, впервые по-настоящему обративший внимание на эти тексты с точки зрения их лингвистической ценности, считает, что язык сёмоно передает разговорную речь того времени в ее научно-публицистическом варианте. Сравнение разбираемого им материала с кёгэнами и аналогичной, в языковом отношении, литературой, вполне подтверждает справедливость его мнения. Вышеуказанное явле-

---

[1] См.: Юдзава. Муромати...

ние было также подробно описано в грамматике Дидако Кольядо.[1] В главе, специально посвященной структуре глагола и типам спряжения, автор цитирует описываемую нами форму как форму настоящего времени, распределяя ее по отдельным типам спряжений. В начале XVII в., следовательно, другой формы конечного сказуемого настоящего времени уже не было.

Вот те данные, которыми мы располагаем для суждения о типах спряжения в XV—XVI и начале XVII в. Парадигма глаголов первого спряжения остается такой же, какой она была и в старом языке, характеризуясь четырехступенным аблаутом. Парадигма глаголов четвертого спряжения (тип *миру*) также не претерпевает никаких изменений. Глаголы второго и третьего спряжений, сохраняя двухступенный аблаут (*и* ~ *у*, *э* ~ *у*), теряют заключительную основу. Вся парадигма, соответственно, приобретает следующий вид: 1, 2 *табэ*, 3, 4 *табуру*, 5 *табурэ*; 1, 2 *мотии*, 3, 4 *мотиюру*, 5 *мотиюрэ*. Отсюда лишь один шаг к приобретению того облика, который имеют эти глаголы в современном языке. Облик этот они получают благодаря потере аблаута и сохранению, следовательно, одной огласовки для всех основ.

Прежде чем перейти к этому вопросу, который мы рассматриваем как следующий этап в развитии парадигмы, необходимо подвести итоги тому, что возникло в результате рассмотренных выше изменений.

В результате использования причастия в функции конечного сказуемого в главном или в простом предложении причастие исчезло, получив значение verbum finitum. Это не значит, что verbum finitum отсутствовало до этого процесса. Глагольная категория существовала уже давно, — в древнейших памятниках, во всяком случае, она уже налицо. Это означает лишь то, что причастие, оглаголившись, вытеснило verbum finitum в его прежней бессуффиксальной форме. Вместо verbum finitum *табу* ‘кушать’, *каку* ‘вешать’, *саматагу* ‘препятствовать’, *кокоромy* ‘пробовать’ и т. п. появились такие формы, как *табуру*, *какуру*, *саматагуру*, *мотиюру*,

---

[1] Didaco Collado. Ars grammaticae japonicae linguae. Romae, 1632. В 1934 г. в Японии вышло факсимильное издание этой грамматики вместе с переводом на японский язык, сделанным Ошука Таканобу. Экземпляр издания 1632 г. хранится в библиотеке Института востоковедения Академии Наук СССР.

Изучению этой литературы, издававшейся в Японии на латинице, посвящено и исследование Симмура Идзуру (Намбанки, 1915, стр. 237—350).

кокоромуру и т. п. Таким образом, причастие, перестав быть таковым, вошло в глагольную парадигму.

Наша гипотеза о том, что формы *табуру* и т. п. — оглаголившееся причастие,[1] подкрепляется еще и тем, что к концу именно XVI в. появляется частица *но* в значении субстантивизирующего элемента.[2] Она используется во всех тех случаях, в которых до этого использовалось причастие. Таким путем образуется новая отглагольная форма, по смыслу эквивалентная исчезнувшей. Сопоставление этой новой формы со старой даст нам возможность еще отчетливее уяснить себе суть как той, так и другой.

В связи с использованием причастия в значении конечного сказуемого возникло совершенно новое соотношение между рядом глаголов переходных и непереходных, прежде совпадавших в позиции заключительного сказуемого. Ср. в старом языке: *аку* ‘открываться’ и *аку* ‘открывать’; *тацу* ‘стоять’ и *тацу* ‘ставить’, ‘строить’; *цуку* ‘приставать’, ‘прикрепляться’ и *цуку* ‘прикреплять’; *иру* ‘входить’ и *иру* ‘включать’. С использованием формы на *ру* и в позиции конечного сказуемого категория переходности-непереходности получила новый дополнительный признак формального разграничения.

Непереходный глагол	Переходный глагол
Аку	*Акуру*
Тацу	*Тацуру*
Цуку	*Цукуру*
Иру	*Ируру*
Кому	*Комуру*

Уменьшилось и число неправильных глаголов. Так, глагол *ару*, не совпадавший ранее с парадигмой глагола первого спряжения, в заключительной своей основе получил обычную для глаголов первого спряжения огласовку на *у* (1 *ара*, 2 *ари*, 3 *ару* 4 *арэ*), тем самым войдя в систему спряжения с четырехступенным аблаутом.

Своеобразный сдвиг наблюдается в глаголе *сину* ‘умирать’. Глагол *сину*, характеризовавшийся некогда трехступенным аблаутом, в сочетании с суффиксами *ру*, *рэ* (*сина*, *сини*, *сину*,

---

[1] См.: Юдзава-Кōкитирō. Тюсэй-но кокуго в серии «Нихон бунгаку кōдза», т. XVI, стр. 309. Далее: Юдзава, Тюсэй...

[2] Ср. процесс оглаголения русских причастий на *л* (*читал*, *брал* и т. п.).

синуру, *синурэ*) лишился не заключительной основы *сину*, а наоборот, — причастной — *синуру*. Форма *сину*, став на ее место, стала выполнять функцию как verbum finitum, так и определения. В результате — спряжение *сину* совпало с парадигмой глаголов первого спряжения (*сина*, *сини*, *сину*, *синэ*) и глагол этот выпал из системы неправильного спряжения.

В современном японском языке, таким образом, осталось всего два неправильных глагола: *суру* и *куру*.

Параллельно со всеми указанными изменениями протекает и постепенное изчезновение аблаута в глаголах, характеризуемых двухступенным аблаутом (т. е. в глаголах второго и третьего спряжений).

В словаре «Руйдзюмёгисё», относящемся к концу эпохи Хэйан (более точная датировка отсутствует; возможно, что это конец XI—начало XII в), глагол *тодзу* ‘закрывать’ дан в форме *тодзиру*, т. е. по типу спряжения, лишенного аблаута (тип глагола *миру*).[1] В этом же словаре *кау* ‘менять’ дан в форме *каэру*.

В словаре «Ироха дзируйсё» (вторая половина XII в.) *кобу* ‘ластиться’ дан в форме *кобиру*; *фу* ‘проходить’ (о времени) — в форме *хэру* (произносилось *фэру*); *фусану* ‘связывать’—в форме *фусанэру*. Аналогичные примеры, по свидетельству Ёсидзава, встречаются и в памятниках XIII и XV — XVI вв.

1. *Исэдзима я! цуки-но хикари-но* **сабиру** *ура-ва Акаси-ни-ва нину кагэ дзо сумикэру* ‘Остров Исэ! в бухте, где **печален** лунный свет, сиянье его чисто, неподстать Акаси’.

Стихотворение это, цитируемое Ёсидзава, взято из сборника Сайгё-хōси «Ямагасю» (XIII в.). Интересно, что форма эта со ссылкой на данное стихотворение зафиксирована даже в словаре «Котоба-но идзуми», наряду с обычной для того времени формой *сабу*.

В ряде памятников этого времени встречаются такие глагольные формы, как *отиру* ‘падать’, *куиру* ‘досадовать’, ‘раскаиваться’, *оиру* ‘стареть’.[2] Часть этих примеров Ёсидзава извлекает из словарей того времени, что особенно показательно, так как указывает на общепринятую норму. Важно, однако, то, что случаев подобной потери аблаута еще чрезвычайно мало и они, повидимому, ограничиваются еще некоторым весьма узким кругом лексем. Так, на пять примеров, приводимых Ёсидзава из различных памятников, два падают

---

[1] Ёсидзава. Кокугоси..., стр. 170.
[2] Там же, стр. 171.

на глагол *отиру*. Некоторое количество примеров встречается и с глаголами третьего спряжения.

1. *Аса-ни* **сакаэру** *ути, ю̄-ни отороину* ‘Дом, **процветающий** утром, [глядишь] вечером уже приблизился к упадку’ (Камо Тёмэй, Хоссинсю̄, XIII в.).[1]

Глагол *сакаю* ‘процветать’ в определительной позиции имеет огласовку на *э*, что свидетельствует о потере аблаута.

Далее Ёсидзава цитирует из памятников XIII в. такие примеры, как *каэру* ‘менять’, *тарэру* ‘струиться, *магирэру* ‘смешиваться’, ‘сливаться с чем’ *канаэру* ‘приводить в соответствие’.[2] Аналогичные формы встречаются и далее в языке XIV—XVI вв.

Из памятника XIV в. «Ёсицунэки» Ёсидзава приводит всего один пример на глагол *магирэру* ‘смешиваться’, ‘сливаться с чем’. Все остальные примеры, цитируемые им, падают на памятники XV—XVI вв. К таковым относятся: *хадзиру* ‘стыдиться’, *сабиру* ‘быть печальным’, *уэру* ‘голодать’, *ситагаэру* ‘заставлять следовать’, *касумэру* ‘грабить’, *камаэру* ‘строить’, *касанэру* ‘нагромождать’, *цукэру* ‘солить’, ‘квасить’, *карамэру* ‘связывать’ *сомэру* ‘окрашивать’, *нагараэру* ‘существовать’, *магэру* ‘изгибать’, *юдэру* ‘кипятить’, ‘варить’.[3]

Несколько аналогичных примеров Ёсидзава приводит и на суффиксы страдательного и побудительного залога (вместо форм на *руру*, *суру* — формы на *рэру*, *сэру*.[4]

Наличие подобного рода форм предполагает предварительную ступень — использование причастия в функции verbum finitum. Несомненно, что это явление носило несколько более широкий характер, чем это можно думать, судя по приведенным нами примерам.

В случаях лингвистического изучения памятников всегда приходится делать некоторую скидку на тематику и стиль, поскольку оба эти момента определяют собой выбор лексики. В этом отношении, например, весьма показательны такие два памятника, как «Хэйкэ-моногатари» и «Хо̄дзёки», которые по языку оказываются в известном отношении архаичнее «Такэтори-моногатари». Причина, повидимому, заключается в том, что «Такэтори» передает живую народную речь, тогда как «Хэйкэ» и «Хо̄дзёки» отражают письменный стиль (бунго). Для XIII—XVI вв. Ёсидзава отмечает сосуществование двух форм — форму с аблаутом и форму без аблаута; таким образом возникает параллелизм

---

[1] Там же, стр. 172.
[2] Там же, стр. 171—172.
[3] Ёсидзава. Кокугоси..., стр. 171—172.
[4] Ёсидзава. Кокугоси..., стр. 173.

спряжения типа: *окуру — окиру* ‘вставать’.[1] С точки зрения хронологической формы типа *окуру* в функции verbum finitum предшествует форме типа *окиру*. Окончательное вытеснение первой формы второй относят ориентировочно к эпохе Гэнроку, т. е. к концу XVII в. До сих пор, однако, форма типа *окуру* ‘вставать’, *укуру* ‘получать’ существует в некоторых территориальных диалектах, например на Кюсю.[2]

В таких чертах в основном рисуется нам история развития глагольной парадигмы в японском языке.

Позволим себе высказать следующее предположение. Таблица парадигм, положенная в основу современной грамматики как школьной, так и научной, была создана уже очень поздно — в конце XVIII в. Используя для старого языка старые формы, она не учитывает их прежнего значения, того значения, которое эти формы имели в более раннем языке. Диалектика развития, однако, такова, что нередко в недрах старой формы зарождается и проявляется новое содержание. Так, форма типа *оцуру* ‘падать’ или *укуру* ‘получать’ в разное время имеет разное значение. Если в более раннем языке (т. е. до XV—XVI вв.) это — причастие и, следовательно, не глагол, то затем, пройдя через горнило конечного сказуемого, эта форма постепенно оглаголивается и, наконец, с потерей аблаута окончательно превращается в глагол. Так новое содержание получает свое закрепление и в новой форме.

Совершенно очевидно, что весь этот процесс протекает очень медленно и постепенно, поэтому невозможно указать твердых хронологических границ.

С этой точки зрения форма на *ру*, будучи причастием, а не глаголом, для старого языка должна быть выведена за пределы глагольной парадигмы, как это ни кажется нам странным и непривычным. В орбиту парадигмы она может быть включена, возможно, лишь с XVI в. Последнее заключение делаем, исходя из того, что появление в это время субстантивизирующего *но* свидетельствует уже об исчезновении старого причастия. Ход к глагольной парадигме форма на *ру* получает через посредство конечного сказуемого, иначе — через посредство определенной синтаксической функции.

Все сказанное выше имеет значение лишь в плане исторического исследования парадигмы. Совершенно очевидно, что для преподавания можно, и даже должно, сохранить обычные схемы школьной грамматики с последующими разъяснениями

---

[1] Там же, стр. 174.
[2] Там же, стр. 175.

относительно содержания и функций так называемой «определительной» основы.

Сложнее обстоит дело с формой на *рэ* (типа: *табурэба, табурэдомо; оцурэба, оцурэдомо*). Форма эта вызывает впечатление производной, вторичной. Назначение ее узко синтаксическое, ограниченное выражением сказуемого подчиненного предложения (с суффиксом *ба* — условно-временного, причинного, с суффиксом *до* [*мо*] — уступительного). Сказуемое главного, предложения эта форма может выражать лишь при наличии экспрессивной частицы *косо* при каком-либо из членов предложения. Например: *Сакура-но ха муку-но ха надо косо ито току-ва* **оцурэ** (Макура-но сōси, X в.)[1] ‘Листья вишни и листья дерева муку **опадают** очень рано’ (*отиру* ‘опадать’).

Пока очень трудно разрешить вопрос как о генезисе этой формы, так и о соотношении ее с глагольной парадигмой.

Условно-временна́я (она же уступительная) основа глаголов первого спряжения (основа на гласный *э* типа: *ёмэ, арукэ-ба, арукэ-домо*) несомненно входит в глагольную парадигму, так как является не чем иным, как повелительным наклонением (собственно — формой допущения).[2] Парадигма первого спряжения остается поэтому в том виде, в каком она представлена в школьной грамматике, т. е. с четырехступенным аблаутом. Парадигма глаголов четвертого спряжения (типа *миру*) тоже остается без изменения. Парадигма глаголов второго и третьего спряжений, исторически сложившихся гораздо позднее, для старого языка (т. е. языка до XV—XVI вв. ориентировочно) представляются нам в несколько ином виде, а именно в форме: 1 *мотии*, 2 *мотии*, 3 *мотию;* 1 *табэ*, 2 *табэ*, 3 *табу*, с выведением форм на *ру* и на *рэ* первоначально за пределы собственно глагола. Позже они включаются в состав глагола.

Сопоставляя все исторические изменения, происшедшие на протяжении долгих веков в истории японского языка, мы можем построить следующие три типа парадигматических отношений, расположив их в хронологическом порядке.

I. Староя́понский

1 *ёма*,	2 *ёми*,	3 *ёму*,	4 *ёму*,	5 *ёмэ*.
1 *мотии*,	2 *мотии*,	3 *мотию*.		
1 *табэ*,	2 *табэ*,	3 *табу*.		

---

[1] Ямада. Хэйантё..., стр. 587.

[2] Подробнее об этом см.: Е. М. Колпакчи. Из истории японского сложного предложения. Сб. «Советское востоковедение», 1949, т. VI.

Примечание. Формы, не включенные в эту парадигму, носят производный характер. Форма на *ру* — не глагол, а причастие (может, в зависимости от контекста, выполнять также функцию отглагольного имени).

II. Среднеяпонский

1 *ёма*,	2 *ёми*,	3, 4 *ёму*,	5 *ёмэ*.
1 *мотии*,	2 *мотии*,	3, 4 *мотиюру*,	5 *мотиюрэ*.
1 *табэ*,	2 *табэ*,	3, 4 *табуру*,	5 *табурэ*.

III. Новояпонский

1 *ёма*,	2 *ёми*,	3 *ёму*,	4 *ёмэ*.
1 *мотии*,	2 *мотии*,	3 *мотиру*,	4 *мотирэ*.
1 *табэ*,	2 *табэ*,	3 *табэру*,	4 *табэрэ*.

Две парадигмы (первая и третья) сосуществуют в настоящее время с двумя разными стилистическими функциями: парадигма за номером первым входит в систему современного письменного стиля,[1] парадигма за номером третьим входит в систему современного национального языка.

Вторая парадигма в формах *мотиюру*, *мотиюрэ* (*мотиру*), *табуру*, *табурэ* (*табэру*) сохраняется в настоящее время как живая форма в некоторых территориальных диалектах, в частности на Кюсю.[2]

Подводя итоги всему сказанному выше, можно отметить следующие, как нам кажется, основные линии движения глагольной парадигмы:

а) постепенное исчезновение аблаута — переход от двухступенного аблаута к нечередующейся основе;

б) обогащение глагольной категории специальными морфологическими элементами, такими, как суффиксы *ру* и *рэ*.

В современном языке суффикс *ру*, с предшествующими гласными *и* или *э*, является признаком verbum finitum второго и третьего спряжений. Соотносительно с этим — отсутствие этого суффикса является признаком verbum finitum первого спряжения (тип: *тору* ‘брать’, *ёму* ‘читать’, *каку* ‘писать’, *тобу*, ‘летать’, *омоу* ‘думать’ и т. п.). Иначе говоря, налицо verbum finitum в новой форме. Конкретизируем это на простейших примерах.

---

[1] Письменный стиль—*бунго* в противопоставлении с разговорной речью — *кого*, использовался (до 1946 г.) в весьма узких пределах — в строго научной, публицистической и законодательной литературе.

[2] См.: Ёсидзава. Кокугоси..., стр. 175.

Старояпонский:

гохан-о табу ‘есть рис’; *табу* — verbum finitum;
табуру гохан ‘рис, который едят’; *табуру* — причастие.

Среднеяпонский:

гохан-о табуру ‘есть рис’;
табуру гохан ’рис, [который] едят’; причастие постепенно оглаголивается.

Новояпонский:

гохан-о табэру ‘есть рис’; *табэру* — verbum finitum;
табэру гохан ‘рис, [который] едят’; *табэру* в данном случае является глаголом.

Особо стоит вопрос относительно флективных форм спряжения в японском языке. Вопрос этот, который мы будем подробно разбирать в соответствующей главе, посвященной системе времен, требует здесь хотя бы беглого освещения.

Основа японского глагола, как мы говорили уже выше, не имеет грамматических значений времени, вида, наклонения, залога. Носителями указанных грамматических значений выступают видо-временные, модальные и залоговые суффиксы, наращиваемые на определенные основы. Суффиксы эти агглютинируются к основам, иначе говоря, при сочетании суффикса с основой внешняя форма как суффикса, так и основы не претерпевает никаких изменений, морфологическая граница между основой и суффиксом остается четкой и ясной.

С XV—XVI вв., однако, в систему глагола включается новая форма выражения прошедшего времени (суффикс *та*), которая при наращивании на основу вызывает изменение внешней формы самой основы и сама меняется. Таким путем у глаголов первого спряжения: а) появляются основы с ауслаутом на чередующий согласный; б) в парадигму включаются два разные типа основ; в) глагольная парадигма теряет свой типично агглютинативный характер. Проиллюстрируем это на нескольких примерах.

Глаголы первого спряжения с основой на *б*, *м*, *н*, в прошедшем времени получают форму основы на *н*: *тобу* ‘летать’ — *тонда*, *ёму* ‘читать’ — *ёнда*, *сину* ‘умирать’ — *синда*.

Глаголы с основой на *р* и на *т* в прошедшем времени получают форму основы на *т*: *тору* ‘брать’ — *тот|та*, *омоу* ‘думать’ — *омот|та*, *мацу* ‘ждать’ — *мат|та*. Остальные типы мы опускаем.

Таким образом возникает двойственный тип основ в системе одного и того же глагола. О. В. Плетнер выделил поэтому

два типа основ; основу для образования настоящего времени (презенциальная основа по его терминологии) и основу для образования прошедшего времени (претеритальная основа).[1]

тор||тот
ём||ён

Последствия появления двух основ, с точки зрения структуры глагольной парадигмы, весьма значительны. Таким путем возникают не только особые структурные признаки внутри парадигмы глаголов первого спряжения, но и дополнительное формальное разграничение парадигмы глаголов первого спряжения и остальных типов спряжений (включая сюда и неправильные глаголы *куру* и *суру*). Это связано с тем, что последние сохраняют прежнюю агглютинативную форму и для прошедшего времени также.

---

[1] О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, стр. 64.

ГЛАВА II

ПЕРЕХОДНОСТЬ-НЕПЕРЕХОДНОСТЬ и ЗАЛОГИ

Круг вопросов, относящихся к проблеме переходности-непереходности, обычно связывают с категорией залога. Причина этого лежит в теории обратимости страдательного залога, в понимании его как «обращенного» действительного залога. Возьмем простейший пример, поясняющий это положение:

Ину-га кодомо-о **канда** ‘собака **укусила** ребенка’.

Кодомо-га ину-ни **камарэта** ‘ребенок **укушен** собакой’.

Если в первом случае в функции подлежащего выступает *ину* (‘собака’), а *кодомо* (‘ребенок’) — в качестве прямого дополнения, то во втором случае *кодомо* оказывается подлежащим, тогда как *ину* превращается к косвенное дополнение, указывающее на источник действия. Целый ряд авторов, однако, и вполне справедливо, указывает на неприемлемость подобного критерия для японского языка,[1] поскольку в японском языке страдательный залог возможен и от непереходных глаголов.

Ямада, цитируя грамматику Ōцуки Фумихико «Кō нихон бунтэн», приводит следующие примеры: *Отто цума-ни наямару* ‘у мужа болеет жена’ и *Хаха ко-ни накару*, ‘у матери плачет ребенок’. В обоих случаях в качестве сказуемого в страдательном залоге использованы непереходные глаголы *наяму* ‘болеть’ и *наку* ‘плакать’. С другой стороны, и критерий ‘обратимости’ оказывается зачастую неприемлемым для японского страдательного залога, что объясняется характером самого залога, о чем см. ниже.

---

[1] См.: Н. И. Конрад. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937, § 195. Ямада Ёсио Нихон бумпōрон, стр. 271—313 (особенно стр. 293—294).

Исходя из всего этого, Ямада и считает само деление глаголов на переходные и непереходные мало оправданным в отношении японского языка.[1] Вместо этого он выдвигает несколько иную точку зрения, предлагая распределять глаголы на ряд лексико-грамматических групп под углом зрения их соотношения с объектом. С этой целью он делит все глаголы на две основные группы: а) такие, которые возможны в абсолютном употреблении, т. е. не нуждаются ни в каком дополнении (термин Ямада — *тандоку саё* ʻабсолютная функцияʼ), и б) такие, которые немыслимы без соответственного дополнения (термин Ямада — *канкэй саё* ʻотносительная функцияʼ).[2]

Исходя из различных типов управления, т. е. различного характера соотношения глагола с объектом, Ямада делит глаголы второй группы на прямо-переходные и косвенно-переходные.

Принципиально позиция Ямада более правильная, чем у тех авторов, которые при классификации глаголов ориентируются на соотношение их со страдательным залогом. Вполне справедливо автор указывает, что при ориентировке на пассив получается механический перенос норм европейских языков на почву японского языка. Вместе с тем следует заметить, что у Ямада, в сущности, отсутствует чисто грамматическое изучение категориии переходности-непереходности. Все его рассуждения ограничиваются лексическим анализом глаголов в определенных словосочетаниях и протекают совершенно вне связи с их морфологическим изучением. Поэтому указанное исследование Ямада носит исключительно абстрактный характер и мало чем ориентирует читателя в данном вопросе. Фактически автор лишь постулирует различные способы синтаксических отношений внутри предложения, не раскрывая при этом природы самого глагольного сказуемого. Помимо этого, категория переходности-непереходности берется им во внеисторическом плане и иллюстрируется (за одним исключением) искусственными примерами, составленными на материале письменного языка.[3]

Анализируя категорию переходности-непереходности исторически, необходимо выяснить два вопроса: а) вопрос о морфологических показателях, выражающих данную грамматическую

---

[1] Ямада. Нихон бумпōрон, стр. 299.

[2] Там же, стр. 309.

[3] С точки зрения истории самого вопроса данная глава «Нихон бумпōрон» представляет определенный интерес, так как Ямада довольно пространно цитирует в ней высказывания старых японских филологов.

категорию, и б) характер соотношения с системой залогов в целом, а не только с пассивом, как это делается обычно.

В плане исторической морфологии можно выделить следующие характерные моменты.

I. Отсутствие внешних показателей переходности-непереходности и совпадение, тем самым, обоих значений в одном глаголе, что обнаруживается в памятниках только у некоторых глаголов. Эта нейтральность глагольной основы относится, повидимому, к наиболее древнему языку. Приведем ряд примеров.

1. *Асабу* (глагол первого спряжения) означает как ʻстановиться мелкимʼ (ср. прилагательное *асаси* ʻмелкийʼ, корень — *аса*), так и ʻпрезиратьʼ, ʻсчитать мелкимʼ (ʻповерхностнымʼ). Отиаи Наобуми в своем словаре квалифицирует оба слова как архаизмы.

2. *Асубу* (=*асобу*) (глагол первого спряжения) означает как ʻразвлекатьсяʼ, так и ʻразвлекатьʼ.

3. *Аогу* (глагол первого спряжения) означает как ʻобращаться лицом вверхʼ, так и ʻчтитьʼ и ʻпочитатьʼ.

4. *Афуру* (глагол первого спряжения) означает ʻтрепетать на ветруʼ и ʻподнимать ветерʼ (веером), ʻраздувать огоньʼ.

5. *Оку* (глагол первого спряжения) означает как ʻложитьсяʼ (о росе), так и ʻкластьʼ и ʻисключатьʼ (ʻоткладыватьʼ).

6. *Караму* (глагол первого спряжения) означает ʻцепляться, ʻобвиватьсяʼ и ʻпривязыватьʼ.

7. *Киваму* (совр. *кивамэру*) (глагол третьего спряжения) означает ʻдоходить до пределаʼ и ʻдоводить до пределаʼ. Непереходное значение Отиаи Наобуми в своем словаре квалифицирует как архаизм.

8. *Кураму* (глагол первого спряжения) означает как ʻтемнетьʼ, так и ʻделать темнымʼ.

9. *Хану* (совр. *ханэру*) (глагол третьего спряжения) означает как ʻвзлетатьʼ, ʻотскакиватьʼ, так и ʻподнимать высокоʼ.

10. *Хику* (глагол первого спряжения) означает как ʻтянутьʼ, так и ʻотступатьʼ.

11. *Хираку* (глагол первого спряжения) означает как ʻоткрыватьʼ, так и ʻоткрываться, начинатьсяʼ, ʻцвестиʼ.

12. *Кагиру* (глагол первого спряжения) означает как ʻограничиватьʼ, так и ʻограничиватьсяʼ.

13. *Мусу* (глагол первого спряжения) означает как ʻпаритьʼ, ʻсогревать паромʼ, так и ʻбыть знойным, душнымʼ, ʻпокрываться мхомʼ.

Естественно, что таких глаголов сравнительно немного, что также свидетельствует об их архаичности.

Ввиду нейтральности самой глагольной основы значение переходности-непереходности раскрывается из контекста.

А-ва мо ё мэ-ни си арэба на-о **китэ** *о-ва наси на-о* **китэ** *цума-ва наси* (К, 167)[1] 'Так как я женщина, то, **за исключением** тебя, нет для меня мужчины, **за исключением** тебя, нет для меня мужа'.

В приведенном примере глагол *оку* управляет прямым дополнением и является прямо-переходным. Значение 'исключать', очевидно, возникло на почве семантического развития *оку*: 'класть' > 'откладывать в сторону' > 'исключать'; *оку* 'класть' и *оку* 'исключать' нельзя считать двумя омонимичными глаголами.

Аки-но но-ни оку ҫирацую-ва тама нарэ я ҫурануки какуру кумо-но итосудзи (Кс, 226) 'Оттого ли, что жемчужины [эти] — светлая роса, лежащая на осенней равнине, [эти] нити паутины, нанизывающие её'.

В данном примере глагол *оку* в непереходном значении 'ложиться' управляет косвенным падежом (падежное окончание *ни*).

II. Явная производность части переходных глаголов от непереходных. Переходный глагол этой группы образуется путем присоединения к первой основе (гласный *а*) суффикса *су*. Оба глагола, непереходный и переходный, принадлежат к первому спряжению.

1. *Аку* 'открываться' — непереходный глагол первого спряжения; отсюда *акасу* 'открывать' — переходный глагол первого спряжения.

2. *Ику* 'жить' (форма эта архаична и соответствует современному *икиру*); отсюда *икасу* 'возрождать'.

3. *Икару* 'сердиться'; отсюда *икарасу* 'сердить'.

4. *Уку* 'плыть'; отсюда *укасу* 'пускать плыть', 'пускать по воде'.

5. *Удзумору* 'быть зарытым'; отсюда *удзуморасу* 'зарывать'.

6. *Уруоу* (< *уруону*) 'быть влажным'; отсюда *урубсу* 'делать влажным', 'увлажнять'.

Интересно обратить внимание на огласовку основы на *о*, характерную, повидимому, для архаичной системы спряжения.

---

[1] Форма *китэ* вместо *окитэ* — деепричастие от глагола *оку* — объясняется пропуском анлаута в связи с предшествующим окончанием винительного падежа *о*. Подобного рода явление характерно для языка памятников VIII в. В это время соприкосновение двух гласных, хотя бы на стыке двух слов, нередко приводит к выпадению одного из гласных. Ср. *вага* + *имоко* ('моя любимая') > *вагимоко*.

7. *Одороку* ‘пугаться’, ‘поражаться’; отсюда *одорокасу* ‘‘пугать’, ‘поражать’.

8. *Обору* ‘тонуть’; но *оборасу* ‘топить в воде’

9. *Оёбу* ‘доходить’; но *оёбосу*, *оёбасу* ‘доводить’.

10. *Кагаяку* ‘блестеть’; но *кагаякасу* ‘заставлять блестеть’.

11. *Кавакy* ‘сохнуть’; но *кавакасу* ‘сушить’.

12. *Киру* ‘туманиться’; но *кирасу* ‘затягивать туманом’.

13. *Кумору* ‘затягиваться облаками’; но *куморасу* ‘затягивать облаками’.

14. *Куюру* ‘дымить’; но *куюрасу* ‘коптить’, ‘гнать дым’.

15. *Куруу* (< **курупу*) ‘сходить с ума’, ‘безумствовать’; отсюда *курувасу* (< **курупасу*) ‘сводить с ума’.

16. *Курому* ‘чернеть’; ‘отсюда *куромасу* ‘делать черным’.

Во всех приведенных примерах легко обнаруживается производный характер переходных глаголов. Если непереходный глагол морфологически выражен бессуффиксальной формой, то соответствующий ему переходный глагол характеризуется суффиксом *су*, наращиваемым на первую основу непереходного глагола. В этих случаях, следовательно, непереходный глагол является непроизводным, а переходный глагол производным.

Указанным соотношением, однако, далеко не исчерпываются морфологические признаки переходности-непереходности.

Помимо бессуффиксальной формы для непереходного глагола существует и производная форма. Эта форма вступает в совершенно иные отношения с переходным глаголом.

Акару ‘открываться’; ‘становиться светлым’. Если сравнить этот глагол с глаголом *аку* ‘открываться’, приведенным выше, то *акару* выясняется как производный от него: *аку* (глагол первого спряжения) → первая основа *ака* + суффикс *ру* = *акару*. Само *акару* также принадлежит к глаголам, характеризуемым четырехступенным аблаутом. Для определения характера непереходности этого глагола интересно то пояснение, которое дает Отиаи в словаре «Котоба-но идзуми»: «*То надо, онодзукара аку* ‘Дверь и т. п. сама открывается’». Это пояснение свидетельствует о том, что *акару* указывает на процесс, возникающий и протекающий в самом субъекте действия, без всякой посторонней помощи, без какого бы то ни было воздействия со стороны.

Наряду с этим существует переходный глагол *аку*, принадлежащий к третьему спряжению и, следовательно, характеризуемый двухступенным чередованием гласных *э*||*у* в сочетании с наращиванием суффиксов *ру*, *рэ*.

Соотношение между непереходным *аку* и переходным *акасу* ясно: второй, как мы показали выше, является производным

от первого. Столь же ясно соотношение между непереходным *аку* и непереходным *акару*; второй является производным от первого. В обоих случаях средством словообразования является суффикс (*су* или *ру*). Но в каком же отношении находится переходный глагол третьего спряжения *аку* к непереходному первого спряжения *аку*? (О соотношении переходного *аку* с *акару* и *акасу* с точки зрения словопроизводства не может быть и речи).

Соотношение это заключается в чередовании гласных, иначе говоря, — в аблауте. Если принять во внимание неглагольный характер суффиксов *ру*, *рэ* (о чем см. главу I нашей работы), то тип аблаута и, тем самым, морфологические признаки переходности-непереходности выступят более отчетливо.

Аку — непереходный глагол первого спряжения:

1 *ака*, 2 *аки*, 3.4 *аку*, 5. *акэ*.

Аку — переходный глагол третьего спряжения:

1 *акэ*, 2 *акэ*, 3 *аку*.

Чередованию *а — и — у — э* противопоставляется чередование *э — у*; при этом, однако, по функции совпадают только слоги, характеризуемые гласным *у*; все остальное расходится.

Вся картина развития поэтому получается более сложной, чем она представляется на первый взгляд, исходя из норм современного языка.

Если принять во внимание, что переходный глагол *акасу* (в конкретном значении 'открывать дверь') Отиаи определяет как архаизм, то картина эволюции представляется в следующем виде: а) непереходному *аку* (первое спряжение) первоначально соответствовал переходный *акасу* (первое спряжение); б) далее, с потерей продуктивности *акасу*, возникает переходная форма, выражаемая посредством аблаута (чередования последнего гласного основы), т. е. *аку* (третье спряжение), и, наконец, в) возникает новая непереходная форма *акару* (первое спряжение). Таким образом переходный глагол *аку* (совр. *акэру*) оказывается противопоставленным не только первоначальному непереходному *аку*, но также и вторичному непереходному *акару*.

В дальнейшем, начиная приблизительно с XVII в., в результате исчезновения аблаута возникает новый тип спряжения и на этой почве — новые морфологические признаки переходности-непереходности. В современнном языке непереходный глагол *аку* противопоставляется переходному *акэру*. Первый глагол (*аку*) спрягается так: 1 *ака*, 2 *аки*, 3 *аку*, 4 *акэ*. Последний (*акэру*) спрягается: 1 *акэ*, 2 *акэ*, 3 *акэру*, 4 *акэрэ*.

Непереходный глагол *акару* в современном языке отсутствует.

Проиллюстрируем вышеуказанное положение еще на ряде примеров.

1. а) *Курому* ‘чернеть’ непереходный глагол первого спряжения;

б) *Куромасу* ‘делать черным’, переходный глагол первого спряжения, производный от *курому*;

в) *курому* (совр. *куромэру*) ‘делать черным’, ‘чернить’, переходный глагол третьего спряжения;

г) *куромару* ‘чернеть’, непереходный глагол первого спряжения, производный от непереходного *курому*.

Из всех этих форм в современном языке сохранился только переходный глагол *куромэру* ‘чернить’.

2. а) *Кубому* ‘образовать впадину’, ‘быть впалым’ (ср. совр. *кубонда мэ* ‘впалые глаза’), непереходный глагол первого спряжения;

б) *кубомасу* ‘вдавливать’, ‘делать выемку’, переходный глагол первого спряжения, производный от *кубому*;

в) *кубому* (совр. *кубомэру*) ‘вдавливать’, ‘делать выемку’, переходный глагол третьего спряжения;

г) *кубомару* ‘углубляться’, ‘западать’ непереходный глагол первого спряжения, производный от непереходного *кубому*, в современном языке отсутствует.

Поскольку словарный состав языка находится в состоянии почти непревывного изменения, очень трудно ожидать, чтобы все компоненты указанной нами эволюции были всегда налицо. Очень часто мы встречаем лишь одно, два звена, нашедшие себе отражение в исторических памятниках японского языка. Иногда же, как мы видели на примере *куромэру*, два, три звена налицо в старом языке и лишь одна форма в современном языке.

3. а) *Ику* ‘жить’, непереходный глагол первого спряжения;

б) производная от него форма *икасу* ‘оживлять’, ‘возрождать’, переходный глагол первого спряжения;

в) вторичная непереходная форма *ику* (совр. *икиру*) ‘жить’, принадлежащая ко второму спряжению (*ики*, *ику*, *икуру*, *икурэ*);

г) вторичная переходная форма *ику* (совр. *икэру*), принадлежащая к третьему спряжению (*икэ*, *ику*, *икуру*, *икурэ*) со значением ‘сохранять жизнь’, ‘поддерживать жизнь’ (в цветах, огне), отсюда *хана-о икэру* ‘ставить цветы в воду’.

Из всех этих форм в современном языке сохранились глаголы *икасу*, *икиру*, *икэру*. *Икиру*, при этом, чаще всего

встречается в производной форме на *та*: *икита* в значении прилагательного ‘живой’ — *икита нингё* ‘живая кукла’.

4. а) *Кагаму* ‘сгибаться’, ‘быть согнутым’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *кагаму* ‘сгибать’ (совр. *кагамэру*), переходный глагол третьего спряжения;

в) *кагамару* ‘сгибаться’, вторичный непереходный глагол первого спряжения, производный от переходного *кагаму*.

В современном языке используются три глагола; *кагамасу* в литературных памятниках нигде не зафиксирован. Нет такой формы и для синонимичных *кугуму* и *когому*.

5). а) *Караму* ‘цепляться’, ‘обвиваться’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *караму* ‘привязывать’ (совр. *карамэру*), переходный глагол третьего спряжения;

в) *карамару* ‘цепляться’, ‘обвиваться’, непереходный глагол первого спряжения, производный от непереходного *караму*.

Иногда налицо оказываются всего два глагола, один из которых переходен, другой непереходен.

1. а) *Агару* ‘подниматься’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *агу* (совр. *агэру*) ‘поднимать’, переходный глагол третьего спряжения.

Исходя из всего сказанного, *агару*, очевидно, является вторично производной формой от непереходного **агу* (*ага*, *аги*, *агу*, *агэ*). Такого глагола, однако, нет ни в старом, ни в современном языке. При наличии такого глагола переходный глагол *агу* (совр. *агэру*) являлся бы к нему соответственной переходной парой, характеризуемой чередованием гласных. Отсутствие всех этих звеньев дает совершенно иной тип соотношения переходно-непереходных глаголов, характеризуемый чередованием окончаний — *ару*||*эру*, как это обычно указывается в школьных грамматиках. (Этот тип чередования устанавливают, ориентируясь только на заключительную основу; в остальном тип спряжения у вышеуказанных глаголов совершенно не совпадает).

Если для современного языка такое сопоставление вполне справедливо, то для восстановления всей истории развития оно, как мы видели, неправильно, так как исторически признаки переходности-непереходности в различное время могли быть и иными.

Понятно, нельзя себе представить так, что все формы должны были непременно существовать и что отсутствие их объясняется лишь их исчезновением. Конкретно исторически

грамматическая форма может возникать и по аналогии, используя уже наличный морфологический тип. Выражаясь несколько парадоксально, «производная» форма может оказаться вовсе и не «производной», так как «производящая» форма может по каким-либо причинам отсутствовать; подобная форма является «производной» лишь по аналогии с другими действительно производными формами, а сама она заимствует лишь их грамматическое значение, входя в ту же грамматическую систему — в систему тех же грамматических отношений.

Приведем еще несколько аналогичных примеров.

2. а) *Ататамару* ‘согреваться’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *ататаму* (совр. *ататамэру*) ‘согревать’, переходный глагол третьего спряжения.

3. а) *Ацумару* ‘собираться’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *ацуму* (совр. *ацумэру*) ‘собирать’, переходный глагол третьего спряжения.

4. а) *Увару* ‘быть посаженным , посеянным’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *уу* (совр. *уэру*) ‘сажать’, ‘сеять’, переходный глагол третьего спряжения.

5. а) *Касанару* ‘нагромождаться’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *касану* (совр. *касанэру*) ‘нагромождать’, переходный глагол третьего спряжения.

6. а) *Катамару* ‘твердеть’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *катаму* (совр. *катамэру*) ‘делать твердым’, ‘укреплять’, переходный глагол третьего спряжения.

7. а) *Кубару* ‘гореть, попав в огонь’. (Такое толкование, даваемое в «Котоба-но идзуми», указывает на то, что это, повидимому, так называемый неполный глагол, требующий дополнения, в данном случае косвенного: «*хи-ни иритэ кубару*»). В современном языке *кубару* в этом значении больше не встречается; это непереходный глагол первого спряжения.

б) *Кубу* (совр. *кубэру*) ‘сжигать, положив в огонь’, переходный глагол третьего спряжения.

Встречается и другой тип соотношения, в котором бессуффиксальная форма, выражающая непереходность, соотносится с глаголом третьего спряжения (в современном языке форма на *эру*), выражающим переходность.

1. а) *Акаму* ‘краснеть’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *акаму* (совр. *акамэру*) ‘делать красным’ (например *као-о акамэру* ‘краснеть лицом’), переходный глагол третьего спряжения.

2. а) *Адзаягу* ‘ясно виднеться’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *адзаягу* ‘придавать яркую внешность’, переходный глагол третьего спряжения (в современном языке ожидалось бы *адзаягэру*, однако этот глагол отсутствует).

3. а) *Аому* ‘зеленеть’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *аому* ‘красить в зеленую краску’, ‘делать зеленым’ (=*аомэру*; в современном языке отсутствует), переходный глагол третьего спряжения.

4. а) *Катагу* ‘склоняться набок’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *катагу* (совр. *катагэру*) ‘взваливать на плечо’, переходный глагол третьего спряжения.

5. а) *Куцурогу* ‘чувствовать себя непринужденно; непереходный глагол первого спряжения;

б) *куцурогу* (=*куцурогэру*; в современном языке отсутствует) ‘уменьшать напряжение’, переходный глагол третьего спряжения.

6. а) *Курусиму* ‘страдать’, непереходный глагол первого спряжения;

б) *курусиму* (совр. *курусимэру*) ‘мучить’, переходный глагол третьего спряжения.

Для некоторых глаголов, следовательно, исторически зафиксировано соотношение: бессуффиксальная форма первого спряжения (непереходность) ~ третье спряжение (переходность); для других: производная форма первого спряжения (на *ару*) (непереходность) ~ третье спряжение (переходность). Историческую эволюцию этих форм мы, насколько это вообще возможно, дали выше. В итоге выясняется, что наиболее древней формой непереходности является, очевидно, бессуффиксальная; производная от нее форма тоже с непереходным значением характеризуется окончанием *ару* (первое спряжение).

Далее выясняется, что наиболее древняя переходная форма, являясь производной от бессуффиксальной непереходной формы, имеет суффикс *су* (первое спряжение); видимо, более поздняя бессуффиксальная форма переходности характеризуется другой огласовкой основы и чередуется с непереходной бессуффиксальной формой.

Указанными способами, однако, еще не исчерпывается выражение переходности-непереходности в японском языке.

В некоторых случаях мы находим непереходный глагол, характеризуемый двухступенным аблаутом (третье, реже второе спряжение), в соотношении с переходным глаголом, характеризуемым суффиксом *су* (первое спряжение). Если принять, однако, во внимание преобладание в древнем языке глаголов первого спряжения над глаголами третьего спряжения, то последние выясняются как производные.[1] Чередование *у* (совр. *эру*) и *су* оказывается вторичным, более поздним. Предположение это подтверждается сосуществованием одно-коренных непереходных глаголов как первого, так и третьего спряжений. Так наряду, например, с формой *удзуморэру*, существующей в современном языке, в старом языке мы находим форму *удзумору* (первое спряжение) с тем же значением. Совершенно очевидно, что переходный глагол *удзуморасу* ‘зарывать’ (арх.) является производным от непереходного *удзумору*. На этой же почве могут быть объяснены и следующие примеры.

1 а) *Ару* ‘рождаться’, непереходный глагол третьего спряжения;

б) *арасу* ‘производить на свет’, переходний глагол первого спряжения.

2. а) *Ару* (совр. *арэру*) ‘быть запущенным’, ‘грубеть’, непереходный глагол третьего спряжения.

б) *арасу* ‘приводить в запустение’, ‘запускать’, переходный глагол первого спряжения (ср. прилагательное *араси* ‘грубый’).

3. а) *Аравару* (совр. *араварэру*) ‘обнаруживаться’, непереходный глагол третьего спряжения;

б) *аравасу* ‘обнаруживать’, переходный глагол первого спряжения.

4. а) *Оу* ‘рождаться’, ‘произрастать’ (в современном языке отсутствует), непереходный глагол второго спряжения;

б) *ōсу* ‘культивировать’, переходный глагол первого спряжения.

5. а) *Куру* (совр. *курэру*) ‘вечереть’, непереходный глагол третьего спряжения;

б) *курасу* ‘проводить время до вечера’, переходный глагол первого спряжения.

6. а) *Кию* (совр. *киэру*) ‘исчезать’, ‘потухать’, непереходный глагол третьего спряжения;

б) *киясу* (совр. *кэсу*) ‘тушить’, переходный глагол первого спряжения.

---

[1] См. об этом в главе I.

7. а) *Саму* (совр. *самэру*) 'просыпаться', непереходный глагол третьего спряжения;

б) *самасу* 'будить', переходный глагол первого спряжения.

Совершенно очевидно, что наличные в современном языке формы вступают в совсем другие отношения, чем раньше, образуя иную систему форм переходности-непереходности. Кроме того, ясно, что, ограничиваясь только современными формами, невозможно восстановить всю картину развития, невозможно и понять всю систему переходности-непереходности современного языка в целом. В данном случае уместно будет напомнить известные слова Энгельса: «Но „материя и форма родного языка" только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы, и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки».[1]

То, что здесь Энгельс говорит о родном языке, совершенно очевидно относится к изучению любого языка в его современном состоянии. Характерным примером антиисторичного и поэтому схематичного изучения глагола современного языка может служить книга Суски. По поводу переходных и непереходных глаголов автор говорит буквально следующее: «Точно так же, как в английском языке некоторые глаголы могут быть переходными или непереходными в зависимости от значения, в котором они используются, точно так же обстоит дело и в японском. Очень часто один и тот же глагол может быть экзоактивным или эндоактивным в соответствии с манерой мыслить. С другой стороны, существует много глаголов, используемых преимущественно или большей частью в значении эндоактивных, и других, которые используются преимущественно в значении экзоактивных, тогда как третьи свободно используются как в том, так и в другом значении».[2]

Суски делит японские глаголы не на переходные и непереходные, а на «экзоактивные» и «эндоактивные». «Экзоактивными» он называет глаголы, указывающие на то, что деятельность или состояние распространяются на предмет или лицо иное, чем действующее лицо. «Эндоактивными» глаголами он называет такие, которые выражают действие или состояние, относящиеся только к действующему лицу.

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Раздел «Социализм», Соч., т. XIV, стр. 327.

[2] P. M. Suski. Conjugation of Japanese verbs in the modern spoken Japanese. South Pasadena, 1942, стр. 5—6.

Из этого можно сделать вывод относительно того, что «экзоактивные» глаголы являются как прямо-, так и косвенно-переходными, тогда как «эндоактивные» соответствуют непереходным глаголам. Анализ глагольных списков, приведенных в книге Суски, показывает, однако, что эта классификация сделана чрезвычайно непоследовательно. Некоторые косвенно-переходные глаголы определяются как экзоактивные, другие нет. Трудно сказать, какой вывод практического или теоретического порядка может сделать читатель из такого определения категории переходности-непереходности в современном языке. Ясно лишь одно, что автор, сталкиваясь с современным состоянием как с результатом длительного исторического развития, не в состоянии разобраться в нем и воспринимает его как хаос, в котором все возможно, все допустимо. Научная беспомощность подобного подхода совершенно ясна.

В заключение мы должны указать на то, что переходное значение для бессуффиксальной формы не абсолютно исключено. На протяжении истории японского языка (включая сюда и современный язык) встречается ряд случаев, когда производящая форма имеет переходное значение, а производная от нее форма — непереходное. Это положение вещей как будто противоречит нашему утверждению относительно первоначального характера непереходности и производного характера переходности. Противоречие это, однако, при историческом исследовании глагола, как нам кажется, оказывается мнимым.

Обратимся к конкретным примерам:

а) *тогу* ‘точить’, ‘заострять’, переходный глагол первого спряжения;

б) *тогару* ‘быть острым’, непереходный глагол первого спряжения;

в) *тогарасу* ‘точить’, ‘заострять’, переходный глагол первого спряжения.

Эволюция этих форм совершенно очевидна: непереходный глагол *тогару* является производным от переходного *тогу*, а *тогарасу*, уже вторичная переходная форма, производится от непереходного *тогару*.

Если принять во внимание предполагаемое нами первоначальное отсутствие формальной дифференциации на переходность и непереходность, то соотношение между *тогу* и *тогарасу* будет иным: глагол *тогу*, думается нам, должен был иметь как переходное, так и непереходное значение; *тогару* в этом случае имело в качестве производящей основы *тогу* с непереходным значением (соотношение здесь такое же,

как между непереходным *аку* и *акару*; см. выше стр. 43). Позже глагол *тогу* мог утерять непереходное значение, став исключительно переходным. На этой почве и могло возникнуть первое соотношение: глагол в бессуффиксальной форме (переходность) — глагол, характеризуемый суффиксом *ру* (непереходность),—глагол, характеризуемый суффиксом *су* (переходность).

В подкрепление нашей гипотезы о первично непереходном значении переходного глагола можем привести следующие примеры.

1) а) *Хагу* 'сдирать', 'выдирать', переходный глагол первого спряжения;

б) *хагу* (совр. *хагэру*) 'облупиться', 'линять', непереходный глагол третьего спряжения;

в) *хагасу* 'сдирать', переходный глагол первого спряжения.

В современном языке глаголы *хагу* и *хагасу* сосуществуют как синонимы. Совершенно ясно, однако, что форма *хагасу* с переходным значением является производной от *хагу*. Тем самым выясняется, что *хагу* первоначально должно было обладать и непереходным значением.

2) а) *Т'оку* 'развязывать', переходный глагол первого спряжения;

б) *току* (совр. *токэру*) 'развязываться', непереходный глагол третьего спряжения;

в) *токасу* 'развязывать', переходный глагол первого спряжения; в современном языке используется только в значении «причесывать волосы», т. е. в суженном значении.

3. а) *Току* 'плавить', 'распускать', 'растоплять', переходный глагол первого спряжения;

б) *току* (совр. *токэру*) 'таять', 'плавиться', непереходный глагол третьего спряжения;

б) *токасу* 'плавить', 'расплавлять', переходный глагол первого спряжения.

Все эти примеры лишь подтверждают нашу гипотезу о вторичности и производности форм переходности. Совершенно очевидно, что существует целый ряд глаголов, ход развития которых мы не можем восстановить. Однако не надо забывать того, что в данном случае мы занимаемся не историей лексики, а исторической грамматикой. Это обязывает нас отвлекаться от отдельных конкретных слов, абстрагироваться от частного и конкретного и брать лишь то общее, что лежит в основе изменений слов.

Итак, выше мы рассмотрели глаголы, которые так или иначе оказались исторически связанными с первоначальной

общей морфологически формой переходности-непереходности. У этих глаголов в качестве первичной выступала бессуффиксальная форма, все остальные формы оказались производными.

Существует, однако, и другой тип соотношения переходности-непереходности, характеризуемый корреляцией морфем: *ру* для выражения непереходности и *су* для выражения переходности, присоединяемых к корню.

Непереходные глаголы	Переходные глаголы
1. *Уцуру*	*Уцусу*
'переезжать', 'перемещаться'	'перемещать'
2. *Окору*	*Окосу*
'подниматься', 'начинаться'	'поднимать', 'начинать'
3. *Отору*	*Отосу*
'быть хуже'	'снижать'
4. *Какуру*[1]	*Какусу*
'прятаться'	'прятать'
5. *Кавару*	*Кавасу*
'меняться'	'менять'
6. *Каэру*	*Каэсу*
'возвращаться'	'возвращать'
7. *Китару*	*Китасу*
'приходить'	'вызывать'
8. *Амару*	*Амасу*
'оставаться'	'оставлять про запас'
9. *Наору*	*Наосу'*
'поправляться'	'поправлять
10. *Мавару*	*Мавасу*
'вертеться'	'вертеть'
11. *Ханару*[2]	*Ханасу*
'разлучаться'	'разлучать'
12. *Хитару*	*Хитасу*
'пропитаться водой'	'погружать в жидкость'
13. *Ибуру*	*Ибусу*
'дымить'	'коптить, окуривать'
14. *Корогару*	*Корогасу*
'катиться'	'катить'
15. *Кусару*	*Кутасу*
'гнить'	'гноить'
	Кусасу
	'порочить'

---

[1] В древнеяпонском — первого спряжения (совр. *какурэру*)
[2] В древнеяпонском — первого спряжения (совр. *ханарэру*).

16. *Мидару*[1]	*Мидасу*
‘быть в беспорядке’	‘приводить в беспорядок’
17. *Модору*	*Модосу*
‘возвращаться’	‘возвращать’
18. *Нару*	*Насу*
‘становиться’	‘делать’
19. *Нигору*	*Нигосу*
‘мутнеть’	‘мутить’
20. *Нокору*	*Нокосу*
‘оставаться’	‘оставлять’
21. *Тару*	*Тасу*
‘быть достаточным’	‘добавлять’
22. *Ядору*	*Ядосу*
‘поселяться’	‘поселять’
23. *Тиракару*	*Тиракасу*
‘быть в беспорядке’	‘раскидывать’

Все указанные глаголы относятся к первому спряжению. Суффиксы *ру* и *су* выполняют, повидимому, одновременно две функции: а) указывают на непереходность или переходность и б) являются вообще глаголообразующими. Последнее видно отчетливо на таких глаголах, например, как *ядору*, *ядосу*, в которых корень *ядо* может выступать как самостоятельное существительное ‘гостиница’, ‘приют’, *ядо-ру* ‘находить приют’, ‘поселяться’, *ядо-су* ‘давать приют’, ‘поселять’. Ср. также *вата-ру*, *вата-су* с *вата* в *ватадоно* ‘крытый переход’ (арх.) (*тоно* ‘палаты’, ‘дворец’).

Понятно, таких примеров очень мало. Остальное — это вопрос этимологии, для японского языка еще совершенно неразработанной.

Здесь необходима одна существенная оговорка: морфемы *ру*, *су* означают не только непереходность-переходность, но служат также для выражения характера переходности. Суффикс *су* выражает активное воздействие на объект, такое, которое вызывает какие-то изменения в самом объекте.

Повидимому, грамматическое значение морфемы *су* одинаково, выступает ли она в производной глагольной форме (тип: *аку — акасу*), которую мы рассмотрели выше, или в непроизводной форме (тип: *отору— отосу*).

Суффикс *ру* может выражать не только непереходность, как мы видели выше; он может указывать также и на переходность (примеры выше мы намеренно опустили), но такую,

---

[1] В древнеяпонском — первого спряжения (совр. *мидарэру*).

которая не влияет никак на объект, хотя и относится к нему. В соответствии с этим мы позволяем себе переходные глаголы разделить на глаголы действия (морфема *ру*) и глаголы воздействия (морфема *су*).

К глаголам действия относятся главным образом глаголы движения, хотя вообще эта категория не исчерпывается ими. К глаголам действия можно причислить такие, например, глаголы, как: *нобору* 'подниматься' (*яма-о нобору* 'подниматься в гору'), *тōру* 'проходить' (*мити-о тōру* 'проходить по дороге'), *ватару* 'переходить' (*кава-о ватару* 'переходить через реку'). Весьма интересно, что к глаголам этого же типа относятся, например, и такие, как *сатору* 'понимать' (ср. *сатосу* 'объяснять'), *кару* 'брать взаймы' (ср. *касу* 'давать в долг'). Это указывает на то, что переходное значение морфемы *ру* не исчерпывается глаголами движения. Суффикс *ру*, таким образом, можем указывать не только на непереходность, но и на переходность, однако без воздействия на объект. Подобное явление мы не находим в непереходных глаголах, рассмотренных нами в начале данной главы и характеризуемых бессуффиксальной формой или производной формой на *ару*.

Не все глаголы, однако, обладают специальными признаками переходности (resp. непереходности). Этих признаков, как правило, лишены те глаголы, которые выступают как transitiva tantum или intransitiva tantum (т. е. такие, которые являются либо только переходными, либо только непереходными). Такого рода глаголы являются переходными или непереходными не по форме, а по содержанию.

Исторический анализ глаголов этой группы приводит к выводу о том, что в старом языке категория переходных глаголов была шире, чем в настоящее время. Нередко те глаголы, которые в старых памятниках выступают как переходные и управляют объектом в винительном падеже, в современном языке лишены этой возможности. На это характерное соотношение в области переходности-непереходности указывает и Богородицкий в отношении ряда языков: «Далее, некоторые глаголы, имевшие в числе значений переходное, могут со временем потерять последнее, напр. *воевать* (ср. воевати Болгарьску землю — Лавр. под 944 г.). В некоторых случаях мог произойти пропуск имени (особенно однокоренного) в винительном падеже, после чего глагол стал непереходным, имея значение, раньше передававшееся двумя словами — переходным глаголом и именем (ср. в старом языке такие выражения, как *пир пировать*, *думу думать*, *зиму зимовать*; в других языках: нем. er hat ein schönes Leben

gelebt, лат. pugnam pugnare, греч. μάχην μάχεσθαι); вместо однокоренного существительного может стоять синонимическое, напр. франц. pleurer les larmes.»[1]

Перейдем к анализу примеров.

1. *Нэру* ‘спать’, переходный глагол. *Има-ёри-ва акикадзэ самуку фукинаму о. Икани ка хитори нагаки* **ё-о нэму** (М, III, № 462) ‘Ведь теперь начнет дуть осенний холодный ветер. Как же [я] один **буду спать** долгую **ночь**?’; *ё-о ну* (совр. *нэру*) ‘спать ночь’.

С этим необходимо сравнить и такое выражение, как *и-о си насэ* в значении ‘спи сон’ (*си* — подчеркивающая частица, *и* ‘сон’). Этот пример приводит Татибана Тикагэ, заимствуя его из «Кодзики», по поводу аналогичного выражения, встречающегося в «Манъёсю», — *Ясуи си насану* (М, V, № 802).[2] В соответствии с этим этот пример Татибана истолковывает в значении : *ясуку нэру кото-о сэну* ‘не сплю спокойно’. Таким образом, оказывается, что во всех тех случаях, где встречается такое выражение как *и мо нэдзу* и аналогичные, глагол *нэру* является переходным и управляет объектом, синонимичным самому глаголу (‘спать сон’). В словаре «Котоба-но идзуми» под словом *и* значится объяснение: *инуру кото, нэмуру кото*, т. е. ‘сон’, с пометой: архаизм. В современном языке глагол *нэру* принадлежит к непереходным глаголам.

2. *Наку* ‘плакать’, переходный глагол. **Нэ-о** *дзо* **накицуру** (М, XIV, № 3485) ‘плакала’, дословно ‘**плакала голос**’ (*нэ*, ‘звук’, ‘голос’).

Наку сохраняет переходное значение еще и в X в., судя по известной песне моряков в «Тоса-никки». *Хару-но но-низиэ дзо нэ-о-ба наку* (Тн. 7) ‘Эх, весной да во лугах плачу громким голосом’.[3]

3. Есть некоторые основания думать, что даже глагол *сину* ‘умирать’ был переходным, если судить по таким выражениям, как: *иноти синикэру* (М, IX, № 1740) ‘умер жизнь’ или ‘жизнь умерла’ (?); *кокоро кудакэтэ* **синаму иноти** (М, XVI, № 3811); дословно: ‘**жизнь**, которую **умер** при разбитом сердце’; возможен, однако, и другой перевод: ‘жизнь, которая умерла с разбитым сердцем’ — ‘оттого, что сердце разбилось’.

Более показателен тот случай, когда при *сину* стоит однокоренной внутренний объект: *сини мо синаму* (М, XI, № 2498) ‘смерть умру’, т. е. ‘смертью умру’. Текст этот,

---

[1] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. 1935, стр. 165.

[2] См.: Татибана Тикакэ. Манъёсю рякугэ, т. I, стр. 371.

[3] Перевод О. Плетнера (сб. «Восток», I, Academia, 1935, стр. 93).

однако, идеографический, и поэтому возможны и варианты чтения. Все это убеждает нас в том, что, может быть, в старом языке и не было страдательного залога от непереходных глаголов, поскольку соответственные глаголы были еще переходными. Лишь на почве потери переходности создалась та форма пассива от непереходных глаголов, которая нам известна в настоящее время и встречается в таких фразах, как: *хаха-га кодомо-ни накарэтэиру* ‘у матери плачет ребенок’ или *цума-ни синарэта* ‘[у него] умерла жена’. Возможно, что основанием для подобных конструкций была первоначальная переходность этих глаголов. Так обстоит дело в плане историческом. Совершенно очевидно, что в новом языке эти глаголы являются непереходными и тем самым страдательный залог от них получает особое значение.

К указанным глаголам необходимо также прибавить глаголы движения, часть которых была уже приведена выше и которые сохраняют переходность и в настоящее время.[1]

Все это вместе взятое создает особые предпосылки для трактовки вопроса о залогах в японском языке.

Каково соотношение между категорией переходности-непереходности и залогами в японском языке? Является ли эта категория чисто словообразовательной, лексической категорией, которая как бы служит материалом для образования от нее страдательного и побудительного залогов, сама будучи совершенно нейтральной в залоговом отношении? Или, может быть, это форма грамматическая, обладающая так же, как и залог, синтаксическим значением?

На последний вопрос нам приходится ответить утвердительно: в самой форме глаголов или в содержании их (если исключить небольшую группу глаголов наиболее архаичных по своей структуре) заложено их отношение к дополнению и к подлежащему. Совершенно очевидно поэтому, что значение переходности-непереходности отличается от значения словообразовательных суффиксов, не обладающих в японском языке никакой синтаксической функцией. Упомянуто, прямое дополнение в предложении или нет — это не влияет на переходность *ёму* ‘читать’ или *томэру* ‘останавливать’ или *ватасу* ‘передавать’. Точно так же такие глаголы, как *акубу* ‘зевать’, *кусару* ‘гнить’, *аэгу* ‘задыхаться’ или *оиру* ‘стареть’, совершенно исключают какое бы то ни было дополнение, будь то прямое или косвенное. Некоторые же другие глаголы допускают

---

[1] См. об этом подробно в статье: Е. М. Колпакчи. Винительный падеж в современном японском языке. Уч. зап. Инст. востоковедения АН СССР, 1952, т. IV.

управление только косвенным дополнением, например *афурэру* 'переливаться через край' или *агуму* 'сидеть скрестив ноги'.

Любой глагол, следовательно, даже будучи вырванным из контекста, ясен в своей грамматической функции. Это явление особенно отчетливо обнаруживается в древне-японском при наличии основного падежа в функции как подлежащего, так и прямого дополнения. Основной падеж подлежащего или прямого дополнения часто встречается и в современном языке в случае экспрессивного выделения означенных членов предложения.[1] Во всех этих случаях ориентировка на глагол, синтаксическое значение глагола становятся особенно важными. Структурная форма японского глагола такова, что он эти требования вполне оправдывает. Можем ли мы в таком случае ставить эту категорию лишь рядом с залогом, только определенным образом связывая их между собой? Думается, что нет. Определяя категорию залога, В. В. Виноградов пишет о том, что залог «в области грамматики — ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова».[2] То же самое, однако, как мы видели выше, можно сказать и о переходности-непереходности.

Исходя из всего сказанного выше, мы предлагаем следующую классификацию залогов для японского языка.

1. Действительный, или переходный, управляющий винительным падежом прямого объекта. К этой категории в старом и новом японском языке принадлежат как глаголы фактитивные (побудительные), так и глаголы говорения и глаголы движения. При этом необходимо иметь в виду возможность несовпадения глаголов фактитивных в русском и в японском языках. Так, в старояпонском глагол *нэру* 'спать' выражал, очевидно, не состояние, как можно было бы ожидать, а действие; отсюда такие выражения, как: *и-о нэру*, буквально: 'спать сон', о чем речь уже шла выше.

2. Средний залог. К нему принадлежат глаголы непереходные. Этот залог указывает или на действия субъекта, затрагивающие в первую очередь его самого, или на процесс, происходящий в субъекте, или на состояние субъекта. Тем самым глаголы воздействия совершенно исключаются отсюда.

3. Страдательный залог. Этот залог указывает на состояние субъекта, кем-либо или чем-либо вызванное. В этом смысле он гораздо теснее связан с средним залогом,

---

[1] См. Е. М. Колпакчи. Винительный падеж в современном японском языке. Уч. зап. Инст. востоковедения АН СССР, 1952, т. IV.

[2] В. В. Виноградов. Русский язык. 1947, стр. 606.

чем с действительным. Так, акад. Шахматов указывает на то, что включение действующего лица в предложение с медиальным сказуемым превращает последнее в пассив; например, «ветка наклонилась к земле», но во фразе «ветка наклонилась ветром к земле» мы находим страдательный или, по терминологии Шахматова, страдательно-возвратный залог.[1]

Как семантически, так и морфологически и синтаксически страдательный залог связан со средним залогом (об этом подробнее ниже), а не с действительным. С последним он связан лишь в том смысле, что входит наряду с ним в одну общую, родовую категорию залога.

Японские грамматики обычно указывают четыре залога: *цӯдзё-но сō* 'действительный залог', *укэми* 'страдательный залог', *сиэки* 'побудительный залог' и *сиэки-но укэми-но сō* 'побудительно-страдательный' залог.[2]

Мы, однако, не считаем возможным включать побудительный «залог» в категорию залога. Хотя средний залог фактически и описывается японскими грамматиками, но не выделяется ими в качестве специального залога.

Прежде чем перейти далее к более подробному анализу страдательного залога и его связей со средним залогом, попытаемся проиллюстрировать нашу мысль на конкретном материале. В качестве примера возьмем глагол *караму* и производные от него формы.

Глагол *караму*, спрягаясь по первому спряжению, имеет два разных значения: 'обвиваться' и 'обвивать'. Тем самым оказывается, что он принадлежит одновременно как к среднему, так и к действительному залогу. Это форма недифференцированная в залоговом отношении. При всей ее архаичности она вполне жива в современном языке.

От этой формы возникли две производные формы: 1) *карамару* и 2) *карамасу*.

Карамару также означает 'обвиваться' и принадлежит к среднему залогу; *карамасу* означает 'обвивать' и принадлежит к действительному залогу. Разница между формами *караму*, с одной стороны, и *карамару*, *карамасу*, с другой, заключается в том, что последние два глагола получили уже формальное выражение залоговости, тогда как в первом глаголе это формальное выражение еще отсутствует. Неудивительно поэтому, что в силу противопоставления *карамару* —

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, 1941, стр. 479.

[2] Хага Яити. Тӯкōбунтэн. 1906, стр. 32.

карамасу (оба принадлежат к первому спряжению) залоговое значение морфем *ру* и *су* особенно остро ощущается: *ру* как выразитель спонтанного процесса, в сфере того же субъекта, *су* как действие, направленное на объект, лежащий вне сферы данного субъекта. Эти значения морфем *ру* и *су* отчетливо сказываются и в ряде других глаголов, обладающих несколько иной структурой. Так, в глагольной паре *сатору* 'понимать' — *сатосу* 'пояснять' *ру* указывает на процесс, происходящий в самом субъекте, тогда как *су* указывает на действие субъекта по отношению к другому объекту. То же соотношение наблюдается и в глаголах *кару* 'брать в долг' и *касу* 'давать взаймы'. Интересно с этим также сопоставить такие глаголы, например, как *абу* (*абиру*) и *абису* (=*абисэру*). *Абу* (=*абиру*) означает 'обливаться водой' (*ю-о абиру* 'обливаться горячей водой'), тогда как *абису* (=*абисэру*) значит 'лить воду на другого' (*кодомо-ни ю-о абисэру*) 'обливать ребенка', 'купать ребенка в теплой воде').

Не случайна, возможно, и внешняя, фонетическая близость так называемого *р*-пассива к интранзитивирующему *ру*, точно так же, как совершенно очевидна связь между каузативом (*су*=*сэру*) и транзитивным *су*.[1]

От глагола *караму* существует еще одна производная форма, характеризуемая в старом языке двуступенным аблаутом,— это *караму* (совр. *карамэру*) 'привязывать'. Глагол этот принадлежит к действительному залогу. Он указывает на активное воздействие на объект. Однако, по существу, это не синоним *карамасу*, так как последний скорее означает 'заставлять обвиваться', чем 'привязывать'. Воздействуя на объект, он вызывает в нем ответный процесс.[2]

Форма страдательного залога образуется (теоретически говоря) от любой формы действительного залога, выражая то состояние, в котором оказывается объект. Происходит как бы вторичная интранзитивация, семантически, однако, существенно отличающаяся от первой формы непереходности, т. е. от среднего залога. Если средний залог указывает на процесс (resp. состояние) субъекта, возникающее в нем самом, то страдательный залог указывает на состояние, кем-либо (чем-либо) вызванное. Вот отчего нельзя согласиться с тем, когда безоговорочно утверждают возможность образования в японском языке страдательного залога от непереходных глаголов. На самом деле это утверждение требует

---

[1] См. об этом в докторской диссертации А. А. Холодовича «Очерки по строю японского языка», 1949 (стр. 505—517).

[2] См. там же.

уточнений. От глаголов среднего залога, указывающих на спонтанный процесс, страдательный залог (как форма производная) совершенно не образуется. Возможно ли образование страдательного залога от таких глаголов, например, как *ататамару* ‘согреваться’, *акару* ‘открываться’, *кусару* ‘гнить’, *кагамару* ‘сгибаться’, *катамару* ‘твердеть’, *кавару* меняться’, *кубомару* ‘быть впалым’, *кубару* ‘гореть’, *куромару* ‘чернеть’, *аратамару* ‘меняться’ и т. д. и т. п.? Надо полагать, что нет.

С другой стороны, однако, в старом языке, повидимому, не исключена была возможность использования среднего залога в значении страдательного, в особенности при наличии указания на лицо, производящее действие.

1. *Субэ мо наку курусику арэба идэхасири инана то моэдо кора-ни* **саярину** (M, V, № 899). ‘В безысходной тоске хотел бежать [из дому], но **был остановлен** детьми’ (*моэдо* = *омоэдо*; *субэ мо наку* = совр. *сиката-наку*). Глагол *саяру* комментатор переводит: *дзяма-ни нару* ‘становиться помехой’. Как структурно, так и по смыслу — это средний залог. Дословно, однако, это означает. повидимому, ‘был остановлен’. Комментируя это место, Моримото Харукити пишет: «. . . *саматагэрарэру и-дэ ару*»,[1] используя страдательный залог от глагола *саматагэру* ‘мешать, препятствовать’.

2. *Тоя-но ну-ни осаги* **нэравари** (M, XIV, № 3529) ‘На ловчем поле **подстерегается** заяц’.

Связь *нэравари* с глаголом действительного залога *нэрау* ‘подстерегать’ совершенно очевидна; однако это не страдательный залог, так как последний дал бы форму *нэраварэ* (от *нэравару*, совр. *нэраварэру*). Остается предположить, что это средний залог, выступающий в форме *нэравару* (глагол первого спряжения, производный от глагола действительного залога *нэрау*: первая основа *нэрава* + суффикс *ру*; ср. *аку* — *ака* + *ру* = *акару* ‘открываться’). Стоит только ввести указание на действующее лицо, например ‘охотник’ (в старом языке — *сацубито*), как указанное *нэравари* получает значение страдательного залога.

Тоя-но ну-ни сацубито-ни осаги нэравару ‘На ловчем поле заяц подстерегается охотником’.

Примечание. В словаре «Котоба-но идзуми» форма *нэравари* отождествляется с второй основой переходного глагола *нэрау*, т. е. *нэраи*. С этим, однако, никак нельзя согласиться, так как такому толкованию препятствует структура данной формы. Скорее всего, это

---

[1] Манъёсю сōсяку, т. III, стр. 184.

архаизм, который не находит себе аналогии в современном языке и поэтому, естественно, не поддается объяснению с точки зрения системы современного языка.

Если исходить из всего сказанного выше, получается несколько иная картина морфологии залога, чем обычно. К формальным признакам действительного залога в этом случае окажутся приобщенными все признаки переходности, тогда как в формальные признаки среднего залога войдут все признаки непереходности. Средний залог, однако, как мы уже указывали выше, тесно связан со страдательным залогом. В связи с этим нам придется еще вернуться к этому вопросу при разборе страдательного залога, к описанию которого мы и переходим.

В памятниках VIII в. морфологической характеристикой пассива служат два суффикса: *ю||раю* и *ру||рару*. Чередования в пределах каждого суффикса объясняются их служебной функцией: их зависимостью от глагольных парадигм. Суффиксы *ю*, *ру* наращиваются на первую основу глаголов первого спряжения; суффиксы *раю*, *рару* наращиваются на первую основу глаголов всех остальных спряжений.

Формы с указанными суффиксами, в свою очередь, могут спрягаться, изменяясь по основам и сочетаясь с видо-временными и модальными показателями. По типу спряжения они принадлежат к двухступенному аблауту, следовательно к третьему спряжению. Например, *каму* ‘кусать’ > *камару*, совр. *камарэру* ‘быть укушенным’: 1, 2 *камарэ*, 3 *камару*, 4 *камаруру*, 5 *камарурэ*; *миру* ‘видеть’ > *мию* ‘виднеться’ (средний залог): 1, 2 *миэ*, 3 *мию*, 4 *миюру*, 5 *миюрэ*.

Суффикс *раю* хотя упоминается в грамматиках, но встречается исключительно редко, чуть ли не с одним только глаголом *нэру* ‘спать’: *нэраю*.

Суффиксы *ю* и *ру* выступают, повидимому, как диалектальные разновидности одной и той же грамматической формы. Особенность чередования согласных *р||й* (в *ю-йу*) станет ясной, если принять во внимание спирантизированный, недрожащий характер японского *р*. На эту связь между обоими суффиксами указывали еще старые японские филологи Кэйтю̄ и Мотоори. Так, в «Кодзики дэн» Мотоори, поясняя форму *якаэ* (*якае* от *яку* ‘жечь’), указывает на то, что это архаизм, соответствующий более позднему *якарэ*.[1] Этой же точки зрения придерживается и Ямада, определяющий «период Манъёсю̄» (по его терминологии) как период господства

[1] Мотоори Норинага. Кодзики дэн, т. I, стр. 273.

ю||раю.[1] Суффикс *ру||paру* тем самым он относит к более позднему времени. Нам думается, что это чередование хронологическое могло быть одновременно и диалектальным. Предположение, высказанное Ямада, вполне справедливо, если принять во внимание два момента: а) преобладание в памятниках VIII в. формы на *ю* над формой на *ру* (в этом отношении мы ориентируемся лишь на те примеры, которые записаны фонограммами); б) дальнейшую лексикализацию формы на *ю*. Так, в более позднее время форма на *ю* совершенно выходит из употребления, сохраняясь лишь в четырех словах: *араюру*, *иваюру*, *миэру*, *кикоэру* (старое: *мию*[*ру*], *кикою*[*ру*]). *Араюру*, восходящее, очевидно, к глаголу *ару* ‘быть’, используется только в функции прилагательного со значением ‘различные’. Это слово лишено спряжения и не предикативно. Ныне оно используется и в так называемом письменном стиле речи. То же самое можно сказать и о прилагательном *иваюру* ‘так называемый’, восходящем к глаголу *ю̄* ‘говорить’. Связь его с последним совершенно ясна. *Иваюру* также относится к письменному стилю речи.

Глаголы *миэру* ‘виднеться’ (в старом языке *мию*) и *кикоэру* ‘слышаться’ (в старом языке *кикою*) в более позднее время обособились со значением глаголов среднего залога.

Таким образом, форма на *ю* за пределами VIII в. явно теряет свою продуктивность, уступая место форме на *ру*, активной до наших дней. Диалектальный характер формы *ю* подтверждается также наличием *j* в восточном диалекте и чередованием его с *р* в западном. Так, в одной из песен «Манъёсю̄», включенных в раздел «Адзума ута» (т. XIV) встречается форма *мидае* [midaje] вместо западного *мидарэ* [midare]: *Хитагата-но исо-но вакамэ-но татимидае* (М, XIV, № 3563) ‘В смятеньи стоят юные водоросли на берегу бухты Хитагата’ (игра слов: *вакамэ* может быть и ‘молодая женщина’: *вака* ‘молодой’, *мэ* ‘женщина’).

Ниже переходим к анализу материала, начиная с памятников VIII в. Если рассматривать форму, характеризуемую суффиксом *ю*, то выясняется ее сравнительно ограниченное использование. (В данном случае речь идет только о том материале, который записан фонограммами.) Так, в «Манъёсю̄» на 4500 стихов имеется 101 случай использования этой формы. В «Кодзики» всего восемь примеров, тогда как в «Норито» нет ни одного. В «Микотонори» также нет ни одного бесспорного примера, т. е. такого, где данная форма была бы

---

[1] Ямада. Наратё..., стр. 179.

передана фонограммой, а не идеограммой. Из всего этого числа наибольшее количество случаев падает на глаголы так называемого чувственного восприятия. Точные числовые данные отчетливо иллюстрируют это положение: в «Манъёсю» *мию* ‘виднеться’ встречается 46 раз, *омоою* ‘думается’ — 26, *накаю* ‘плачется’ —7, *васураю* ‘забывается’ —6, *кикою* ‘слышится’ — 4, *нэраю* ‘спится’ —4, *синубаю* ‘тоскуется’ —3, *никумаю* ‘ненавидится’ —1, *сираю* ‘ведомо, известно’ — 1, *сураю* ‘натирается’ —1, *итоваю* ‘чувствуется отвращение’ — 1, *коробаю* ‘ругается, ругаем’ —1. Чаще всего, как мы видим, встречается *мию* и *омоою*.

В «Кодзики» на восемь случаев использования этого суффикса шесть падает на *мию* и два на *кикою*. Все глаголы, за исключением *суру* ‘тереть’ и *коробу* ‘ругать’, принадлежат к категории verba sentiendi. Совершенно очевидно, что принадлежность к verba sentiendi еще не определяет того или иного залога. Такие глаголы, как *сиру* ‘знать’ или *миру* ‘видеть’, *кику* ‘слышать’ или *омоу* ‘думать’, будучи глаголами чувственного восприятия, вместе с тем принадлежат к действительному залогу. Они могут управлять прямым дополнением объекта, при этом действующее лицо будет характеризоваться прямым падежом. Не то с производной формой на *ю*. В этом случае, если тот же глагол чувственного восприятия характеризуется суффиксом *ю*, указание на действующее лицо стоит в косвенном падеже (окончание *ни*), выступая не как подлежащее, а как косвенное дополнение; чаще всего, однако, оно отсутствует. Объект действия в этих случаях может характеризоваться как основным, так и винительным падежом.

Все эти моменты, очевидно, вызваны не содержанием этих глаголов, а их грамматической формой.

Рассмотрим конкретные примеры, каждый раз сопоставляя форму на *ю* с однокоренным глаголом в бессуффиксальной форме.

1. **Миру**. *Инисиэ-но хито-ни варэ арэ я Сасанами-но фуруки мияко-о* **мирэба** *канасики* (М, I, № 32) ‘Не оттого ли, что я человек былых времен, [мне] грустно, когда [я] **гляжу** на прежнюю столицу в Сасанами?’.

Мию. *Мономоу то хито-ни-ва* **миэдзи**. *Ситахимо-но сита-ю коуру-ни цуки дзо хэникэру* (М, XV. № 3708) ‘Людям, вероятно, **не видно**, что [я] думаю думу. И сколько месяцев уже прошло с тех пор, как [я] втайне люблю’.

2. **Омоу**. *Орокани дзо* **варэ**-*ва* **омоиси** *Оу-но ура-но арисоно мэгури мирэдо акадзукэри* (М, XVIII, № 4049) ‘Тот дикий

брег бухты Оу-но ура, о котором я [раньше] **думал** с таким пренебрежением, [я] увидел, но ах, не наглядеться было!' (дословно: 'не пресытился').

Омоою. *Иэ-ни юкитэ икани ка ага сэму. Макурадзуку цумая сабусику* **омооюбэси** *мо* (М, V, № 795) 'Что мне делать, вернувшись домой? Ведь такой печальной должно быть **покажется** [мне наша] опочивальня, где на подушку [мы] преклоним свои головы'.

3. **Сиру**. *Кусамакура таби иниси ками-га каэрикому цуки-хи-о* **сираму** *субэ-но сиранаку* (М, XVII, № 3937) 'Ведь неведом способ **узнать** день и месяц, когда ты, пустившийся в странствие, где трава [будет тебе] изголовьем, вернешься'.

Сираю *Асари суру ама-но кодомо то хито-ва иэдо мируни* **сираэну** *ммабито-но ко то* (М, V, № 853) 'Хоть люди и говорят, что [это] дитя рыбака, что ищет себе пропитанье, но [мне] по виду [его] **стало известно** (дословно: 'узналось'), что [это] отпрыск знатного рода'.

Примечание. В грамматике Сэнсома это место переведено неправильно: «a groom not known by sight».[1] *Ммабито* в старом языке означало не 'конюх', а ' знатный человек'. Кроме того, наличие союза *то* в конце стихотворения указывает на инверсию. Отсюда ясно, что глагол *сираэну* никак нельзя воспринять в качестве определения к существительному *ммабито* и, следовательно, как отрицание; это глагольное сказуемое, характеризуемое заключительной основой перфекта *ну*. Означенный перевод Сэнсома страдает, таким образом, погрешностями как в области лексики, так и в области грамматики. Смысл всего стихотворения совершенно искажается. Противопоставление *амано кодомо* и *ммабито- но ко* исчезает и уступительная форма *иэдо* оказывается абсолютно не оправданной.

Интересно здесь в общей связи привести еще один пример, хотя и написанный не фонограммами, а идеограммами, но весьма показательный в смысле противопоставления различных форм.

Сиратама-ва хито-ни **сираэдзу**. **Сирадзу** *то мо ёси*. **Сирадзу** *то мо варэ си* **сирэраба сирадзу** *то мо ёси* (М, VI, № 1018) 'Жемчужина людям **неведома**. Так пусть и **не ведают**. [Они-то] **не ведают**, да **ведаю** я, так пусть и **не ведают**'.

4. **Наку**. *Цукубанэ-ни каганаку васи-но нэ-номи-о ка* **накиватаринаму** *ау-то-ва наси-ни* (М, XIV, № 3390) 'Неужели [мне] только [суждено] **рыдать** без встреч [с тобой]? Как орлу, что кричит над [горным пиком] Цукубанэ'.

Накаю. *Аканэсасу хиру-ва мономои нубатама-но ёру-ва сугарани нэ номи си* **накаю** (М, XV, № 3732) 'Алым днем

---

[1] G. B. Sansom. An Historical Grammar of Japanese, стр. 159.

думаю думу. Черную ночь всю напролет лишь **рыдается** [мне]' (относительно **нэ наку** см. выше, стр. 56).

5. **Васуру** (первого и третьего спряжений). *Татибана-но тоно-о татибана яцуё-ни мо арэ-ва* **васурэдзи** *коно татибана-о* (M, XVIII, № 4058) 'Померанцы из палат померанцевых, во веки веков я **не забуду** померанцы эти'.

Васураю. *Вага хаха-но содэ мотинадэтэ вага кара-ни накиси кокоро-о* **васураэну** *камо* (M, XVII, № 0000) 'Ах, **не забудется** [мне] то чувство, с которым моя мать, из-за меня плача, гладила мой рукав!'.

6. **Кику**. *Ямабуки-но сигэми тобикуку угуису-но коэ-о* **кикураму** *кими-ва томоси мо* (M, XVII, № 3971) 'Ах, как завидую [я] тебе, **слушающему** [сейчас], вероятно, голос соловья, порхающего в чаще ямабуки'.

Кикою. *Цунугану-ни судзу-га ото* **кикою** (M, XIV, № 3438) 'На равнине Цунугану **слышится** звук колокольчиков'.

7. **Нэру**. *Тадзу-га наки асибэ-о саситэ тобиватару. Ана тадзутадзуси хитори* **санурэба** (M, XV. № 3626) 'С плачем летят журавли к берегу, поросшему камышом. Ах, как грустно [мне], ведь **сплю** один'.

Нэраю. *Имо-о омои и-но* **нэраэну**-*ни акатоки-но асагиригомори кариганэ дзо наку* (M, XV, № 3665) 'В то время как [мне] **не спится** в тоске по милой, гуси кричат в предрассветном тумане'.

8. **Синубу**. *Аси-но ха-ни югири татитэ камо-га нэ-но самуки юбэ си на-о-ба* **синубаму** (M, XIV, № 3570) 'Вечером, когда в камышах встает вечерний туман и холодно [от] плача диких гусей, [я] буду **тосковать** о тебе'.

Синубаю. *Ури хамэба кодомо омоою, кури хамэба маситэ* **синубаю** (M, V, № 802) 'Когда ем дыню, [мне] думается о [моих] детях, когда ем каштаны, еще больше **тоскуется** [о них]'.

9. **Итоу**. *Ммэ-но хана ицу-ва орадзи то* **итованэдо** *саки-но сакари-ва осики моно нари* (M, XVII, № 3904) 'Хоть [я] **не зарекался**: никогда, мол, не сорву цветов сливы, но в разгар цветения их жалко' (глагол *итоу* собственно означает 'не любить', 'избегать').

Итоваю. *Ка юкэба хито-ни* **итоваэ**, *каку юкэба хито-ни никумаэ* (M, V, № 804) 'Если пойти в таком виде, люди будут **чувствовать отвращение** [к тебе], если пойти в таком виде, будешь им ненавистен'.

10. **Никуму**. *Арасоэба ками мо* **никумасу** (M, XI, № 2659) 'Если [я] буду спорить, даже боги меня **возненавидят**'.

Никумаю — пример см. выше под глаголом **итоваю**.

11. **Суру**. *Цукикуса-ни коромо-ва* **сураму**. *Асацую-ни нурэтэ ноти-ни-ва уцуроину то мо* (М, VII, № 1351) ‘Лунной травой **наведу узор** на [мои] одежды, пусть даже он и поблекнет, смоченный утренней росой’.

Сураю. *Вага ядо-ни оуру цутихари кокоро-ю мо омовану хито-но кину-ни* **сураю на** (М, VII, № 1338) ‘Цутихари (название растения. — *Е. К.*), что растешь у моего дома, **не отпечатывайся** на одежде того, кто не любит тебя от всего сердца [как я]’.

Примечание. *Цутихари* иначе *цукубанэсо* (Paris tetraphylla A. gray) — метафора возлюбленной, к которой обращается поэт, прося ее не склоняться к тому, кто любит ее меньше, чем он. Образы в этом стихотворении, несколько экзотичные с точки зрения привычных нам тропов, выросли из техники наведения узоров, когда для того, чтобы окрасить ткань, растение прижимали к ней. Отсюда и вырастает метафора близости и любви.

12. **Коробу** ‘ругать’; примеры отсутствуют. Судя, однако, по наличию производной формы *коробаю*, существование такого глагола как *коробу* можно вполне предположить. Отсутствие этого глагола в «Котоба-но идзуми», возможно, объясняется тем, что это глагол восточного диалекта, что засвидетельствовано наличием формы *коробаю* в «Адзумаута».

Коробаю. *Тоя-но ну-ни осаги нэравари, осаоса мо нэнаэ ко юэ-ни хаха-ни* **коробаэ** (М, XIV, № 3529) ‘На ловчем поле подстерегается заяц — меня **бранит** мать из-за той девушки, с которой я даже вовсе не спал’.

Выше мы привели примеры на все глаголы с суффиксом *ю*, встречающиеся в текстах VIII в. Параллельно мы привели форму, послужившую основой для образования формы на *ю*. Исключение составляет только *коробаю*.

Несмотря на внешнее совпадение всех глаголов, характеризуемых суффиксом *ю*, грамматическое значение их не одинаково. Такие глаголы, как *мию*, *омою*, *накаю*, *васураю*, *кикою*, *нэраю*, *синубаю*, *сираю*, *сураю*, выражают действие, замкнутое в сфере самого субъекта.[1] В этом смысле их можно определить как глаголы среднего залога. Такие глаголы, как *никумаю*, *итоваю*, *коробаю*, указывают на состояние, вызванное кем-либо (действующее лицо в этих случаях характеризуется окончанием *ни* в значении дательного лица: *хакани коробаю* ‘ругаем матерью’). Глаголы этого типа можно определить как глаголы страдательного залога.

---

[1] Ср.: В. В. Виноградов. Русский язык. 1947, стр. 644.

Отсутствие формальной разницы между теми и другими глаголами не случайно. Как те, так и другие указывают на процесс, происходящий в самом субъекте, или на его состояние, но не на его действие. Последнее выражается действительным залогом. Состояние это (resp. процесс) может самопроизводно возникнуть (ср. ʻмне хочетсяʼ, ʻмне думаетсяʼ, ʻтоскуетсяʼ и т. п.), может быть вызвано со стороны (ʻлюдьми ненавидитсяʼ; ʻматерью ругаетсяʼ, т. е. ʻматерью браниму). Нередко один и тот же глагол поэтому может выступать то со значением среднего залога, то со значением страдательного залога. Разница эта определяется синтаксическим контекстом — наличием в предложении указания на действующее лицо или отсутствием его. Так вполне можно себе представить две параллельные конструкции с таким глаголом, как *никумаю*. С одной стороны, *никумаю*, без указания на действующее лицо, в значении [*варэ-ни*] *никумаю* ʻ[мне] ненавистноʼ, с другой стороны, с указанием на действующее лицо: *хито-ни никумаю* ʻлюдьми ненавидимʼ. Аналогичные конструкции возможны и с таким глаголом, как *синубаю*: а) *кури хамэба маситэ* **синубаю** (M, V, № 802) ʻкогда ем каштаны, еще больше **тоскуется** [о них]; б) [*варэ-ва*] *имо-ни* **синубаю** ʻлюбимая **тоскует** [обо мне]ʼ (образовано по аналогии). Страдательный залог, таким образом, вырастает на почве среднего залога. Возможны, однако, и такие случаи, когда практически какие-либо глаголы используются только в одном каком-нибудь залоговом значении — или преимущественно в среднем залоге или, наоборот, преимущественно в значении страдательного залога. Так, *кикою* ʻслышатьсяʼ используется только в значении среднего залога. Это сужение грамматической функции привело даже в результате к лексикализации и к сохранению формы на *ю* в виде *кикоэру* вплоть до современного языка, при отсутствии параллельной страдательной формы на *рэру* (т. е. *кикарэру*). Аналогичной лексикализации подверглось и *мию* ʻвидноться, казатьсяʼ (хотя у этой формы и было в старояпонском языке несколько другое значение). С другой стороны, такой глагол, например, как *коробаю*, по самому содержанию своему, вероятно, ограничивал свои функции преимущественно страдательным залогом. Категория подобных глаголов несколько расширится, если принять во внимание и те примеры, которые записаны не фонограммами, а идеограммами, как мы увидим ниже.

Основное грамматическое содержание формы на *ю* можно определить словами Шахматова следующим образом: «дей-

ствие глагольного признака проявляется с такою интенсивностью, которая показывает его независимость от производителя действия. Здесь возможны два случая. Во-первых, при глагольном признаке мыслится фактический его производитель, но, как указано, не в качестве производителя, а объекта, испытывающего на себе действие признака: *мне хочется, не работается, не спится, не сидится, нездоровится, икается, мне сдается, мне кажется, думается.* Во-вторых, мысль о производителе исключена совсем: *стемнелось, смерклось.* В обоих случаях частица *-ся* означает интенсивность, а такое значение она получает благодаря именно отсутствию при признаке объекта»[1].

Конструкции типа ‘смеркается’ в японском языке отсутствуют, так как при подобных глаголах обычно дается указание на подлежащее, например, *хи-га курэру* ‘день вечереет’. К японскому языку, следовательно, мы относим лишь описанный акад. Шахматовым первый случай. Интересно при этом, что в приведенных им иллюстрациях цитируются и примеры с отрицанием: *не работается, не спится.* Этому в точности соответствуют наши примеры типа *нэраэдзу* (ср. *имо-о омои и-но* **нэраэну**-*ни* (М, XV, № 3665) ‘в то время как [мне] **не спится** в тоске по милой’).

Так называемый потенциалис (японский термин *нōрёку*) выясняется, таким образом, как одно из значений среднего залога. В текстах VIII в. это значение проявляется обычно в форме отрицательного наклонения от суффикса *ю*. Позднее оно встречается и в форме положительной с суффиксом *ру||paру > рэру||парэру* (о чем ниже). Здесь уместно упомянуть о том, что параллельно с вышеуказанной формой потенциалиса на всем протяжении истории японского языка, начиная от самых ранних памятников, существует и аналитическая форма. Форма эта образуется посредством вспомогательного глагола *у* (совр. *эру*) ‘получать’, выступающего в качестве одного из элементов составного глагола. В старых памятниках *у* используется обычно как первый компонент составного слова.

Сонохито-но умугасики кото исосики кото-о цуини **э-васурэдзи** (Мн, № 7, 771) ‘[я] никогда **не смогу забыть**, каким он был приятным и старательным’.

В отличие от среднего залога, носящего безличный характер, эта форма носит характер определенно-личный.

---

[1] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. 1941, стр. 478—479.

* * *

В японском языке, как старом, так и новом, существуют три типа конструкций, зависящих от объекта страдательного залога. Страдательный залог, как известно, обладает своей синтаксической конструкцией, отличной от конструкции действительного залога и от конструкции среднего залога.

Первый тип, назовем его условно типом А, возникает при наличии неодушевленного объекта. В этих случаях указание на действующее лицо отсутствует. Объект, на который распространяется действие, характеризуется основным падежом. Глагольное сказуемое получает соответственную морфологическую характеристику. Для древнего языка это суффикс *ю||раю*, для более позднего — суффикс *ру||paру > рэру||рарэру*. Получается тот тип конструкции, который в отношении русского языка называется неопределенно-личным.[1] Этот тип конструкции можно было бы назвать двучленным, ориентируясь на два основных в данном отношении члена предложения — дополнение и сказуемое. Этот тип конструкции с суффиксом *ю* в древних текстах нам не встречался, в связи с чем, несколько забегая вперед, нам приходится иллюстрировать его на примере более позднего языка.

Коно **ута-ва** *Киньёсю-ни дзо* **ирэрарэкэру** (X, 5) 'Эти стихи **были включены** в антологию «Киньёсю»'.

Вполне возможно, что отсутствие подобной формы в более ранних текстах не случайно и объясняется отсутствием этой конструкции в то время вообще. Нам встречались и более ранние примеры в «Кондзяку-моногатари». Пример из «Хэйкэ-моногатари» нами использован как наиболее четкий и показательный.

Второй тип конструкции, назовем его условно типом Б, возникает в том случае, когда в качестве реального объекта действия выступает лицо одушевленное. В старояпонском в эту категорию включаются не только люди, но и животные и птицы. Этот реальный объект, на который распространяется действие страдательного залога, выступает в предложении как подлежащее, в основном падеже. Действующее лицо, характеризуясь косвенным падежом (окончание *ни*), оказывается косвенным дополнением. Сказуемое получает морфологическую характеристику залога. Этот тип конструкции можно условно назвать трехчленным пассивом или трехчленной конструкцией. Подлежащее может быть опущено

---

[1] Для современного языка см.: Н. И. Конрад. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937, стр. 200.

и только подразумеваться. Тип конструкции от этого не изменяется. К этому типу принадлежит предложение *осаоса мо нэнаэ ко юэ-ни* **хаха-ни коробаэ** (М, XIV, № 3529), '[Меня] **бранит мать** из-за той девушки, с которой я даже вовсе не спал'.

Конструкция с трехчленным пассивом, подобно вышеописанной, в текстах VIII в. встречается в довольно ограниченном количестве случаев. Так, на сто девять примеров у нас имеются всего три (см. выше, стр. 66—67, № 9 и 12). Это число несколько увеличивается, если включить сюда также те примеры, в которых в качестве морфологической характеристики сказуемого выступает суффикс *ру* (поскольку принципиально они не отличаются от форм на *ю*). Тем не менее средний залог еще явно преобладает над пассивом.

К третьему типу конструкции с пассивом, назовем его условно типом В, принадлежит страдательный залог с так называемым удержанным объектом. Реальный объект действия, выраженный подлежащим, — и в этом случае всегда одушевленный. Действие, однако, распространяется на него не непосредственно, а опосредствованным путем, благодаря воздействию на что-либо, принадлежащее данному лицу. Этот объект непосредственного воздействия и называется удержанным. Для ранней эпохи развития японского языка в качестве такого объекта всегда выступает название части тела. В более позднее время в этой функции возможен любой предмет, принадлежащий данному лицу или как-либо с ним связанный.

Синтаксическая конструкция, характерная для пассива этого типа, предполагает наличие следующих отношений в предложении: подлежащее, выражающее лицо, на которое косвенно распространяется действие глагольного признака (т. е. реальный объект); оно характеризуется основным падежом; прямое дополнение (удержанный объект), выражающее предмет, на который распространяется действие того же признака; оно характеризуется или основным или винительным падежом (окончание *о*); косвенное дополнение, которое выражает действующее лицо; оно характеризуется косвенным падежом (окончание *ни*). Сказуемое характеризуется наличием морфологической характеристики глагола (суффикс *ю*||*раю*, затем *ру*||*рару* и, наконец, — *рару*||*парэру*). Синтаксически в таком предложении, следовательно, возможны подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение и сказуемое. Исходя из этого, этот тип конструкции мы условно называем четырехчленным пассивом. Ограничение, выражае-

мое словом «условно», необходимо ввиду того, что не всегда все указанные члены предложения налицо. В этом отношении возможны, как мы увидим ниже, и некоторые варианты.

Однако наличие прямого дополнения (так называемый удержанный объект) и глагольного сказуемого с соответственной морфологической характеристикой для этой конструкции совершенно необходимо.

Переходим к анализу примеров.

Карэ соно **Сарудахико-но ками** *Адзака-ни имасикэру токи-ни, сунадори-ситэ* **Хирабугаи-ни соно тэ-о куиавасаэтэ**, *усиони оборэтамаики* (К, 232) 'Итак, этот **бог Сарудахико-но ками** в бытность [свою] в Адзака ловил рыбу и, **раковиной Хирабугаи [за] его руку захвачен будучи,** в море захлебнулся'.

Сарудахико-но ками (подлежащее) является тем лицом, которое подвергается воздействию. Воздействие это, однако, ограничено указанием на определенную часть его тела. *Тэ*, 'рука', выступая как непосредственный объект, характеризуется винительным падежом. В других случаях, как увидим ниже, возможен и основной падеж. Глагольное сказуемое (*куиавасу* 'захватить ртом', 'зажать губами', в данном случае 'захватить створками раковины') характеризуется суффиксом *ю*. *Хирабугаи* 'раковина хирабу' — не орудие действия, а действующее лицо, поскольку для мифов вообще характерна антропоморфизация. Глагол, характеризуемый суффиксом *ю*, оказывается весьма сложным по своей структуре. Создается такое впечатление, что лексическая его часть управляет винительным падежом (*тэ-о куиавасаа...*), тогда как формальная характеристика его, морфема *ю*, соотнесена только с реальным объектом (в данном случае с *Сарудахико*) и реальным субъектом (в данном случае *Хирабугаи*). Будучи непереходным по форме залога, подобного рода глагол оказывается переходным по содержанию основы.

Мы не беремся здесь решать вопрос относительно генезиса этой формы, ограничиваясь лишь констатацией факта. Всё же для тех, кто попытался бы продолжить это исследование в сторону этимологии, укажем здесь на следующие моменты.

а) Первая основа японского глагола в залоговом отношении, повидимому, нейтральна. В качестве доказательства можно привести ряд примеров. Так, первая основа глагола *хору* 'рыть' *хора* означает 'пещера', т. е. 'нечто вырытое', иначе nomen acti. Первая основа глагола *каёу — каёва* встречается как первый элемент композита *каеватори* (М, XIV), где она, определяя второй элемент сложного слова *тори* 'птица', указывает на действующее лицо. Глагол *каёу* — 'двигаться туда и обратно'; *каёватори* можно перевести как 'перелетная птица'.

Существительное *укава* восходит к существительному *у* 'корморан' и *кава* — первой основе глагола 'питать', 'содержать'; отсюда *укава* 'питающие кормора́нов', т. е. те рыболовы, которые содержат кормора-нов, чтоб с их помощью ловить рыбу. (Кормораны ловят рыбу, но благодаря кольцу, надетому на шею, проглотить эту рыбу не могут.) Основа *кава*, следовательно, имеет активное значение.

Абуру 'жарить', но *абура* 'жарящее' > 'масло'.

Нау (**напу*) 'вить', отсюда первая основа — *нава* (**напа*) 'свитое' > 'веревка'.

б) Японскую конструкцию, очевидно, не приходится сравнивать с эргативной, так как объект в японском предложении может характеризоваться не только основным, но и винительным падежом (окончание *о*). В отношении же эргативной конструкции винительный падеж абсолютно исключается. Проф. Чикобава пишет: «Между тем для эргативной конструкции не в такой мере характерно наличие эргативного падежа, в какой специфично отсутствие винительного падежа; переходный глагол эргативной конструкции — это „безакузативный переходный глагол“».[1]

в) Возможно, путеводной нитью для понимания этой конструкции может послужить аналогия с современной описательной формой страдательного залога, использующей в качестве вспомогательного глагол *морау* 'получать'. Ср. например: *Гакусэй-га сэнсэй-***ни кандзи-о** *сэцумэй-ситэ мораимасита*. Дословно: 'студент получил объяснение **иероглифов у** учителя' (т. е. благодаря учителю). Действующее лицо (*сэнсэй*) характеризуется косвенным падежом (суффикс *ни*). Объект действия (*кандзи* 'иероглифы') — винительным падежом (окончание *о*). То лицо, которое испытывает на себе воздействие, характеризуется именительным падежом (окончание *га*). Это лицо является одновременно и объектом воздействия, поскольку его функции заключаются лишь в «получении» — «испытывании» действия, активно осуществляемого кем-то другим. Поэтому эту конструкцию можно легко перевести в формально-страдательную, заменив глагол *морау* 'получать' суффиксом страдательного залога. Все соотношение членов предложения при этом останется тем же: *Гакусэй-га сэнсэй-ни кандзи-о сэцумэй-сарэмасита* (или *сэцумэй-сарэта*).

Продолжим, однако, анализ различных вариантов конструкции с удержанным объектом.

2. *Хи-о умитимаитэ* **михото-о якаэмасики** (Н, 335—336) [2] 'Родив огонь, **сожгла** [себе] **лоно**' (речь идет о том, что богиня Идзанами погибла, произведя на свет огонь).

Этот пример отличается от предыдущего: а) отсутствием подлежащего, подразумеваемого из контекста (богиня Идзанами), и б) отсутствием указания на действующее лицо. Объект, однако, охарактеризован по линии принадлежности определенному лицу путем префигирования форманта *ми*: *ми-хото* 'свое лоно'. Префикс этот в древнем языке служил

---

[1] Проф. Арн. Чикобава. Несколько замечаний об эргативной конструкции. Сб. «Эргативная конструкция предложения», Сост. Е. Бокарев, 1950, стр. 16.

[2] См. «Молитвословие успокоения огня».

признаком принадлежности «высокому» лицу, т. е. богам или мифологическим героям. Восстановленная полностью эта фраза звучала бы примерно следующим образом: *Идзанами-но микото Хомусуби-но ками-ни ми-хото* (resp. *соно хото*)*-о якаэмасики*. ‘Идзанами-но микото богом огня свое лоно спалила себе’.

Винительный падеж при объекте может и отсутствовать.

3. *Хомусуби-но ками-о умитамаитэ*, **ми-хото якаэтэ ивагакуримаситэ . . .** (Н, 336) ‘Родив бога зиждителя огня, [Идзанами] **лоно себе спаля, пещеросокрылась** (скрылась в пещеру).

Во всех трех примерах, приведенных нами выше, в качестве объекта выступают части тела.[1]

Указанными тремя типами конструкций и исчерпываются возможности так называемого *ю*-пассива (т. е. страдательного залога, характеризуемого суффиксом *ю*).

Р-пассив (т. е. страдательный залог, характеризуемый суффиксом *ру*) принципиально ничем не отличается от предыдущей формы, будучи лишь, повидимому, более поздним явлением. В текстах VIII в. он встречается, притом во всех тех значениях, в которых используется и форма на *ю*.

1. *Кора-ва* **канасику омоваруру** *камо* (М, XIV, № 3372). ‘Ах, как **тоскуется** милой!’.

2. *Каго саэ миэтэ ё-ни* **васурарэдзу** (М, XVII . . .) ‘Стоит показаться отражению и [мне] **не забыть** ника к’ (‘никак не забывается’).

3. *Морокоси-но то̄ки сакаи-ни* **цукавасарэ**[2] ‘**Послан** к далеким пределам Китая’.

4. *Оноко номи тити-но на оитэ мэноко-ва* **иварэну** *моно-ни арэ я* (Мн, № 13, 783) ‘Лишь мальчики наследуют имя отца, девочки же, будучи существами **не нарекаемыми**, не оттого ли . . .’.

5. *Хито-ни мо* **идзанаварэдзу** *хито-о мо томонавадзу ситэ, ономо-ономо садакани акаку киёки кокоро-о мотитэ цукаэмацурэ* (Мн, № 33, 818) ‘Пусть каждый служит с сердцем чистым,

---

[1] Глаголы, использованные в данных примерах, не вошли в наш список глаголов с суффиксом *ю*, так как во всех трех случаях они переданы идеографически. Во втором примере, однако, окончание винительного падежа передано фонограммой. Мы сочли возможным использовать указанные примеры, ввиду наличия аналогичных конструкций на всем протяжении истории японского языка, включая и наши дни. Предполагать поэтому неправильную их дешифровку нет никаких оснований.

[2] Ямада. Наратё . . ., стр. 177; пример взят из «Манъёсю».

ясным (красным), верным, **не соблазняемый** никем и никого не увлекая за собой'.

Как мы отмечали выше, форма на *ю* в дальнейшем теряет свою продуктивность и за пределами VIII в. больше не встречается. Форма на *ру* активна до сих пор. Выше мы уже говорили о том, что разница между формами *ю* и на *ру* чисто внешняя, содержание же их одинаковое. Поэтому примеры, приводимые ниже и относящиеся к более позднему времени, в грамматическом отношении не представляют ничего принципиально нового по сравнению с предыдущими.

1. *Ару токи-ва кадзэ-ни цукэтэ, сирану куни-ни* **фукиёсэрарэтэ . . .** (Т, 8—9) 'Однажды [мы] были ветром **занесены** в неведомую страну . . .'.

2. *Ми-фунэ уми-но соко-ни ирадзуба, каминари отикакаринубэси. Моси сайвайни ками-но сукэ араба, нанкай-ни* **фукарэ***овасинубэси* (Т, 17) 'Не попадет судно на дно морское, так ударит в него гром. Если же на счастье будет божья помощь, то [оно] будет **снесено** в южное море'.

3. *Сорэ-га тама-о тораму тотэ, сокора-но хитобито-но гайсэрарэнаму-то сикэри. Маситэ, тацу-о тораэтарамасикаба, мата котомонаку, варэ-ва гайсэрарэнамаси.* (Т, 19) 'Много людей пострадало бы, стремясь захватить его [дракона] жемчужину. Тем более, если б удалось захватить самого дракона, то тут уж несомненно я пострадал бы'.

4. *Мамэнару онокодомо, нидзю̄нин бакари цукаваситэ, ананаи-ни* **агэсуэрарэтари** (Т, 20) 'Верных людей человек двадцать послали, и [они] **были подняты и помещены** на помост'.

5. *Ко-ни норитэ* **цурарэноборитэ** *укагаитамаэру-ни . . .* (Т, 21) 'Когда [он], будучи **поднят** в корзинке, заглянул [в гнездо] . . .' (Дословно: 'сев в корзинку, будучи вздернут, поднялся').

6. *Корэ-о митэ, утито-нару хито-но кокородомо,* **моно-ни осоваруру** *ё̄-нитэ, аитатакаваму кокоро мо накарикэри* (Т, 31) 'При виде этого сердца всех людей, [бывших] как внутри [дома], так и снаружи, были как будто **кем-то подавлены** и [у них] пропало желание биться'.

Существительное *моно*, которое в данном случае мы переводим местоимением 'кем-то', выступает фактически как подставное слово, замещая прямое указание на злую силу. Поэтому в данном контексте *моно* служит выражением не предмета неодушевленного, а одушевленного лица. Приведенный выше пример, таким образом, содержит как указание на объект действия, так и на действующее лицо. Оба при этом принадлежат к категории одушевленного, так как *кокоро*

определяется как часть целого, т. е. по линии своей принадлежности человеку.

Как правило, однако, предложение с пассивом характеризуется наличием пассивно оформленного сказуемого, все же остальные члены предложения (подлежащее и дополнение) могут подразумеваться. Это положение вещей достаточно ясно проиллюстрировано примерами из «Такэтори-моногатари», приведенными выше. Чем живее язык исследуемого памятника, чем он ближе к народному языку, тем это явление чаще встречается. Особенно благоприятные условия для этого явления обнаруживаются в диалоге. Ниже приводим характерный пример, в котором налицо только глагольный признак пассива, все остальное восстанавливается лишь из контекста.

7. *Акоги-га мото-ни икитэ, арицуру, он-каэри, мидзукара маираму-ни, мотэмаираму тотэ, идзуру ходо-ни, сика мэситэ, он-бин какасэтамаэру ходо-ни, кōситэ* **торарэтатэмацурину,** ***Ито имидзю̄ косо то*** . . . (0,415)[1] ‘Отправившись к Акоги, [он сказал]: «Когда [я] вышел для того, чтобы самому отнести ответ [на то письмо], то [меня] позвали причесывать [молодого сударя] и в это время [ответное письмо] таким путем и **было взято**. Это ужасно.» — Так [он] сказал’.

В этом предложении налицо лишь глагол *торарэру*. Объекты действия, как одушевленный ‘я’, так и неодушевленный ‘письмо’, точно так же, как указание на действующее лицо, отсутствуют. Для говорящих, однако, они ясны, ясны они и для читателя.

8. *Каё̄-но моно-ва, кусасэтэ ару дзо ёки. Сорэ-о саиваинитэ, хито-ни мо* **мотиирарэн** *моно дзо* (0, 350) ‘Таких людей надо держать в черном теле. Таким образом [они] **могут быть использованы** и другими’.

9. *Утатэ, кокоро надо* **миэрарэтару** *ё̄-ни косо,* **хито-ни сирарэну** *хито-ва, мусин нару косо ёкэрэ* (0, 356) ‘О ужас! Чувства мои (дословно: ‘сердце’), кажется, **обнаружены** [людьми]! Человек, **незнаемый другими людьми,** должен быть без сердца’ (т. е. должен казаться лишенным сердца).

Первое предложение, оканчивающееся на *ё̄-ни косо* (именное сказуемое без глагольной связки), является интересным примером пассива с удержанным объектом, в котором налицо только указание на удержанный объект и глагольное сказуемое. Лицо, на которое распространяется действие, подразумевается — это говорящий (т. е. сама Отикубо-но кими),

---

[1] В тексте: *карасэ*. Опечатка вместо *какасэ* (?).

указание на действующее лицо (в данном случае *хито* ‘люди’) также отсутствует. Все это вместе взятое объясняет наличие такой исключительно редкой формы как *миэрарэтару* (от *миэрару*, в современном было бы *миэрарэру*). *Р*-пассив здесь очевидно относится к лицу, подвергающемуся воздействию. При попытке восстановить все звенья данного предложения, исходя из имеющихся у нас аналогичных предложений, получилась бы конструкция следующего типа: *утатэ, варэ-ва хито-ни кокоро надо-[о] миэрарэтару ё̄-ни косо арэ*. В дословном переводе это дает: ‘О ужас, я в отношении сердца моего узнан людьми!’. Или: ‘Я — сердце [мое] — узнан людьми’, т. е. чувства мои оказались обнаружены (ср. более древний пример, цитированный выше: *[Сарудахико] Хирабугаи-ни соно* **тэ-о куиавасаэтэ** . . . В современном языке: *Ватаси-ва доробо̄-ни* **сайфу-о торарэта** ‘У меня вором **украден кошелек**’).

Переходим теперь к анализу примеров со средним залогом, выраженным суффиксом *ру||paру* в различных его грамматических значениях.

1. *Акоги миокуритэ . . . мэкуруру кокоти-ситэ, асидзури-ситэ* **накаруру** *кокоти-о омоисидзумэтэ, утитираситамаэру монодомо тириситатаму* (0, 447) ‘Акоги смотрела [ей] вслед . . . и [ей] казалось, что [у нее] темнеет в глазах. Усмирив свое желание **плакать**, топая ногами, [она] стала прибирать вещи, разбросанные в беспорядке [самой Отикубо-но кими]’

Наку ‘плакать’ > *накару* ‘[мне] плачется’. *Накаруру кокоти* ‘такое настроение, когда плачется само собой’, иначе ‘желание плакать’. В тексте «Отикубо-моногатари сёкай» (автор — один из учеников Мотоори) в этом месте интересная ремарка: *асидзури-ситэ* **накитаки** *о нари* (0, 447).

2. *Икасама-ни ка то* **обосимадовару** (Г)[1]. ‘Как быть? — **думалось в смятении.**’

Мадовару средний залог от *мадоу* ‘быть в смятении’.

3. *Сумиханарэтаран ивао-но нака* **обосиярару** (Г)[1] ‘**Думается** о скалах, удаленных от жилья’.

4. *Цуки-хи-но фуру мама-ни ау го наки нэ номи* **накарэ** *насаритэ* (Уцубо)[2] ‘По мере того, как шли месяцы-дни, не было случаев для встреч и только все больше и больше **плакалось**’ (т. е. все больше и больше охватывало желание плакать).

Примечание. Форма *наки*, вероятно, зависит от предшествующей частицы *дзо*, которая в цитату не вошла.

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё ..., стр. 146.
[2] Там же, стр. 147.

5. *Кагири-то кикэдо нао дзо* **матаруру** (Ямато-моногатари)[1] ‘Хоть и слышу, что конец, но все же **невольно жду**’.

6. *Кинута-но ото мо коната каната* **кикиватасарэ** (Г)[1] ‘И звуки кинута[2] **раздавались** то тут, то там’.

Использование среднего залога (по Ямада — страдательного залога) в значении потенциалиса Ямада ограничивает для этого периода лишь отрицательной формой.[3]

1. *Коисикараму кото-но таэгатаку, юмидзу мо* **номарэдзу**, *онадзи кокоро-ни нагэкасигарикэри* (Т, 29) ‘Изнемогая от предстоящей тоски, **не могли** даже воду **пить** и с тем же чувством [что старик Такэтори и старуха] вздыхали’ (дословно: ‘[им] даже вода не пилась’).

2. *Моно-ва сукоси обоюрэдо, коси нан* **угокарэну** (Т, 251) ‘Кое-что немного сознаю, но вот ноги-то **не двигаются**’,

3. *Кими хитори фуситэ, и мо* **нэрарэну** *мама-ни* (0, 342) ‘Отикубо-но ками лежала в одиночестве и [ей] **не спалось**’.

4. *Хадзукасю̄тэ, моно мо* **мо̄сарэдзу** (0, 344) ‘Стыдясь, даже слова **не могла произнести**’.

Далее переходим к языку более позднего времени, начиная с «Кондзяку-моногатари» (ориентировочно XI в).

1. *Сикарэба футари-но хито томони уми-ни* **осидасарэну** (Км, I, 756) ‘Поэтому оба человека **были унесены** в море’.

2. *Уси тоси-о хэтэ тёдай-ситэ, тэра-но дзо̄яку-ни* **цукавару** (Км, II, 348) ‘Прошли года, бык вырос и стал **использоваться** на разных работах при храме’.

3. *Сикару айда коно хито татиматини* **сибарарэну** (Км, II, 353) ‘В это время этот человек был внезапно **связан**’.

4. *Коно кото-но кёдзицу-о тоу ни, дзицуни соно тэра-но хотокэ* **нусумарэтари** (Км, I, 754) ‘Когда стали расследовать все дело, [оказалось, что] на самом деле будда этого храма **похищен**’.

Речь идет о статуе будды, следовательно, налицо неодушевленный объект. Указание на действующее лицо отсутствует. В том случае, если указание на производителя действия дается, оно, повидимому, как правило, оформляется послелогом *тамэ* в косвенном падеже: *но тамэ-ни*.[4]

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё. . ., стр. 150.

[2] Доски для изготовления набивных тканей.

[3] Ямада. Хэйантё . . ., стр. 149.

[4] Ср. с этим указание на аналогичный оборот в современном языке. Н. И. Конрад. Синтаксис японского национального литературного языка, стр. 200. Вместо *но тамэ-ни* используется форма *ни ёттэ*, суть конструкции, однако, та же.

5. *Коно хотокэ-но дзо̄, татиматини усэтамаину. Корэ нусубито-но тамэ-ни* **торарэну** *то утагау* (Км, I, 753—754) ‘Эта статуя будды внезапно исчезла. Подозревали, что она **была похищена** ворами’.

6. *Соно эдзо̄, нусубито-но тамэ-ни* **нусумарэну** (Км, I, 761) ‘Это изображение **было похищено** ворами’.

Указание на ветер, волны и вообще стихии природы оформляется обычно просто суффиксом *ни*.

7. *Коко-ёри миярикэрэба, хякутай-но дзёроку-но хотокэ-но* **какэнарабэрарэтамаитэ кадзэ-ни фукарэтэ** *угокитамау* (Км, I, 771). ‘Когда посмотрели отсюда, то [оказалось, что] сто [изображений] будд высотой в шесть футов, **повешенные** в ряд, движутся, **раздуваемые** ветром’.

В это время уже в качестве так называемого удержанного объекта может быть упомянут любой предмет. Это свидетельствует о полной грамматикализации этой формы.

8. *Каку-но готоку-но цуми-но юэ-ни, варэ-га тиисаси то иэдомо, сандзю̄сити-но* **куги-о утитатэрарэтэ**, *хиготони кухякудан-но тэцу-но дзё̄-о оитэ* **утисэмэрару**. *Итай кана канасий кана, нани нараму токи-ни ка, варэ коно* **цуми-о юрусарэтэ** *ясуки ми-о эму* (Км, II, 337) ‘Из-за подобных прегрешений, хоть я и был молод, но в меня **вбили** тридцать семь **гвоздей** и [я] каждый день терплю девятьсот ударов железной клюкой, так [я] **терзаем.** О, как больно! О, как печально! Когда же мне будут **отпущены** мои **грехи** и [я[смогу спокойно существовать?’.

В качестве удержанного объекта в данном предложении выступают *куги* ‘гвозди’ и *цуми* ‘грехи’. В обоих случаях лицо, подвергающееся воздействию, выступает как подлежащее (*варэ* ‘я’). Как и в предыдущую эпоху, потенциалис вырастает на почве отрицательного наклонения среднего залога.

9. *Яма-ёри кударикитаритэ отоко-о тораэтэ хику. Сума—итэ* **хикарэдзу** (Км, II, 358) ‘Спустившись с горы, потащил его. [Тот, однако] противился и **тащить** было **невозможно**’.

Переходим далее к более поздним примерам использования страдательного залога.

10. *Со̄дэн-но сю, Бидзен-но ко̄-но тоно конъя ямиути-ни* **сэрарэтамаубэки** *ёси укэтамавари со̄ро̄ аида...* (X, 2) ‘Так как [я] слыхал о том, что сегодня ночью мой наследственный хозяин — правитель провинции Бидзэн должен **подвергнуться** тайному нападению...’.

11. *Хотокэ-годзэн-ва сугэно̄* **иварэтатэмацуритэ**, *судэни идэн-то сикэру о* (X, 11) ‘В то время как госпожа Хотокэ,

испытав такие жестокие **речи**, уже собиралась удалиться . . .' (Дословно: 'жестоко говоримая').

12. *Тосиои отороэтару хаха мияко-но хока-э дзо* **дасарэндзуран** (X, 14) 'Старая, дряхлая мать **будет выслана** за пределы столицы'.

13. *Ицумо вадонобара-ва, Сигэтада-га ё нару моно-ни косо* **тасукэрарэмудзурэ** = *[тасукэрарэндзурэ]* (X, 335) 'Всегда вы **спасаемы** таким человеком, как Сигэтада' (иначе: всегда вас спасает такой человек, как Сигэтада').

14. *Амарини мидзу-га хаётэ, мма-ва* **осинагасарэ сōраину** (X, 355) 'Так как вода была слишком быстрая, то лошадь **была снесена** в сторону'.

15. *Какутэ Киёморикō, Нинъан саннэн дзюитигацу дзюитинити тоси годзюити-нитэ* **ямаи-ни окасарэ**, *дзоммэй-но тамэ-ни татиматини сюккэнюдо-су. Хōмё-ва Дзёкайто косо нанорарэкэрэ* (X, 7) 'Итак, князь Киёмори в одиннадцатый день одиннадцатого месяца третьего года Нинъан **был поражен болезнью** и ради сохранения жизни неожиданно принял постриг. В монашестве [он] был наречен именем Дзёкай'.

16. *Киммон-о сюцунюо-су то иэдомо сёмё-о* **тадзунэраруру-ни** *оёбадзу* (X, 7) 'И даже, когда [они] посещали двореп, не полагалось **спрашивать** у них [их] **имена**'.

Последний пример можно, как это явствует из его конструкции, рассматривать как страдательный залог с удержанным объектом.

17. *Коно ута-ва Киньёсю-ни дзо* **ирэрарэкэру** (X, 5) 'Стихи эти **были включены** в сборник «Золотых листьев»'.

Данный пример иллюстрирует страдательный залог с неодушевленным реальным объектом при отсутствии указания на действующее лицо.

18. *Макариидэтару-ва, сюто-ни* **каваюгарарурy**, *ханамуко-дэ годзару* (К, 11) 'Вот [перед вами] зять, **любимый** тестем'.

19. *Сорэгаси-га* **оварэтэ** *ватаримасёдзу* (Кг, I, 132) 'Я переправлюсь через [реку], **несомый на спине**'.

20. *Ия, сякугин-о ои,* **мунаита-надо-о орарэта** *надо то иэба, отоко мо нарану* (Кг, I, 88) 'Нет, если [мне] за долги **разобьют грудную клетку**, то [я] не мужчина'.

21. *Нō, коната-ва* **мукоири-о мэсарурэба**, *фумбэцу-мадэ-га агатта* (Кг, I, 12) 'О! [вы] значит очень поумнели, **если** вас приглашают **сделать официальный визит тестю**'.

Оба последние примера используют конструкцию с удержанным объектом при страдательном залоге. Если в первом случае в качестве удержанного объекта выступает часть тела

(*мунаита*) и в этом смысле он ничем не отличается от более старого языка, то во втором случае выступает объект с совершенно отвлеченным значением, таким как *мукоири* (официальный визит зятя к тестю). Удержанный объект с подобного рода содержанием свидетельствует об окончательной грамматикализации указанной формы, о приобретении ею абстрактного грамматического значения. Такое значение эта форма имеет и в современном языке.

Суть развития страдательного залога с удержанным объектом мы усматриваем, таким образом, в постепенном абстрагировании, в превращении лексико-грамматической формы в чисто грамматическую.

Особое внимание необходимо уделить среднему залогу в значении потенциалиса в языке XIV—XV вв.

Мы видели выше, что в старом языке потенциальное значение среднего залога было ограничено отрицательным наклонением. Как в «Кёгэнки», однако, так и в «Сёмоно» в этой функции используется уже и положительная форма. В этом отношении, следовательно, потенциалис этого времени не отличается от потенциалиса в современном языке.

1. *Яй Хатибэ̄, хито-но иноти-га нихякумэ-я самбякумэ-я-дэ*, **каваруру** *моно ка* (Кг, I, 87) ‘Эй, Хатибэй, жизнь человеческую разве **можно купить** за двести или триста монет?’

2. *Корэ-дэ-ва* **юкарэмай** (Кг, I, 89) ‘Так **невозможно будет идти**’.

3. *Ия соно он-кото-дэ годзаримасуру. Коно цуцу-но накани, бинансэки-га годзаримасуру токоро-дэ, о-маэ-но о-цумури-э, цукэнэба* **юварэмасэн** (Кг, I, 3) ‘Дело в том, что в этой вот трубке имеется помада, если не напомадить вашу голову, то **невозможно будет сделать прическу**’.

4. *Сиккай ано бо̄дзу-ва ё-но мэ-га* **нэрарэну** *то миэта. Сорэгаси мо канкин-о итасо̄* (Кг, I, 31) ‘Этому монаху, видно, совершенно **не спится**. [В таком случае] и я буду читать сутру’.

5. *Хару-ва данки нару юэ-ни о̄кутабирэ-га ситэ* **нэраруру** *моно нари* (С. Ю, 227) ‘Весной тепло и поэтому очень устаешь и [хорошо] **спится**’ (‘клонит ко сну’).

В таких памятниках, как «Сёмоно», Юдзава Ко̄китиро̄ отмечает появление новой формы потенциалиса от глаголов первого спряжения. Эта форма, существующая и в современном языке, характеризуется огласовкой на *э* и совпадает, таким образом, с пятой основой глаголов первого спряжения (типа *ёмэ* от *ёму*). В «Сёмоно» эта форма встречается еще

в сравнительно небольшом числе случаев. Она употребляется только с суффиксами отрицательного наклонения, отрицательного вероятного, деепричастия и прошедшего времени. Заключительная и условно-временна́я основы отсутствуют. Интересно также отметить сохранение прямого дополнения в качестве объекта действия при сказуемом, выраженном потенциалисом.

1. *Корэ-о нака-то ва* **ёмэну** *дзо* (С. Ю, 227) 'Это [этот иероглиф] **не читается** ('не может читаться') «нака»'.

2. *Гакумон-сэйдэ ва канъё-ва* **торэмай** *дзо* (С. Ю, 227) 'Без учения **невозможно ухватить** самое важное'.

3. *Аси-но судзи-о киру кото дзя то* **ёмэтэсо̄ро̄** *дзо* (С. Ю, 227) '«Подрезать сухожилия ног» — так **читается** ('так можно прочитать') [это место]'.

Особо необходимо выделить страдательное значение этой формы, чем она существенным образом отличается от ее функции в современном языке (в последнем форма на *эру*, как известно, страдательного значения не имеет). Характерно так же, что объект страдательного залога может выступать как прямое дополнение, характеризуясь винительным падежом. Приводим примеры, заимствуя их из грамматики Юдзава.

1. *Коно дзё-ва тикагоро* **миидасэта** *дзо* (С.Ю, 227) 'Это предисловие **было** недавно **найдено**'.

2. *Хисэраруру ходо-ни* **нан-тару кото-о какэта** *то мо фути дзо* (С. Ю, 227) 'Так как [это] скрывается, то **что́ написано** — не ведаю'.

В заключение необходимо уделить некоторое внимание образованию страдательного залога от глагола *суру*, поскольку в памятниках XV — XVI вв. встречается несколько синонимичных форм. Так, Юдзава указывает на присоединение суффикса *раруру* к первой основе глагола *суру* в форме *сэ* — *сэраруру*. Наряду с этим существовала и такая форма, как *сираруру*, восходящая к сочетанию того же суффикса *раруру* с основой на *си* (ср. в современном языке образование отрицательной формы *синай*). Параллельно с этим встречается и форма, образованная от основы на *са* — *сарупу*.

Такое обилие синонимичных форм весьма характерно для памятников XIV — XVI вв., при отсутствии единой литературной нормы. Ту же картину залоговых отношений представляют и памятники начала XIX века. В качестве иллюстративного материала мы воспользовались романом «Хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку, как наиболее близким к разговорной речи.

1. *Татои коно ми-ва саммаи-ни* **оросарэ**, **кирикидзамарэтэ** *сиокара-ни* **сэраруру** *томо*, . . . *имотого-о нёбо̄-ни* **мотарэру**

моно ка (Хидза, I, 19) ‘Если даже меня **распластают** [как рыбу] на три части, **разрежут на мелкие кусочки** и **засолят**, — разве [я] . . . **могу взять в жены** [вашу] уважаемую сестрицу?’.

В этом примере первые три глагола выражают страдательный залог, тогда как последний глагол имеет значение потенциалиса. Интересно отметить сохранение при нем объекта в винительном падеже.

2. *Китахати-сама-ни* **кудокарэмаситэ**, *цуй аимаситэ*. . . (Хидза, I, 24) ‘**Обхаживаемая** Китахати-саном, [она] в конце концов сошлась [с ним]’.

3. *Китахати-ва, сэккаку симбо̄-сэси ояката-но ути-о* **дасарэтэ**, *мата Ядзиро̄-но ката-ни ӣсо̄ро̄-то нари* (Хидза, I, 29) ‘Китахати, **изгнанный** из дома хозяина, в котором его все же терпели, снова стал нахлебником у Ядзиро̄’.

4. *Ватакусидомо миги-но доробо̄-ни аимаситэ, саппари* **роё̈-о торарэтэ** *симаимасита кара, о̄кини нанги-о итасимасу* (Хидза, I, 95) ‘Мы, повстречавшись с этим вором, совершенно **были лишены** [им] путевых денег, поэтому находимся в большом затруднении’.

5. *Тэ-га накутя̄ о-мамма-га* **куварэнэ** (Хидза, I, 53) ‘Без рук **нельзя есть** пищу’.

В данном примере объект при потенциалисе характеризуется именительным падежом и выступает, следовательно, как грамматическое подлежащее.

6. *Ю-га ваитара ацукутэ* **хаирарэру** *моно ка* (Хидза, I, 62) ‘Если вода закипит, то [она] будет такой горячей, что разве **можно** будет **войти** [в ванну]?’.

7. *Сонна мон-га* **кирарэру** *мон ка* (Хидза, I, 85) ‘Да разве **можно надеть** такую вещь?’.

8. *Сорэдэмо̄, мо̄ хидарукутэ* **арукарэну** (Хидза, I, 93) ‘Но [я] так голоден, что больше **не могу идти**’.

9. *До̄ситэ* **сорэ-га сирэру моно да** (Хидза, I, 60) ‘Как же **это можно знать**?’

В данном примере потенциалис выражен формой на *эру* от глагола первого спряжения *сиру*. Объект характеризуется именительным падежом.

В отличие от языка XV—XVI вв., в это время встречается и определительная основа.

Подведем итоги, выделив те черты, которые наметились в результате нашего краткого обзора истории залоговых форм. Начиная с древних памятников и кончая новым языком, в качестве реального объекта при страдательном залоге в японском языке выступает предмет одушевленный. Предмет неодушевленный выступает или в предложении безличном

или как указание на часть целого. Исторически изменчивым оказывается соотношение части и целого: из категории лексико-грамматической оно постепенно приобретает значение чисто грамматическое.

В области развития среднего залога, выражающего потенциалис (= наклонение возможности), можно отметить два следующие момента: а) расширение функций этой формы за счет вовлечения в круг данного грамматического значения формы положительной наряду с отрицательной; б) вытеснение при объекте винительного падежа именительным падежом. В современном литературном языке нормой, как известно, в этих случаях является использование именительного падежа.

ГЛАВА III

ВРЕМЕНА И ВИДЫ

В японских грамматиках, посвященных истории японского языка, категориям вида и времени уделяется довольно большое внимание, но лишь постольку, поскольку обе названные категории выражаются специальными суффиксами.

В исторической грамматике Ямада Ёсио, посвященной раннему периоду развития японского языка, вопросы вида, времени, наклонений, залогов включены в специальную главу, носящую название «фукугоби» — суффиксы.[1] То же самое мы находим и во второй его грамматике, посвященной языку следующего периода.[2] В монографии того же автора «Нихон бумпōрон» много места уделено категориям времени и наклонения, тогда как вид совершенно исключен из рассмотрения.[3]

Позиция, занимаемая Ямада, характерна в этом отношении и для остальных японских лингвистов. Она приводит к исключительно односторонней трактовке системы времен и видов, с учетом лишь суффиксальных форм. В результате формы аналитические, точно так же как бессуффиксальные, остаются вне поля зрения исследователя. Тем самым исчезает и правильное представление о системе глагола в целом, которое возможно лишь при учете всех трех указанных типов форм.

Формально в истории японского языка прошедшему, давно прошедшему и будущему временам, выражаемым специальными суффиксами, противопоставляется настоящее время, выражаемое в зависимости от своего содержания двумя способами: а) отсутствием особого суффикса (тип: *тори тобу*

---

[1] Ямада. Наратё . . ., стр. 159 и след.
[2] Ямада. Хэйантё . . ., 139 и след.
[3] Ямада. Нихон бумпōрон (особенно стр. 441).

'птица летает') и б) аналитически: сочетанием деепричастия или второй основы основного глагола с глаголом бытия (тип: *тори наки ори, тори накитэ иру* 'птица поет').

Совершенно очевидна, как это явствует из последнего примера, тесная связь времени с видом и практическая невозможность их разорвать — момент, который и предопределяет характер нашего исследования.

В нашу задачу, таким образом, входит описание системы времен и видов на протяжении истории развития японского языка как с точки зрения содержания этой системы, так и грамматического ее выражения.

НАСТОЯЩЕЕ

1. БЕССУФФИКСАЛЬНАЯ ФОРМА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

а) Конкретное настоящее

Бессуффиксальная форма глагола, соответствующая так называемой третьей основе японской школьной грамматики, в старом языке используется нередко в значении конкретного настоящего с указанием на действие (состояние), осуществляемое в момент речи.

1. *Угонаварэру камунуси хафурира мороморо, кикоси-мэсэ то* **нору** (Н, 56) 'Собравшиеся священнослужители и жрецы, все внимайте — так **возглашаю**'.

Глагол *нору* 'возглашать' без суффикса указывает на действие, производимое в самый момент речи.

2. *Ōнуяма кири* **тативатару**. *Ва-га нагэку окисо-но кадзэ-ни кири* **тативатару** (М, V, № 799) 'Над горой Онуяма **тянется** туман. От дуновенья (дословно: 'от ветра') моих вздохов **тянется** туман'.

Действие, совершающееся в момент речи, в данном случае также характеризуется бессуффиксальной формой глагола.

Сравните перевод на современный язык, данный в комментарии: *Ōнуяма ва итимэн-ни кири-га татикомэтэ иру*, где использовано сочетание деепричастия с глаголом бытия.

3. *Вага соно-ни ммэ-но хана* **тиру**. *Хисаката-но амэ-ёри юки-но нагарэ* **куру** *камо* (М, V, № 822) 'В моем саду **осыпаются** цветы сливы. А может быть это снег **струится** с необъятных небес?'.

4. *Кадзусика-но Мама-но урама-о когу фунэ-но фунабито* **савагу**. *Нами* **тацу***раси мо* (М, XIV, № 3349) '**Волнуются** лодочники в лодке, что плывет в бухте Мама в Кадзусика. Видно, **встают** волны'.

5. *Коко-ни Коси-но ямата ороти намо, тосигото-ни китэ куу нару. Има сорэ кинубэки токи нару-га юэ-ни* **наку** (К, 125) ‘Сюда восьмиглавый змей из Коси ежегодно является и пожирает [дочерей]. **Плачем** от того, что сейчас как раз время, когда он должен явиться’.

6. *Отомэ-но насу я итадо-о особураи вага татасэрэба хикодзураи ва-га татасэрэба аояма-ни нуэ-ва наки сануцу-тори кигиси-ва* **тоёму** *нивацу-тори какэ-ва* **наку** (К, 155) ‘Дверь, крепко закрытую девой, я стою и толкаю, я стою и тяну. А на зеленой горе [уже] кричит филин, птица полей — фазан громко **кричит**, птица дворовая — петел **поет**’.

Глаголы *тоёму* и *наку* в бессуффиксальной форме выражают настоящее время. Соответственно, это же значение приобретает и сказуемое сочиненного предложения, характеризуемое второй основой, т. е. *наки*.

7. *Тиба-но Кадзуну-о мирэба момотидару янива мо* **мию**; *куни-но хо мо мию* (К, 450) ‘Когда смотрю на Кадзуну, что в Тиба, **видны** во множестве и жилища, **виден** и цвет страны.’

Мию ‘виднеться’ — производная форма среднего залога от глагола *миру* ‘видеть’.

8. *Окина иваку: Омои-но готоку мо* **нотамау** *кана. Сомосомо икаёнару кокородзаси араму хито-ни ка аваму-то* **обосу** (Т, 4) ‘Старик так говорит: «Вы **говорите** так, как я думаю! С человеком, имеющим какие намерения, вы **собираетесь** сочетаться [браком]?’

9. *Урувасики кава наммэри. Вакитэ макото-но кава нараму то мо* **сирадзу** (Т, 14) ‘Красивой кажется эта шкурка, а вот настоящая ли она — **не знаю**’.

Глагол имеет только отрицательный суффикс *дзу*. Суффикса времени нет.

10. *Ками-га тамэ хару-но но-ни идэтэ вакана* **цуму**. *Вага коромодэ-ни юки-ва фурицуцу* (Кс, 25) ‘Для тебя, выйдя на весеннюю равнину, **собираю** молодые травы, а на рукава моего платья сыплется снег’.

11. *Ана имидзи, ину-о курандо футари-ситэ* **утитамау** (Мс, . . .) ‘О ужас, двое дворцовых служителей **бьют** собаку!’.

Форма *утитамау* восходит к глаголу *уцу* ‘бить’ в сочетании с вспомогательным глаголом *тамау*, обозначающим действия первого или третьего лица.

12. *Кокороу-но кото я. Окинамаро нари. Тадатака Санэфуса нан* **уцу** (Мс,. . .) ‘О как печально! [Это] Окинамаро. [Его] **бьют** Тадатака и Санэфуса’.

Форма глагола, лишенная суффиксального признака времени, выступая в функции конечного сказуемого, может ука-

зывать, как мы видели, на конкретное настоящее, на тот процесс, который протекает в момент речи. Какие условия необходимы для реализации указанного грамматического содержания? Повидимому, основным условием является использование указанной формы в прямой речи, безразлично в прозе или стихах. В речи авторской эта форма обычно получает значение исторического настоящего.

Использование этой формы в значении конкретного настоящего оказывается, тем самым, стилистически определенным: форма эта принадлежит диалогу, а не повествовательно-описательным частям текста. Все это свидетельствует о принадлежности ее живому народному языку. Недаром она так часто встречается в древних народных песнях, отраженных как в мифологии «Кодзики», так и в стихах «Манъёсю». Особенно часто указанное явление встречается в текстах VIII в., захватывая, однако, и памятники IX — начала XI в. Попадаются отдельные случаи в конце X века («Макура-но сōси»). Далее, повидимому, эта форма в значении конкретного настоящего постепенно выходит из употребления, заменяясь аналитической формой, т. е. сочетанием основного глагола с глаголом бытия. В современном языке, во всяком случае, бессуффиксальная форма в значении конкретного настоящего обычно не используется. Нам думается, что мы не ошибемся, если отнесем данное значение формы к наиболее раннему периоду развития японского языка, т. е. к тому периоду, который предшествовал еще записи таких памятников, как «Кодзики» и «Манъёсю». С точки зрения видовой, эта форма, выражая конкретное настоящее, означает вместе с тем конкретную длительность. В этом смысле она совпадает с формой *тэиру* современного языка.

б) Общее настоящее

Конкретным настоящим не исчерпывается значение бессуффиксальной формы. В зависимости от контекста она может иметь значение и так называемого общего настоящего.

Общее настоящее не указывает на действие (или состояние), имеющее место в момент осуществления речи; оно выражает обычность и постоянство, регулярную повторяемость, признак естественно присущий данному предмету. Таким путем выражаются законы природы, точно так же, как действия, обусловленные обычаем. Общее настоящее исключает нечто случайное, неожиданное, выражая закономерное и постоянное. Использование бессуффиксальной формы в дан-

ном значении можно определить как результат длительной, абстрагирующей работы мысли.

Переходим к анализу конкретных примеров, располагая их, как всегда, в хронологическом порядке.

1. *Ури хамэба кодомо* **омоою**. *Кури хамэба маситэ* **сину-баю** (М, V, № 802) 'Дыни ем — [мне] **думается** о [моих] детях. Каштаны ем, еще больше **тоскую**'.

Суть стихотворения заключается в том, что указанное настроение охватывает поэта каждый раз, когда он производит данные действия. Глагол с суффиксом *ба* указывает на условия обычного порядка, определяющие его настроение.

Характерен перевод на современный язык, отчетливо выявляющий значение данной формы: *ури-о табэру то кодомо-но кото-га омоидасарэру. Кури-о табэру то, наосарани омоидасарэру.*[1]

Использование союза *то* в соотношении с формой конечного сказуемого указывает на то общее значение, которое выражает данное условие.

2. *Ага мусумэ-ва мото-ёри ятомэ арики. Коко-ни Коси-но ямата орори намо*, **тосигото-ни** *китэ* **куу нару** (К, 125) 'Дочерей у нас сначала было восемь. [Но] сюда восьмиглавый змей из Коси **ежегодно** является и **пожирает** [их]'.

3. *Коно ё-но хито-ва, отоко-ва онна-ни ау кото-о* **су**, *онна-ва отоко-ни ау кото-о* **су**. *Соно ноти наму кадо мо* **хироку нарихабэру** (Т, 3) 'Люди на этом свете — мужчины **сочетаются** [браком] с женщинами, женщины сочетаются [браком] с мужчинами. Вот после этого и семьи **расширяются**'.

4. *Угуису-но наку нару коэ-ва асанасана* **кику** (Кс, 19) 'Пенье соловья **слышу** каждое утро'.

5. *Нанука... аомма мин тотэ, сатобито-ва курума кёгэни ситатэтэ ми-ни* **юку** 'Седьмого числа те, кто живет в деревне, **приезжают** в разукрашенных колясках, чтобы посмотреть на [парад] белых лошадей'.

Глагол *юку* использован для описания действия, повторяющегося каждое седьмое января.

6. *Мата тэцу-но цуэ-о моттэ аса-ни самбякудан, хиру самбякудан, ю-ни самбякудан, авасэтэ кухякудан хиютони* **утисэму** (Км, II. 331) 'Кроме того, железным посохом утром триста раз, днем триста раз, вечером триста раз, всего девятьсот раз, [его] каждый день **бьют**'.

Указанная форма прослеживается не только в истории японского языка, но существует и до сих пор для выраже-

---

[1] См: Манъёсю сосяку, т. III, стр. 25.

ния обычного или повторяющегося явления. Ср. *тори-га тобу* ‘птица летает’; *сакана-га оёгу* ‘рыба плавает’; *ватаси-ва майаса хаяку окитэ као-о араимасу* ‘я каждое утро, встав рано, моюсь’ и т. п.

В противоположность бессуффиксальной форме, используемой в значении конкретного настоящего только в прямой речи, общее настоящее может быть реализовано и в непрямой речи. Значение его при этом нередко поддерживается соответственными наречиями (см. выше такие наречия, как *тосиготони* ‘ежегодно’ или *асанасана* ‘каждое утро’).

С точки зрения видовой, указанное значение можно было бы определить как длительность отвлеченного порядка.[1] В этом значении эта форма сохранилась до наших дней.

Нам думается, что исторически оба указанные значения бессуффиксальной формы должны были быть в известном смысле разновременны. Выражение конкретной длительности мы относим к наиболее древнему доступному нам периоду языка, тогда как выражение отвлеченной длительности относится к более позднему времени, поскольку язык в своем развитии идет от конкретного к абстрактному и до абстракции дорабатывается лишь весьма длительным путем. Значения эти в истории языка идут в определенной хронологической последовательности — раньше одно, потом другое и, лишь начиная с определенного периода, сосуществуют рядом.

в) Историческое настоящее

Грамматическая форма настоящего, однако, не всегда имеет значение настоящего времени. Так бессуффиксальная форма, указывающая на настоящее время, нередко используется в значении прошедшего времени (так называемое историческое настоящее).

Факт этот, достаточно известный из многих языков, может быть продемонстрирован и на почве японского языка, в особенности на материале старого эпического сказа.

1. *Мукаси, онадзи сумэра-микото идэмаси-но токи, Сисики-но сима-но каримия-ни омасимаситэ ниси-но уми-о* **мисонавасу**. *Ватанака-ни сима ари, кэбури савани ооэри. Микотоноритэ митомо-но Адзуми-но мурадзи Момотари-о цукаваситэ корэ-о* **мисимэтамау** (Фудоки, 640) ‘В древности тот же царь, объезжая страну и находясь во временном дворце

---

[1] Ср.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 1941, т. IV, стр. 64.

на острове Сисики, **смотрит** на западное море. В море оказывается остров,—[его] густо покрыл дым. Издав приказ, государь посылает человека из своей свиты — Адзуми-но мурадзи Момотари **осмотреть** его'.

Бессуффиксальная форма, соотносимая в данном случае со словом *мукаси* 'древность', описывает события прошлого, придавая им тем самым особую живость и наглядность.

2. *Има-ва мукаси, Такэтори-но окина то ю моно арикэри . . . Мэ-но оуна-ни адзукэтэ* **ясинавасу** *. . . Ито осанакэрэба ко-ни ирэтэ* **ясинау** (Т, 1). 'Давным-давно жил-был некто по прозванию старик собиратель бамбука . . . И **дает** [он ее] **на воспитание** своей старухе . . . И так как [она] очень мала, [ее] **воспитывают**, положив в кошелку'.

3. *Цукōмацуру хито-но нака-ни, кокоро тасиканару-о эрабитэ, Оно-но Фусамори то ю хито-о цукэтэ* **цукавасу**. *Мотэитаритэ, кано ура-ни иру ōкэй-ни коганэ-о* **торасу**. *Ōкэй фуми-о хирогэтэ митэ, хэндзи* **каку** (Т, 12). 'Из слуг своих верного сердцем выбирает и вместе с неким Оно-но Фусамори **посылает**. Добравшись [до места они] **дают** золото [некоему] Ōкэй, в той бухте проживающему. Ōкэй, раскрыв и прочитав послание, **пишет** ответ'.

4. *Има-ва мукаси, тюнагон нару хито-но, мусумэ амата мотамаэру овасики. Ōкими, нака-но кими-ни-ва мукодори-ситэ, ниси-но тай, хингаси-но тай-ни, ханабана-то ситэ* **сумасэтатэмацуритамау**. (О, 1) 'Некогда жил-был один советник, дочерей много имевший. Выдав замуж старшую дочь и среднюю дочь, он прекрасно **устраивает** [их] в западном флигеле и в восточном флигеле [своего дома] . . .'.

5. *Има-ва мукаси, Мусаси куни Тама-но кōри-но дайрē то ситэ, Ōтомо-но Акамаро то ю моно арикэри. Тэмпē-Сēхō ганнэн то ю тоси-но дзюнигацу дзюкуничи-ни, татиматини Акамаро* **сису** (Км, II, 347) 'Некогда жил-был [некто] Отомо-но Акамаро, начальник уезда Тама провинции Мусаси. Девятнадцатого числа двенадцатого месяца первого года Тэмпē-Сēхō Акамаро внезапно **умирает**'.

6. *Сикару-ни Тадамори имада Бидзэн-но ками тариси токи, Тоба-но ин-но го-ган, Токутēдзюин-о дзōсин-ситэ, сандзюсангэн-но мидō-о татэ, иссэн-иттай-но ми-хотокэ-о* **суэтатэмацурару** (Х, 2) 'Итак, Тадамори в бытность свою правителем провинции Бидзэн, построив монастырь Токутёдзюин по обету, данному эксимператором Тоба, **воздвигает** [там] храм в тридцать три фута и **помещает** [в нем] тысячу будд'.

7. *Сару ходо-ни, Каō ганнэн ситигацу дзюрокунити, итиин го-сюккэ* **ари**. *Го-сюккэ-но ноти мо, банки-но мацуригото-о*

сиросимэсисарэсикэрэба, ин-ути ваку ката наси (X, 26) ‘В это время в шестнадцатый день седьмого месяца первого года Каō **имеет место** пострижение эксимператора. [Однако] и после пострига [он] продолжает вершить все дела правления, так что где эксимператор, где император различить невозможно’.

8. *Сэндзю Канъон томо юбэки хотокэ мо фукэйки то китэва сиё кото но най моно-дэ «ара итаваси я сэмпон-но о-тэ-о ясуку сонрё̄-нитэ касидасан» то но госэйган то кику ёри дайдзи дайти-ни сумаи-суру цура-но кавая сэмбэ̄ то ю ямасассоку Канъон-сама-но мидō-э* **дэкакэтэ юку**[1] Даже Будда, которого можно назвать Тысячерукой Каннон, как дойдет до застоя в делах, ничего поделать не может. «Ах, как неприятно! Уж, пожалуй, по дешевке сдам напрокат свою тысячу рук». Услыхав этот святой обет, кожевенных дел мастер — спекулянт Сэмбэ̄, проживающий на территории храма, немедленно **отправляется** к храму Канъон-сама’.[2]

Бессуффиксальная форма в значении исторического настоящего, как видим, используется на протяжении всей истории японского языка, поскольку она нашла себе отражение в письменных памятниках. Это значение она может иметь и в современном языке.

9. *Хитори-ва катана-дэ* **кирикакару** *хитори-ва бō-дэ* **укэтомэру**, *хидзюцу-о цукуситэ татакатта*[3] ‘Один **накидывается** с ножом, другой **отражает** удар палкой, и так они бились со всем присущим [им] мастерством’.

Данный пример является особенно показательным, поскольку глагол, замыкающий весь период, характеризуется прошедшим временем.

10. *Иссакунэн-ва мидзу-га* **дэру**, *сакунэн-ва рюкōбё̄-га* **хаяру**, *коно нисаннэн-ва варуй кото бакари* **цудзуку** ‘В позапрошлом году — наводнение, в прошлом году — эпидемия, за эти последние два, три года лишь разные несчастия **тянутся** одно за другим’.

11. *Ми-но дзюку-суру дзибун-ва окинукэни сэдо-о дэтэ отита яцу-о хироттэ китэ гаккō-дэ* **куу** (Нацумэ, 91) ‘В пору созревания плодов [я] сразу же с постели, выйдя через заднюю калитку и собрав опавшие [каштаны], **съедаю** (—съедал) их в школе’.

---

[1] Дзэнкō. Дайхи-но сэнрокухон. Сб. «Кибёсисю», 1926, стр. 57.

[2] *Цура-но кавая* — игра слов: а) *кавая* ‘кожевник’; б) *цура-но кава* ‘репутация’.

[3] Пример этот, так же, как и следующий, взят из грамматики современного языка «Кōгохō», 1916, стр. 43.

Из широкого контекста выясняется реальное значение формы *куу* как глагола, описывающего действие, совершенное в прошлом, так как весь период посвящен воспоминаниям героя об его детстве.

г) Будущее

Бессуффиксальная форма глагола может быть использована и для выражения будущего времени. Явление это, хорошо известное в современном языке, в старом языке, повидимому, встречалось очень редко, так как при просмотре ряда памятников удалось обнаружить лишь два примера.[1] Во всех случаях, как правило, событие, относимое к будущему, выражено путем агглютинации суффиксов *му*, *тэму*, *наму*, *бэси* и т. п. к соответствующей основе глагола.

В своих исторических грамматиках японского языка («Наратё бумпōси», «Хэйантё бумпōси») Ямада, учитывая лишь суффиксальные формы, естественно, не уделил этому вопросу вообще никакого внимания. Однако и в «Нихон бумпōрон» при описании грамматических и стилистических функций формы настоящего времени он не приводит ни одного примера из старого языка на употребление ее в речи о будущем.[2] Соответственные примеры, как правило, мы находим лишь начиная с XV—XVI вв. («Кёгэнки»).

1. *Хат! Мина-мина коннити-ва, мукосама-но* **ойдэ дзя** (Кг, I, 10) ‘Ха! [Слушайте] вы все, — сегодня **прийдет** господин зять’.

Дзя — настоящее время глагола связки.

2. *Саринагара, бмукаси, накамукаси, тōфȳ то ютэ, сандан одзяру га, дорэ-о* **нараяру** *дзо* (Кг, I, 12) ‘Однако имеются три ступени, как-то: глубокая древность, средняя древность и современная манера. Которую [из них вы] **будете изучать?**’.

Нараяру (< *нараи* + *ару*) — средневежливая форма глагола *нарау* ‘учить’.

3. *Ситара, кō* **маиримасуру** (Кг, I, 13) ‘Ну тогда [я] так [и] **пойду**’.

4. *Тоно: Хаё итэ усё. Кадзя: Хатэ,* **икимасуру** *тэйни* (Кг, I, 18) ‘Князь: «Поскорее проваливай!» Слуга: «Ну, ведь [я] же говорю, что **иду**»’.

5. *Нани то ю дзо. Конака-о наситару нака-о, дэру дзо хику дзо то ю кото-ва арумай. Итидзи мо* **окану** (Кг, I, 22) ‘О чем ты говоришь! Такие отношения, при которых есть уже

---

[1] Мы нашли их в «Микотонори», № 30, стр. 813.
[2] Ямада. **Нихон** бумпōрон, стр. 426—427.

ребенок, — не бросают, не разрывают. Ни на один час даже тебя не **оставлю**'.

6. *Нō, тоссама, сō оссяру-ва гатэн-дэ годзару. Сараба* **инимасуру** (Кг, I, 22) 'О **папаша**, если **вы** так говорите, то [я] с вами согласна. Итак, **пойду**'.

7. *Яй, соконамоно, онуси-га токоро-э-ва, мохая ано мусумэ-ва* **ярану** *дзо* (Кг, I, 23) 'Ишь ты какой! К тебе я больше [свою] дочь не **отпущу**'.

В современном языке использование бессуффиксальной формы в значении будущего времени встречается как общераспространенная норма. Это подтверждается наличием соответственных примеров в такой нормативной грамматике современного языка, как «Кōгохō».

1. *Ватакуси-ва хана-но саку коро-ни* **ику** (Кōгохō, 43) 'Я **отправлюсь** в пору цветения цветов'.

2. *Асу-ва сигото-о* **ясуму** (Кōгохō, 43) 'Завтра [я] **не работаю**'; 'завтра [мой] выходной день'.

3. *Райнэн-но нацу-ва* **каэру** (Нацумэ, Боттян, 99) '[Я] **вернусь** летом будущего года'.

4. *Боку-га ий гэсюку-о сюсэн-ситэ яру кара уцуритамаэ. Хока-но моно-дэ-ва* **сёти-синай** *га боку-га ханасэба* **дэкиру** (Нацумэ, Боттян, 99) 'Так как я укажу хороший пансион, то переезжай [туда]. Кто другой [попросит], [они] **не согласятся**, но если я скажу, можно будет'.

5. *Ната мо, дзя корэ-кара мата, Фудзивара-сан-но рэйкай-э* **го-сюсэки-насару** *но?* (Огури, 7) 'И вы **будете** на следующем очередном собрании у Фудзивара-сан?'.

Обращает на себя внимание то, что нередко при этом в предложении налицо какое-либо слово, уточняющее всю ситуацию с точки зрения времени; например: *райнэн* 'будущий год', *асу* 'завтра', *корэ-кара* 'далее', 'впредь' и т. п. Последнее, однако, далеко не обязательно. Достаточно бывает иногда и реальной обстановки и более широкого контекста.

Исходя из всего сказанного выше, мы считаем возможным в качестве одного из значений бессуффиксальной формы глагола выделить значение будущего времени.

Из этого вытекают два следствия: а) необходимость рассмотрения этой формы в соотношении со всеми остальными формами выражения будущего времени; б) необходимость определения хронологических границ существования указанного грамматического явления.

Исследование старого языка, начиная с текстов VIII в., приводит нас к заключению о сравнительной молодости описываемого значения бессуффиксальной формы. Возникновение

ее можно датировать весьма ориентировочно XIV—XVI вв. Бессуффиксальная форма в этом значении отличается от той же бессуффиксальной формы в значении исторического настоящего. Использование бессуффиксальной формы в значении исторического настоящего есть стилистический прием, встречающийся как в старояпонском, так и в современном японском языке. Наличие этого значения определяется повествовательным жанром. В этом смысле эта форма сосуществует в качестве синонима простого прошедшего времени, как бы оно ни выражалось на протяжении истории развития японского языка.

Отличие значения настоящего исторического от простого прошедшего — стилистическое, а не грамматическое, поэтому, в сущности, оно обычно и не рассматривается в грамматиках. Мы сочли необходимым включить его в круг нашего описания, поскольку оно весьма часто встречается в старояпонском рядом с другими значениями той же бессуффиксальной формы.

В отличие от исторического настоящего, бессуффиксальная форма в значении будущего времени, как мы это увидим ниже, отличается от суффиксальных форм выражения будущего времени. Значение ее, следовательно, чисто грамматическое и входит в систему выражения времени.

За вычетом исторического настоящего остаются, таким образом, три грамматические функции бессуффиксальной формы: а) общее настоящее; б) настоящее конкретное (или — собственно настоящее); в) будущее.

Общее настоящее свойственно как старояпонскому, так и современному языку. Будущее, выраженное бессуффиксальной формой, развивается сравнительно поздно.

Бессуффиксальная форма в значении конкретного настоящего была, повидимому, характерна для наиболее древнего периода развития японского языка.

Указанными грамматическими функциями и исчерпывается круг значений бессуффиксальной формы глагола.[1]

2. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЯ

Конкретное настоящее (в отличие от общего настоящего) указывает на наличие действия (или состояния) в момент высказывания. Как в современном, так и в старом японском языке для выражения этого значения использовалась составная (иначе — аналитическая) форма. В видовом отношении

---

[1] Необходимо иметь в виду, что бессуффиксальной мы называем ее лишь с точки зрения отсутствия временных и видовых суффиксов, как это явствует из разобранных нами выше примеров.

эта форма выражает конкретную длительность, не совпадая, однако, с совершенным или несовершенным видом. В этом отношении форма эта нейтральна. В зависимости от семантики основного глагола она может указывать: а) на длительность самого процесса (*ёндэ иру* ‘читает’, ‘читаю’) и б) на длительность состояния (*синдэ иру* ‘умер’, ‘мертв’). Первое значение нередко называют прогрессивным, указывая тем самым на развивающееся действие, второе, — результативным.

В переводе на русский язык прогрессивное значение совпадает с несовершенным видом (читаю, пишу), тогда как результативность совпадает с перфектом состояния (мертв, изготовлен) или с прошедшим совершенным (пришел, встал, поднялся, проснулся). Отсюда вытекает отсутствие как в старом, так и в новом японском языке парных форм от одного и того же глагола: формы прогрессивной и формы результативной (ср. в русском: *читал — прочитал; буду читать — прочту*). Каждое из указанных значений реализуется только от определенного глагола. Прогрессивное или результативное значение зависят от значения основного глагола, используемого в данной аналититической форме. Следовательно, сама форма как таковая является нейтральной в отношении указанных видовых значений.

а) Настоящее длительное процесса

Настоящее длительное процесса выражается составной формой — деепричастие или вторая основа знаменательного глагола + служебный глагол *иру*, *ору* или *ару* ‘быть’.

На протяжении истории японского языка в качестве глаголов бытия выступают разные слова.

В старояпонском значение глагола бытия имел глагол *масу* (спрягался по первому спряжению); в дальнейшем *масу*, морфологизируясь, постепенно теряет это значение.

1. *Амацу хицуги-но вадза то, има сумэра вага ми-ё-ни* **атаритэ масэба**... (Мн, № 4, 760) ‘Так как [это дело], как дело небесного потомка, **приходится** в настоящее время на мой век...’ (т. е. падает на время моего правления).

Атаритэ масу состоит из деепричастия глагола *атару* и глагола бытия *масу*. Сочетание деепричастия с глаголом бытия указывает на то, что процесс протекает в данный момент, предел его не указан. В соответствии с этим данную форму можно определить как настоящее прогрессивное.

Наряду с *масу* употреблялся также *ари*. Это единственный служебный глагол, перед которым знаменательный глагол мог иметь деепричастие на *цуцу*. В отличие от современного

языка, сочетание «деепричастие + *ари*» употреблялось в предложениях с одушевленным подлежащим и могло иметь значение длительного настоящего процесса (прогрессивность). (Подробнее этот вопрос освещается нами ниже).

2. *Мата амэ-но сита-но мацуригото-ни окитэ хитори сирубэки моно нарадзу, канарадзу мо сириэ-но мацуригото арубэси. Ко-ва кототацу-ни арадзу амэ-ни хи-цуки аругото цути-ни яма-кава аругото*, **нарабимаситэ арубэси.** (Мн, №7, 770) ‘Кроме того, в делах правления не должно участвовать одному, непременно управлять должна и государыня также. Это есть нечто совершенно обычное; как на небе существуют солнце и луна, как на земле существуют горы и реки, так [оба вместе] **рядом должны быть**’.

3. *А-ва таэдзи то инабимōситэ* **укэмасадзу ару** *айда-ни...* (Мн, № 3, 757) ‘В то время как я отказывался, говоря, что вряд ли смогу выдержать, и **не принимал** [престола]...’.

Данный пример подтверждает вышеуказанное наблюдение об использовании глагола *ари* при одушевленном подлежащем.

4. *Варэ-ва куганэ сукунакэму то омооси* **урээцуцу ару**-*ни...* (Мн, № 13, 781) ‘В то время как я **печалюсь**, думая о том, что, вероятно, золота мало...’.

5. *Коно ко, фунэ-но хō-о мирэба, камэ ицуцу фунэ-ёри куби-о* **сасидаситэ ари** (Км, I, 506) ‘Смотрит этот ребенок на лодку [и видит] — пять черепах **высовываются** из лодки’ (дословно: ‘высовывают головы из лодки’).

В языке VIII—IX вв. широко употреблялся глагол *хабэри*.

6. *Каку* **цукаэмацури хабэру**-*ни...* (Мн, № 3, 787) ‘И в то время как [он] так **служит...**’.

7. *Каку асамасику мотэкуру кото-о наму*, **нэтаку омои хабэру** (Т, 8) ‘**Досадую** на то, что [он] так неожиданно привез [это]’.

Форма *хабэру* вызвана частицей *наму*.

8. *Коно мэ-но варава-ва таэтэ миядзукаэ цукаумацурубэку мо арадзу хабэру-о*, **мотэвадзураи хабэри** (Т, 24) ‘[Я] **печалюсь** о том, что эта девушка совершенно не пригодна для службы при дворе.

С XII—XIII вв. *хабэри* вытесняется глаголом *сōрō* (восходит к *самуроу* < *сабурау*||*самурау* ‘быть на военной службе’, ‘служить’). *Сōрō* обнаруживается еще в «Гэндзи-моногатари», но там *хабэри* весьма отчетливо преобладает над *сōрō*, хотя последний уже встречается как в авторской речи, так и в диалоге.[1]

---

[1] Ёсидзава Ёсинори. Кокугоси гайсэцу, стр. 137.

Ёсидзава Ёсинори, у которого мы заимствуем эти данные, указывает на то, что во всем «Гэндзи» им было найдено всего лишь пять-шесть примеров использования *сōрō*. Если принять во внимание весьма обширные размеры указанного произведения, процент использования *сōрō* оказывается совершенно ничтожным. Интересно также указание Ёсидзава на то, что в «Гэндзи» *сōрō* используется как мужчинами, так и женщинами, за исключением, однако, представительниц аристократии. В таких же произведениях, как «Такэтори-моногатари», «Уцубо-моногатари», «Отикубо-моногатари» и «Макура-но сōси», *сōрō* характерно преимущественно для мужской речи.[1] Явление это вполне естественно и понятно, принимая во внимание лексическое значение данного глагола и лишь постепенно и медленно совершающийся процесс абстрагирования, ведущий к превращению его в глагол бытия.

В таком памятнике, как «Кондзяку-моногатари» (XI в. ориентировочно), *сōрō* уже составляет пятьдесят процентов по отношению к *хабэри*. А в письмах императора Го-Сиракава (конец XII века) *хабэри* вообще больше не встречается и используется только *сōрō*.[2] В «Хэйкэ-моногатари» (XIII в.) *хабэри* полностью вытеснено *сōрō*. В XIII в., таким образом, *хабэри* уже архаизм, неиспользуемый более в народном языке.

9. *Тадаима хасэмаиру бусидомо, касадзируси-но* **каватэ сōрō.** *Кӗ хадзимэ-то мияко-э иру Тōгоку-но сэй то обоэсōрō.* (X, 336) ‘У воинов, направляющихся сейчас сюда, **другие** опознавательные знаки. Я думаю, что это силы Востока (восточных провинций), впервые сегодня вступающие в столицу’.

Особого объяснения требует форма *каватэ*, в отношении которой мы следуем транскрипции, данной в издании Ямада. Форма деепричастия без геминирующего *т* свидетельствует о наличии в это время уже флективной формы деепричастия (т. е. *каватэ*), без соответственной, однако, графической передачи геминант.

10. *Корэ нару ядори-о мирэба, икасама ӗаригэни* **миэтэ сōрō** (Кг, II, 66) ‘Как посмотришь на этот дом, **выглядит** [он] каким-то особенным’.

В XIII в. встречаем в качестве глагола бытия также *ватару*.

11. *Икани ко-ва* **утитокэтэ ватарасэтамаисōрō дзо** (X, 336) ‘Как это [он] **изволит** так **спокойно пребывать?**

---

[1] Ёсидзава. Ёсинори. Кокугоси гайсэцу, стр. 137.
[2] Там же, стр. 138.

При образовании аналитической формы настоящего времени для языка XIV-XVI вв. характерно использование целого ряда глаголов бытия с различной стилистической окраской (вежливость, уничижительность), в частности глагола *годзару*.

12. *Макотони, тадаима-мадэ-ва, сорэгаси хитори-дэ, котоно хока* **курō-итаситэ годзару** *га, синдза-но моно-га маитта-раба, раку-о итасу-дэ годзарō* (Кг, II, 8) ‘Действительно, до сих пор я, будучи один, все **мучаюсь**. А вот если бы появились новые слуги, мне стало бы легче’.

13. *Корэ-ни кайси-га годзатта ходо-ни, сорэ-ни соэхокку-о* **итаситэ годзару** (Кг, II, 20) ‘Так как здесь оказалась стихотворная запись, то мы **сочиняем** [как раз] дополнительную строфу к ней’.

14. *Сорэгаси отōто-о литори* **моттэ годзару** *га* . . . (Кг, II, 24) ‘Я **имею** младшего брата и . . .’

15. *Сорэгаси, коногоро уси-о* **мотомэтэ годзару** *га, мидомова уси-но ёсиаси-о дзондзэну* (Кг, II, 44) ‘В последнее время я **занят покупкой** (‘**поисками**’) коровы, хотя я не разбираюсь в достоинствах коров’.

16. *Мидомо-мо саёни* **дзондзитэ годзару** (Кг, II, 50) ‘Я тоже так **полагаю**’.

Если *масу, хабэри, сōрō, годзару* представляют собой в основном разные периоды языка[1], то *ору* и *иру* отмечаются на протяжении почти всей истории японского языка, начиная уже с памятников VIII в.

17. *Корэ-о мо аварэ то* **митэ иру**-*ни* . . . (Т, 7) ‘Когда и на это [она] **смотрела** с **грустью**’. . .

18. *Коно таби-ва канарадзу аваму то, оуна-но кокоро-ни мо* **омои ори** (Т, 14) ‘На этот раз непременно выйдет замуж — так в тайне **думает** и старуха’.

19. *Коно мамору хитобито мо юмия-о* **тайситэ ори** (Т, 30) ‘и стража также **имеет при себе** луки и стрелы’.

20. *Ицумо-то-ва тигаи,* **русу-о ситэ иру** *дэ годзарō.* (Кг, II, 42) ‘Вероятно, [они-таки] **стерегут** [сегодня] дом по-настоящему’ (‘не так, как обычно’).

21. *Тарōкадзя, Дзирōкадзя, дотиэ усэта. Корэ-ва сатэ,* **фусэттэ ору** *ка* (Кг, II, 42) ‘Тарōкадзя, Дзирōкадзя, куда это вы пропали? Вот тебе на: **лежат?**’.

22. *Я онорэ, мада* **фусэттэ ору** *ка. Никуи яцу но.* **Оки орану** *ка* **оки орану** *ка* (Кг, II, 43) ‘Э, вы все еще **лежите?** Вот негодяи! **Не встаете? Не встаете?**’

---

[1] История *ари* требует специального исследования.

23. *Сорэгаси эбосигами-но юиё-о* **дзондзитэ оримасуру** (Кг, I, 2) ‘Я **умею делать** прическу, подходящую для парадной **шляпы**’.

24. *Тарōкадзя, яй-яй онорэ-ва, кики мо садамэйдэ* **ики ору** (Кг, I, 13) ‘Эй, Тарōкадзя! ты **уходишь** даже не дослушав до конца’ (*садамэидэ* — отрицательное деепричастие в языке XIV—XV вв.).

25. *Хатэсатэ, ирадзару нэн-о* **цукаи ору** *кото кана.* (Кг, I, 17) ‘Ну, [ты] **обращаешь** излишнее внимание!’.

26. *На-на-нанда, асуко-ни иру яцумэ-га орэ-о митэ* **вараи ору** (Укиёбуро, 64)[1] ‘Что, что, что это такое? Тип, который там находится, **смеется** , смотря на меня’.

27. *Никайбан: «Хай!» то, као-о* **сикамэтэ иру** (Укиёбуро, 67) ‘Сторож на втором этаже [бани]: «Слушаюсь!» **Морщит** лицо’.

28. *Ёппари: Фм, ано тīсана тодана-ни, хито-га* **хайтэ иру** *ка* (Укиёбуро, 68) ‘Пьяный: «Гм, в этом маленьком шкафчике кто-нибудь **есть**»?’.

29. *Тоссан-га сигото-о сикакэтэ, имаккара тана-э икинасару-ттэ, оноси-га*[2] *каэру но-о* **маттэ инасару** *ва на* (Укиёбуро, 79) ‘Отец говорит, что, мол, сейчас пойдет в лавку **работать** и **ждет** тебя’.

То же и в современном литературном языке, с той лишь разницей, что *ору* и *иру* присоединяются только к деепричастию. Эта форма указывает на действие (или состояние), которое осуществляется в момент речи, безотносительно при этом к началу этого действия (или состояния), которое могло относиться и к прошлому. Вот несколько типичных примеров, приведенных Киэда Масуити в его грамматике, посвященной современному языку.[3]

30. *Има саканни юки-га* **футтэ иру** ‘Сейчас сильно **идет** снег’.

31. *Сакиходо-кара хидой кадзэ-га* **фуитэ ору** ‘С недавнего времени **дует** сильный ветер’.

32. *Ватаси-ва гонэн ирай Нара-ни* **сундэ иру** ‘Уже пять лет, как я **живу** в Нара’.

33. *Нандэмо усугурай дзимэдзимэсита токоро-дэ нī-нī найтэ ита кото-дакэ-ва* **киоку-ситэ иру** (Нацумэ, 3) ‘[Я]

---

[1] Сикитэй Самба. Укиёбуро. Цит. по изд. Юхōдō. 1922.

[2] *Оноси* — фамильярное местоимение второго лица, происходит из синонимичного *онуси*. Последнее восходит к вежливому префиксу *о* и существительному *нуси* ‘хозяин’. *Оноси* часто использовалось в эдоском просторечии.

[3] Киэда Масуити. Кōто кōгохō кōги. 1931, стр. 334.

помню лишь то, что [я] мяукала в каком-то полутемном сыром месте'.

34. *Рэй-но курумая-но камисан-га татинагара, гохантаки-то сяфу-о айтэ-ни сикирини нани-ка* **бэндзитэ иру** (Нацумэ, 53) 'Все та же жена извозчика, стоя, горячо о чем-то **рассуждает** с кухаркой и извозчиком'.

35. *Ояюдзури-но мутэппō-дэ кодомо-но токи-кара* **сон-бакари-ситэ иру** (Нацумэ, 91) 'С самых детских лет я все время **страдаю** от своей прирожденной горячности' ('необдуманности').

Эту форму Киэда называет «прогрессивной», «развивающейся», указывая тем самым скорее на ее видовое, чем на временно̀е значение (при этом, как мы увидим ниже, он учитывает и иное значение этой формы, зависящее от семантики основного глагола).

В современном просторечии аналитическая форма переходит в синтетическую.

36. *Боку-ва сорэ-о* **ситтэру** *кара, вадзато ā иттэ ятта-н дэс* (Огури, 16) 'Я это **знаю** и поэтому нарочно так сказал'.

Ситтэру — из *ситтэ иру*. При слиянии деепричастия с *иру* выпадает *и* в составе *иру* (*ёндэ* + *иру* > *ёндэру*), при слиянии деепричастия с *ору* выпадает *э* в составе деепричастия (*ёндэ* + *ору* > *ёндору*).

37. *Кодомо-га Суйдōбаси-мадэ дэкакэтэ китэ,* **маттэмас** *кара* (Огури, 8) 'Ведь дети **ждут** в Суйдōбаси'.

Маттэмас — из *маттэ имас*.

Итак, начиная со староя̀понского и кончая современным языком, конкретное настоящее выражается аналитической формой, состоящей из основного глагола в сочетании с глаголом бытия. При этом основной глагол может выступать: а) в форме деепричастия (суффиксы *тэ*, *цуцу* для старого языка; *тэ*, *дэ* — для нового языка); б) в виде соединительной (иначе — второй) основы. Последнее нередко встречается в староя̀понском (в наших примерах перед служебными глаголами *хабэру*, *ору*) и в ряде современных территориальных диалектов, но не в современном литературном языке.

В современном просторечии, наконец, возможна и флективная форма, возникшая на почве слияния деепричастия с глаголом бытия.

Исходя из всего сказанного выше, мы видим, что аналитическая форма конкретного настоящего насчитывает уже много веков, на протяжении которых она постепенно вовлекала в свою орбиту ряд глаголов, приобретавших таким путем более широкое абстрактное грамматическое значение.

б) Настоящее длительное состояния

Описанная выше аналитическая форма является, однако, не однозначной, что зависит не столько от грамматического оформления, сколько от использованной лексики. Можно отметить ряд глаголов, которые в сочетании с глаголом бытия выражают результативность. В качестве глаголов бытия, как показывают следующие ниже примеры, в этом случае выступают почти все перечисленные нами выше: *хабэри*, *ари*, *сōрō*, *ори*, *годзару*.

Глагол *ари:*

1. *Сатэ арэ́-ва ками-о соритэ хотокэ-но микаса-о* **китэ арэдомо** (Мн, № 28, 810) ‘И хоть я и принял постриг и **облекся** (облечен) в монашескую одежду, но . . .’.

Киру (деепричастная форма *китэ*) в сочетании с глаголом *ари* указывает на действие уже совершенное и данное лишь в своем результате.

2. *Котоси-но минадзуки-но токамари муюка-но хи-но сару-но токи-ни, тацуми-но суми-ни атаритэ ито кусусики котони урувасики кумо нанаиро аммадзиритэ* **татиноборитэ ари** (Мн, № 42, 832) ‘В этом году шестнадцатого числа шестого месяца в час обезьяны на юго-востоке **поднялось** преудивительное и весьма прекрасное облако семи цветов’.

3. *Има-но микотонори-о укэмотии ё, саки-ни ицуваритэ микотонори то* **иитэ ару** *кото-о укэмотиру кото эдзарэ* (Мн, № 28, 809) ‘Действуйте согласно теперешнему приказу. То, что **было** ранее облыжно **названо** приказом, использовать не следует’.

4. *Кэндзёган-но о-оми-ни-ва, аэтэ цукаэмацурубэки хито наки токи-ва мунасику* **окитэ ару** *цукаса-ни ари* (Мн, № 26, 806) ‘Что касается до поста премьер-министра, то пост это такой, что в случае отсутствия надлежащего лица его **оставляют** незамещенным’.

5. *Татиматини сӯдзюнин-о миру. Мина аоки кину-о* **китэ ари** (Км, I, 530) ‘Вдруг видит несколько десятков человек. Все **одеты** в синие платья’.

6. *Сорэгаси-га эбоси-га* **хагэтэ атта** *га, нан-то сита моно-дэ арō дзо* (Кг, I, 2) ‘Моя шляпа **облезла** (‘с нее сошел лак’) Как быть?’

7. *Корэ-ни то-га* **татэтэ ару** (Кг, II, 19) ‘Здесь дверь **закрыта**’.

8. *Корэ́-ва хи-га* **тобо́ситэ ару** (Кг, II, 19,) ‘Огонь **зажжен**’.

9. *Мигото́сōна дōгу-га* **нарабэтэ ару** (Кг, II, 19) ‘**Расставлена** красива́я утварь’.

10. *Я̄, корэ-ни кайси-га* **какэтэ ару** (Кг, II, 19) ‘О, здесь **повешена** бумажка со стихами.

Глагол *хабэри*:

11. *Нидзю̄нин-но хито-но* **но̄боритэ хабэрэба,** *арэтэ ёри-мо̄дэкодзу наму* (Т, 20) ‘**Так как** [туда] **поднялось** двадцать человек, то [ласточки] встрепенулись и не приближаются’.

Глагол *со̄ро̄*:

12. *Сиросимэсану умикава-но нивакани* **дэкитэ мо со̄раваба косо** (Х, 333) ‘**Если б** еще вдруг [здесь] **оказалась** [какая-нибудь] неизвестная река [то еще другое дело]’.

13. *Тикара оёбадэ* **цукимаирасэтэ со̄ро̄** (Х, 335) ‘*С трудом* **пристал** *к берегу*’.

Глагол *маирасуру* выступает как вспомогательный со стилистической функцией вежливости. В этом значении он используется в отношении не первого лица. В указанной функции он встречается уже в «Макура-но со̄си».

14. *То̄гоку-ёри . . . Ёритомо-га сятэй Куро Ёсицунэ косо* **маитэ со̄раэ** (Х, 337) ‘Из восточных провинций [сюда] **прибыл** младший брат Ёритомо Куро Ёсицунэ’.

Маитэ со̄ро̄ является синонимом современного *китэ иру* ‘прибыл’, ‘явился’.

15. *Мадзу коро го-сё сюго-но тамэ-ни* **хасэсандзитэ со̄ро̄** (Х, 337) ‘[Я] прежде всего **прискакал** для того, чтобы охранять этот дворец’.

16. *Он-ми-ва* **цукарэсасэтамаитэ со̄ро̄** (Х, 341) ‘Вы **изволили утомиться**’.

Глагол *годзару:*

17. ***Ия**, соно он-кото-дэ годзаримасуру. Амата мукоири-ни-ва дзиги-га ару то* **укэтамаваттэ годзару**[1] (Кг, I, 11) ‘Нет, вот так обстоят дела. **Я слыхал**, что существует много церемоний для представления зятя тестю’.

18. *Тоно: «Кадзя модотта ка». Кадзя: «Ха̄,* **каэримаситэ годзару** (Кг, I, 19) ‘Князь: «Кадзя вернулся?» Слуга: «Да, [я] **вернулся**» (‘я здесь’).

19. *Онадзими-но кадо-ни саэ, сае̄-дэ годзару ходо-ни, мидомо мо* **какуго-итаситэ годзару** (Кг, I, 19) ‘Если уж так со мной поступают в знакомом доме, то я **решил** [как мне поступить]’ (дословно: ‘я принял решение’).

---

[1] *Годзару* в кёгэнах может быть использован также в значении ‘идти’, ‘приходить’, следовательно, как глагол движения, синонимичный *ику* и *куру*. Поэтому не все случаи *годзару* после деепричастия могут выражать конкретное настоящее, в некоторых случаях *годзару* может иметь значение самостоятельного глагола. Так например: *Коната-ва нан-то ситэ* **годзатта** *дзо* (Кг, I, 23,) ‘Вы зачем **явились?**’.

20. *Коната-ни хитоцу нараō то омōтэ* **маиттэ годзару** (Кг I, 11) ‘[Я] **пришел**, чтобы кое-чему научиться у вас’.

21. *Хат, ярэ сатэ, мамма-то* **наротэ годзару** (Кг, I, 13) ‘Ха, ну и ловко же [я] **выучил**!’.

Глагол *ори*

22. *Куротори то ю тори, ивао-но уэ-ни* **ацумари ори** (Тн, 12) ‘Птицы по прозванию куротори (‘черные птицы’) **собрались** на скале’.

Результативное значение в современном языке:

23. *Массирона кинутаби-га уссурито* **ёгорэтэ иру** (Огури, 5) ‘Кончики [ее] белоснежных шелковых таби были слегка **запачканы**’.

24. *Сорэтомо нэцу-дэ исики-но* **кондаку-ситэ иру** *сэй ка* (Огури, 15) ‘Или, может быть, оттого, что сознание [его] **было затуманено** от жара...’.

25. *Акари-но* **саситэ иру** *ути-ва мэттани накатта* (Огури, 17) ‘Не было домов, в которых **был** бы **зажжен** свет’.

26. *Отто-га мукаи-ни* **китэ иру** *но-о миру то...* (Огури, 18) ‘Когда [она] увидела, что муж **пришел** [ее] встречать...’.

27. *Дзидōся-ва суккари дзюмби-га дэкитэ, ицудэмо сутāто-о какэру-бакари-ни* **наттэ иру** (Огури, 23) ‘Машины были уже совершенно подготовлены и **были готовы** к тому, чтобы стартовать в любой момент’.

в) Выводы

Подведем итоги. Для выражения конкретного настоящего времени в старом японском языке использовалась аналитическая форма, состоящая из деепричастия глагола (или второй основы) и глагола бытия, что характерно и для современного японского языка. Основное значение этой формы — временно́е. Это временна́я категория.

Эта же форма имеет значение длительного вида, отнюдь не совпадающего с несовершенным видом русского языка.

Эта категория в зависи́мости от лексического значения глагола могла иметь два разных видовых оттенка: а) прогрессивный и б) результативный. Эти оба оттенка можно объединить одним термином — длительный вид.

Каковы же те лексические разряды глаголов, которые дают возможность реализовать одно из двух указанных выше видовых значений?

Глаголы, указывающие на процесс качественно недифференцированный, в длительной форме получают значение прогрессивности. К таким глаголам принадлежат глаголы со значением: читать, писать, считать, петь, смотреть, слышать, плакать, печалиться, радоваться, говорить, браниться, думать, ходить, бежать, двигаться и т. п. К этому разряду, таким образом, принадлежат глаголы действия, восприятия, говорения, движения.

Те глаголы, которые выражают переход в новое состояние, в длительной форме получают значение результативности. К таким принадлежат глаголы со значением: умирать, приходить, пробуждаться, рождаться, становиться и т. п. Это, следовательно, глаголы процессуального значения, становления и некоторые из глаголов движения. Этими тремя категориями, повидимому, исчерпываются те разряды глаголов, которые в деепричастной форме или во второй основе + глагол бытия выражают результативность.

В заключение необходимо указать на особенность употребления служебного глагол *ари* в старояпонском языке (язык текстов, записанных в VIII в.).

Глагол *ари* использовался как в отношении предметов неодушевленных, так и одушевленных, при глаголах как переходных, так и непереходных. В современном национальном языке деепричастие в сочетании с глаголом *ару* при подлежащем одушевленном почти не встречается и никогда не выражает прогрессивности. Эта форма используется лишь в отношении подлежащего неодушевленого со значением результативности, при этом указание на реальный субъект действия невозможно. Это перфект состояния. Такое значение это сочетание имеет уже в XV в., в кёгэнах.

В современном языке: *кодомо-га* **кайтэ иру** ‘ребенок **пишет**’; *тэгами-га* **кайтэ ару** ‘письмо **написано**’. В первом примере подлежащее одушевленное и в сказуемом использован глагол *иру*. Сказуемое выражает конкретное настоящее. Во втором примере подлежащее неодушевленное и в сказуемом использован глагол *ару*. Сказуемое выражает перфект состояния. То же самое уже в кёгэнах: *корэ-ни то-га* **татэтэ ару** (Кг, II, 19) ‘здесь дверь **закрыта**’.

В старом языке было бы: *варава* **какитэ ари** ‘ребенок **пишет**’; *фуми* **какитэ ари** ‘послание **написано**’. Как в первом, так и во втором примере в значении глагола бытия в сказуемом использован *ари*. При этом, однако, при подлежащем одушевленном сказуемое выражает конкретное настоящее, тогда как при подлежащем неодушевленном оно же выражает

перфект состояния; но если одна и та же форма может объединять два противоположных значения, то совершенно очевидно, что она не означает ни того, ни другого. Такого рода форму можно определить как слабую, в противоположность сильной форме, обладающей одним грамматическим значением.

Интересно здесь отметить точку зрения такого знатока современного японского литературного языка как Киэда Масуити, который объединяет все три аналитические формы под одной рубрикой:

1) *нива-ни-ва итимэн хана-га* **сайтэ иру** ‘в саду повсюду расцвели (и теперь **цветут**) цветы’;

2) *харэта сора-ни тайё̄-га* **дэтэ ору** ‘на очистившемся небе **показалось** солнце’;

3) *цукуэ-но уэ-ни хон-га* **ойтэ ару**[1] ‘на стол **положена** книга’.

Все эти три формы Киэда объединяет одним названием, *гэндзай сондзайтай* — термин, который на русский язык можно было бы перевести как ‘настоящее состояния’ (Киэда противопоставляет его прошедшему длительному и будущему длительному). В зависимости от контекста, однако, Киэда ту же грамматическую форму выделяет в рубрику *синкō тай*, определяя ее как *сэндзай синкō тай* (дословно: ‘настоящее прогрессивное’, или ‘настоящее развивающееся’). В этой рубрике он приводит следующие примеры:

1) *има саканни юки-га* **футтэ иру** ‘сейчас усиленно **идет** снег’;

2) *сакиходо-кара хидой кадзэ-га* **фуйтэ ору** ‘с недавнего времени **дует** сильный ветер’;

3) *ватаси-ва гонэн-ирай Нара-ни* **сундэ иру** ‘уже пять лет, как я **живу** в Нара’.[2]

Результат анализа данных примеров показывает, что длительное процессуальное значение реализуется лишь с глаголами *иру* и *ору*. Результативное же — как с глаголами *иру*, *ору*, так и *ару*, с той разницей, однако, что в последнем случае используется только переходный глагол при неодушевленном подлежащем.

II. ПРОШЕДШЕЕ

а) Собственно прошедшее

В старояпонском языке простое прошедшее выражалось суффиксом *ки* после второй основы глагола. Спряжение этого суффикса супплетивное, явно свидетельствующее о неоднород-

---

[1] Киэда Масуити. Кōтō кōгохō кōги, стр. 334.

[2] Там же

ности его происхождения.[1] Первая основа имела два варианта: *кэ* и *сэ*. Вторая основа не сохранилась даже в древних памятниках. Третья основа (заключительная) — *ки*. Четвертая (определительная) — *си*. И наконец, пятая основа (условно-временная) — *сика*; эту основу многие японские авторы, и, вероятно, вполне справедливо, рассматривают как составную из суффиксов *си* и *ка*.

Эта парадигма выявилась в результате анализа, проведенного Ямада над языком древних текстов. Еще в грамматике Ōцуки Фумихико для данного суффикса указаны всего лишь три основы: *ки*, *си*, *сика*.[2] Основу *кэ* Ямада выделяет путем сравнения форм *кэму*, *кэмаси* и *кэба*.[3] Наличие таких суффиксов, как *му*, *маси*, *ба*, позволяет ему выделить *кэ* в составе *кэму*, *кэмаси*, *кэба*. Анализ содержания этих форм дает ему возможность определить *кэ* как признак прошедшего времени: *кэ-му* — прошедшее вероятное, *кэ-ба* — прошедшее условное, *кэ-маси* — прошедшее вероятное (где *му* и *маси* означают вероятность, *ба* — условность).

Аналогичным путем Ямада выясняет значение *сэ*, выявляя его в форме прошедшего условного *сэба*.[4]

Приведем на первую основу *кэ*||*сэ* примеры из старого языка.

1. *Юку фунэ-о фуритодомиканэ икабакари кооисику* **арикэму** *Мацура Саёхимэ* (М, V, № 875) ‘Как, **вероятно**, **тосковала** [дева] Саёхимэ из Мацура, [будучи] не в состоянии мановением руки задержать плывущую лодку’.

2. *Иканару токоро-ни ка коно ки-ва* **сабураикэму** (Т, 8) ‘В каком же месте **было** это дерево?’

3. *Укэтамаварубэки моно* **нарисэба** *одзи цукаэмацуритэмаси* (Мн, № 26, 805) ‘**Если б** нужно **было** воспринять [эту должность], то это должен был бы сделать старец [Фудзивара Фухито]’.

4. *Окицу кадзэ итаку* **фукисэба** *вагимоко-га нагэки-но кирини акамаси моно о* (М, XV, № 3616). ‘**Если б дул** сильно морской ветер, я насладился бы туманом вздохов моей милой’ (так как ветер принес бы ее вздохи в виде тумана. — *Е. К.*).

5. *Омоицуцу нурэба я хито-но миэцураму. Юмэ то* **сирисэба** *самэдзарамаси о* (Кс, 535) ‘В тоске [я] легла спать. Не оттого ли любимый показался мне [во сне]. Ах, **если бы знала** [я], что это сон, то не проснулась бы’.

---

[1] О супплетивности этого суффикса см.: Ямада. Наратё..., стр. 213—214.

[2] Ōцуки Фумихико. Кō Нихон бунтэн. 1898, стр. 139.

[3] Ямада. Наратё..., стр. 212.

[4] Там же, стр. 211.

6. *Е-но нака-ни таэтэ сакура-но* **накарисэба** *хару-но кокоро-ва нодокэкарамаси* (Кс, 59) ‘Если бы на свете совершенно **не было** вишен, каким спокойным былоб весеннее сердце’.

Примеры на третью основу *ки:*

1. *Ага ноти-ни окисаки-ни ёку цукаэмацури тасукэмацурэто* **норитамаики** (Мн, № 17, 790) «После меня (‘после моей смерти’) хорошо служи и помогай государыне», **сказал** [он]’.

2. *Мата Икэда-но мико-ва коно нацу мма ōку цудоэтэ котохакару то* **кикосимэсики** (Мн, № 30, 813) ‘Кроме того, [я] **слышал**, что принц Икэда этим летом, собрав много лошадей, что-то замышляет’.

3. *Тарасихимэ ками-но микото-но на цурасу то ми-татасисэриси иси-о тарэ* **мики** (М, V, № 869) ‘Кому [**удалось**] **видеть** тот камень, на котором стояла Тарасихимэ, чтоб ловить рыбу?’

4. *Тамасима-но коно каваками-ни иэ-ва арэдо кими-о ясасими* **аравасадзу арики** (М, V, № 854) ‘Здесь, в верховьях реки Тамасима, мой дом, но, стыдясь тебя, [я его тебе] **не показывала**’.

5. *Уми-яма-но мити-ни кокоро-о цукусихатэ ми-иси-но хатино намида* **нагарэки** (Т, 6) ‘На морских и горных дорогах [я] потратил все [свое] сердце, — из-за священной каменной чаши **текли** слезы’.

6. *Мико-но ками . . . касикоки тама-но эда-о цукурасэтамаитэ, цукаса мо тамавараму то* **ōсэтамаики** (Т, 11) ‘Князь . . ., повелев нам изготовить драгоценную ветку, **пообещал** пожаловать [нас] должностью’

7. *Хахагими, хадзимэ-ёри осинабэтэ-но уэмиядзукаэ-ситамаубэки кива-ни-ва* **арадзарики** (Г, I, 3) ‘Мать [фрейлины Кирицубо] по происхождению своему **не принадлежала** к такому слою [общества], чтобы быть достойной нести обычную службу при дворе’.

8. *Икитариси токи, дзэнъаку-но мукуи ару кото-о* **синдзэдзарики** (Км, I, 510) ‘При жизни [я] **не верил**, что существует воздаяние за добро и зло’.

Примеров с глаголом *ку* ‘приходить’ в старояпонском нет: форма *кики* невозможна.

Примеры на четвертую основу *си:*

1. *Ока-но мия-ни амэ-но сита* **сиросимэсиси** *сумэрамикото. . .* (Мн, № 27, 806) ‘Государь, **который управлял** поднебесной во дворце Ока-но-мия . . .’.

2. *Сикараба сакини си-га* **мōсиси** *кото-ва, котоготониkадами хэцураитэ арикэри* (Мн, № 28, 809) ‘Поэтому то, что он раньше **говорил**, все оказалось ложью и лестью’.

3. *Имо-ни ниру куса-то миси ёри вага* **симэси** *нубэ-но ямабуки тарэ ка* **таориси** (М, XIX, № 4197) ‘Кто **сорвал** тот цветок ямабуки на поле, который я **отметил** (чтоб его никто не срывал), так как он так похож на мою милую?’.

Употребление в этом примере четвертой основы в конце предложения в функции заключительной объясняется вопросительным характером предложения. Употребление четвертой основы в функции третьей является нормой в вопросительных и восклицательных предложениях.

4. **Цукавасиси** *хито-ва, ёру-хиру матитамау-ни, тоси коюру мадэ ото мо сэдзу* (Т, 16—17) ‘Тех, кого **послали**, ждал днем и ночью, но прошел год без всяких известий’.

5. *Има кому то итэ* **вакарэси** *асита-ёри омоикураси-но нэ-о номи дзо наку* (Кс, 712) ‘С того утра, как [ты] **расстался** [со мной], обещая поскорее вернуться, [я] все время тоскую и громко плачу [как плачет цикада]’.

6. *Кинō юхи-но нагоринаку сасиритэ хабэриси-ни, фуми каку тотэ* **итэ хабэриси** *хито-но, као косо ито ёку хабэрисика* (Г, I, 105) ‘Вчера, при полном освещении вечернего солнца, та, что **собиралась** писать послание, была очень хороша собой’.

7. *Варэ хадзимэтэ* **сисэси** *токи* . . . (Км I, 507) ‘Когда я в первый раз **умер** . . .’.

8. *Синунараба иссё̄-дэ синан то косо* **тигириси**-*ни, токоро-докоро-дэ утарэн кото косо канасикэрэ* (X, 338) ‘[Мы] **поклялись**, если умирать, то вместе; как печально погибнуть вдалеке друг от друга’.

Неправильные глаголы *ку* и *су* присоединяют *си* не ко второй, а к первой основе: *сэси* и *коси*, а не *сиси*, *киси*. Это же правило распространяется и на *сика* (см. ниже).

1. *Мияко идэтэ, кими-ни аваму-то,* **коси** *моно о* (Тн)[1] ‘Ведь [я] **пришел**, покинув столицу с тем, чтоб встретиться с тобой’.

2. *Нао* **таномикоси** *каи накутэ сугиюку* (Г)[2] ‘**Пришел попросить** и все безрезультатно’.

Наращивание *си* на вторую основу глагола *куру*, т. е. *киси*, используется только в составном слове *кисиката* ‘прошлое’. *Кисиката юкусуэ омоицудзукэрарэтэ* (Г)[3] ‘Все время размышляя о будущем и былом . . .’.

1. *Има-мадэ* **бурэй-сэси**-*ва аямари нари*[4] ‘До сих пор **был неучтив**, и это ошибка’ (т. е. нехорошо).

---

[1] Цит. по грамматике Ōцуки Фумихико «Кō Нихон бунтэн», стр. 140.
[2] Цит. по: Ямада Ёсио. Нихон бумпōрон, стр. 962.
[3] Там же, стр. 963.
[4] Там же, стр. 964.

Сравните правильное присоединение *ки* ко второй основе глагола *су* ‘делать’:

Они-но ёнару моно идэкитэ коросаму-то **сики** (Т, 9) ‘Появились существа’ похожие на демонов, и **пытались** [нас] съесть’.

Катэ цукитэ куса-но нэ-о **куимоно-то сики** (Т, 9) ‘Провиант’ иссяк, и [мы] **питались** корнями растений’.

Наряду с этим в качестве заключительной формы от *су* в прошедшем времени можно встретить *сэси*.

Примеры на пятую основу *сика*:

1. *Сидзокэтамаэ то* **мōсисикадомо**, *арэ-о мо митибики маморимасу онога си-о я таясуку сидзокэмацураму то омоитэ арицу*, (Мы, № 28, 810) ‘И **хотя сказал**: «Удали [его]», но [я] думаю, легко ли удалить своего наставника, который руководит мною и охраняет меня’.

2. *Саототоси-но кисараги-но тōкагоро-ни, Нанива-ёри фунэ-ни норитэ, уминака-ни идэтэ, юкаму ката мо сирадзу* **обоэсикадо**, *омоу кото нарадэ ва, ё-но нака-ни икитэ, нани ка сэму то омоисикаба, тада мунасики кадзэ-ни макасэтэ арику* (Т, 8). ‘В позапрошлом году, в десятый день второго месяца в Нанива, сев на корабль, [я] вышел в открытое море, и **хотя и не знал**, куда плыть, но, думая о том, что делать, без желанного живя на свете, [я] просто вверился ветру’.

3. *Ягатэ сабураваму-то* **сэсикадо**. . .[1] ‘**Собирался** тотчас же отправиться на службу, **однако**. . .’.

4. *Атаи-но коганэ сукунаси то, кокуси цукаи-ни* **мōсисикаба**, *Окэй-га моно куваэтэ каитари* (Т, 13) ‘**Так как** губернатор **сказал** посланному, что денег мало, то Окэй, прибавив еще некоторое количество, купил’.

5. *Удзи Сэта ябурэну то* **кикоэсикаба**, *Кисо саба-но ками сайго-но итома мōсан тотэ, ин-но госё Рокудзёдоно-э хасэмаиру* (Х, 335) ‘**Так как сообщили**, что [они] были разбиты при Сэта в Удзи, то Кисо, начальник левой гвардии, поскакал во дворец экс-императора в Рокудзё для того, чтобы проститься перед смертью’.

Неправильные глаголы *ку* и *су* пятую основу суффикса *ки*, т. е. *сика*, не присоединяют: формы *кисика*, *сисика* совершенно не встречаются.

Суффикс *ки* в различных основах использовался вплоть до XIII в. В XIV—XV вв. он встречается лишь в форме *си* в сложном суффиксальном образовании *таси* (примеры см. ниже).

---

[1] Цит. по: Ямада. Ёсио. Нихон бумпорон, стр. 964.

Значение суффикса *ки* чисто временно́е. В отношении вида он нейтрален, напоминая в этом отношении суффикс *та* в современном языке. В случае необходимости указать вид, *ки* соединяют со специальными видовыми суффиксами, которые всегда предшествуют временно́му.

б) Давнопрошедшее

В староя́понском языке в системе прошедших времен было давнопрошедшее, оформлявшееся суффиксом *кэри*, который присоединялся ко второй основе глагола. Спряжение суффикса: *кэра*, *кэри*, *кэри*, *кэру*, *кэрэ*. Суффикс *кэри* спрягается так же, как и неправильный глагол *ари* ‘быть’. Полное спряжение этого суффикса встречается, однако, в наиболее старом языке. Начиная с X в., как указывает Ямада, используются уже всего три основы: заключительная, определительная и условно-временна́я.[1]

Используя суффикс *кэри*, говорящий не только указывает на то, что предмет речи относится к прошлому, но как бы выносит описываемые события за пределы своей жизни, отодвигая их в седую старину (ср. в руском языке: *некогда жил-был; давным-давно жил-был. . .*). Недаром суффикс *кэри* так часто встречается в зачинах и концовках повествовательной прозы, т. е. в тех местах, где дается экспозиция и заключение рассказа.

Не случайно в ранней средневековой японской прозе использование суффикса *кэри* обычно связано с традиционным вступлением *има-ва мукаси*, обычно толкуемым как ‘[ну, а] теперь [поговорим] о былом’.

Мы полагаем, что суффикс *кэри* можно было бы определить как показатель давнопрошедшего или повествовательного прошедшего (термин, который мы разрешаем себе здесь предложить).

Определение суффикса *кэри* как признака давнопрошедшего объясняет возможность использования в сочетании с ним всех других видо-временны́х форм.

1. *Кодзо-но нагацуки, амэ-цути-но тамаэру ōки сируси-но моно* **араварэкэри** (Мн, № 5, 764) ‘В девятом месяце прошлого года **объявился** великий знак, дарованный небом — землей’.

2. *Такáки тōтōки оконаи-ни-ёритэ* **араварэкэру** *ōки сируси-но моно дзо то норитамау* (Мн, № 6, 768) ‘Говорят [это] великий знак, **объявившийся** благодаря высокому, достойному поведению’.

---

[1] Ямада. Хэйантё..., стр. 200.

3. *Сикарэба сакини сакини си-га мōсиси кото-ва, котоготони кадами хэцураитэ* **аригэри** (Мн, № 28, 805) ‘Поэтому выяснилось, что все то, что он давним-давно говорил, все **было** ложью и лестью’.

4. *Има-ва мукаси, Такэтори-но окина то ю моно* **аригэри**. *Нояма-ни мадзиритэ, такэ-о торицуцу, ёродзу-но кото-ни* **цукаигэри**. *На-о-ба Сануки-но Мияцукомаро то наму* **иигэру**. *Соно такэ-но нака-ни, мото хикару такэ нан хитосудзи* **аригэри**. *Аясигаритэ ёритэ мируни, цуцу-но нака хикаритари* (Т, 1) ‘Давным-давно **жил-был** некто по прозванию Старик — собиратель бамбука. [Он] бродил по горам и равнинам и, собирая бамбук, **делал** из него разные вещи. Имя его **было** Сануки-но Мияцукомаро. [Как-то раз] среди бамбуков **оказался** один со светящимся стволом. Когда [старик], удивившись, подошел и посмотрел, [то оказалось, что] ствол внутри светится’.

Мы привели такую длинную цитату для того, чтобы более наглядно продемонстрировать использование суффикса *кэри*.

Интересно отметить, что во всех концовках в «Такэтори-моногатари» всегда используется суффикс *кэри*.

В «Исэ-моногатари» *кэри* является одним из основных временны́х суффиксов; значение его раскрывается в связи с использованием неизменно в начале каждой главы наречия *мукаси* ‘в древности’.

Мукаси отоко **аригэри**. *Мияко я сумиукарикэн. Адзума-но ката-ни юкитэ сумидокоро мотому тотэ, томо-то суру хито хитори футари ситэ* **юкигэри** ‘Некогда **жил-был** один человек. Надоела ему столица что ли, только с одним-двумя товарищами [он] **отправился** на восток поискать себе пристанище’.

Несколько другое значение получает *кэри* в поэтическом тексте.

1. *Токиванару мацу-но мидори мо хару курэба има хитосио-но иро* **масарикэри** (Кс, 29) ‘Даже зелень вечнозеленых сосен и та с наступлением весны **стала** ярче!’

2. *Ммэ-но хана ниоу харубэ-ва Курабуяма ями-ни коюрэдо сируку дзо* **аригэру** (Кс, 44). ‘Весенней порой, когда благоухают цветы сливы, во мраке [я] переходил через гору Курабу, и тем не менее [цветы сливы] мне **были** явственны’.

Из контекста ясно, что речь идет скорее о простом прошедшем, чем о давнопрошедшем. *Кэри* в этих случаях получает особое значение эмоционально окрашенного прошедшего времени. Такое толкование подтверждается и тем переводом,

который в этих случаях дает Канэко Гэнсин в своем комментарии к цитированным выше стихотворениям. Так, в обоих случаях он после конечного сказуемого добавляет соответственные восклицания: *хандзэн то ёку ситэта вай* и т. п. В связи с этим мы полагаем, что вполне прав Ямада, когда, отмечая тот эмоциональный характер, который приобретает *кэри* в поэзии, называет его *эйтан-но кэри* 'восклицательным *кэри*'. Сравнивая суффиксы *ки* и *кэри* с формами современного языка, он указывает на то, что суффикс *ки* соответствует современному суффиксу *та*, тогда как *кэри* (использованное в поэтических текстах) равно *та вай*, иначе — восклицательной форме прошедшего времени.[1]

Мидори-нару хитоцугуса то дзо хару-ва **миси**. *Аки-ва ироиро-но хана-ни дзо* **аракэру**[2] 'Весной [я] **видел**, что это все одна зеленая трава; осенью же, ах, все это **оказалось** различными цветами!'.

Совершенно очевидно, что временны́е характеристики глагола *миру* и *ари* должны в данном случае совпадать; тем не менее один глагол характеризуется суффиксом *ки*, тогда как другой—суффиксом *кэри*. Дифференциация этих глаголов лежит в данном случае не в плоскости времени, а в плоскости экспрессивности. *Кэри* при последнем сказуемом, сохраняя значение показателя прошедшего времени, вместе с тем эмоционально окрашивает все стихотворение, придавая ему восклицательный характер.

Сочетание *кэру* — четвертой основы суффикса *кэри* с модальным суффиксом *раси*, означающим сходство, видимость, обычно дает не *кэрураси*, а *кэраси*. Это явление наблюдаем с X в. Например, *хитори номи мо арадзари***кэраси** (И)[3] '**Повидимому был** не один'.

Переходим к примерам, иллюстрирующим использование *кэри* в более позднее время.

1. *Има-ва мукаси, Синтан-ни Хокусай-но токи хитори-но хито* **аракэри** (Км, I, 470) 'Давным-давно в Китае во времена северной Ци **жил-был** один человек'.

2. *Има-ва мукаси, Синтан-но Хосю̄ то ю̄ токоро-ни Ниндзюдзи то ю̄ тэра ари. Соно тэра-ни Дōсон то ю̄ со̄* **сумикэри** (Км, I, 474) 'Давным-давно в Китае в местности Хосю̄ был храм Ниндзю-дзи. В этом храме **жил-был** монах по имени Дōсон'.

---

[1] Ямада. Нихон бумпōрон, стр. 411.
[2] Там же.
[3] Цит. по: Ямада. Хэйантё̄..., стр. 278.

3. *Има-ва мукаси, Като̄-ни* **со̄ аригэри** (Км, I, 480) ‘Давным-давно в Като̄ **жил-был** монах’.

4. *До̄сон коно кото-о кикитэ нагэку кото кагиринакуситэ, цуини* **синикэри**... (Км, I, 481) ‘До̄сон, услыхав об этом, печалился безгранично и в конце-концов **умер**’.

5. *Хатакэяма-ва соно коро-ва имада сэйнэн нидзю̄ити-ни* **наригэру** *га, сусумидэтэ* **мо̄сикэру**-*ва* (X, 333) ‘Хатакэяма **было** о ту пору еще лишь двадцать один год, однако [он] выступил вперед и вот как **сказал**’.

6. *Катаки мо миката мо корэ-о киитэ итидо-ни дото дзо* **вараикэру** (X, 335) ‘И друзья и враги, услыхав это, громко **захохотали**’.

7. *Корэра-о ёсинаси то я омоварэкэн, соно ё-но ямути* **накарикэри** (X, 3) ‘Подумали [они], что бесполезно что ли, во всяком случае этой ночью тайное убийство **не свершилось**’.

8. *Ягатэ коно ута-о-ба, Кинъёсю̄-ни дзо* **ирэрарэкэру** (X, 6) ‘Вскоре эти стихи **были включены** в «Сборник золотых листьев»’.

В «Хэйкэ-моногатари» суффикс *кэри* встречается весьма часто, что вполне согласуется с эпическим характером этого произведения. Нередко при этом он используется с глаголами говорения, обрамляя прямую речь. В XIV—XV вв. *кэри* сохраняется, видимо, только в сочетании с суффиксом прошедшего времени *та*: при этом он теряет спряжение, имея только одну форму *кэру*: *такэру* (примеры см. стр. 134).

Кэри так же, как и *ки*, лишен видового значения.

Отсутствие видового значения у разобранных выше суффиксов потверждается их сочетаемостью с рядом других видовых суффиксов. Суффиксы совершенного вида ставятся перед суффиксами времени. Для выражения прошедшего несовершенного (точнее, прошедшего длительного) используется аналитическая форма, состоящая из основного глагола в форме деепричастия, второй основы или второй основы + суффикс *цуцу* в сочетании с глаголом бытия, снабженным соответственным суффиксом прошедшего времени.

в) Прошедшее совершенное

Прошедшее совершенное выражалось в старояпонском двумя суффиксами: *цу* и *ну* (после второй основы глагола). Оба эти суффикса выражали законченность действия, наличие предела, положенного действию. Однако не только чисто внешне, но и по существу суффиксы эти настолько отличны один от другого, что объединять их было бы неправильно.

Ну спрягается по образцу неправильного глагола *сину* ‘умирать’: 1 *на*, 2 *ни*, 3 *ну*, 4 *нуру* 5 *нурэ*. Некоторые грамматики отмечают еще основу *нэ* с повелительным значением.[1]

1. *Амэ-цути-ва хироси-то иэдо ага тамэ-ва саку я* **нари-нуру** (М, V, №892) ‘Говорят, что небо-земля (‘вселенная’) широки, но для меня [они] **стали** узкими что ли?’

2. *Асари-суру ама-но кодомо то хито-ва иэдо миру-ни* **сираэну** *ммабито-но ко то* (М, V, №853) ‘Хоть люди и говорят, что это дитя рыбака, что ищет себе пропитанье, но по виду [я] **понял**, что это отпрыск знатного рода’.

3. *Субэ-мо наку курусику арэба идэхасири инана то*[*о*]*моэдо кора-ни* **саярину** (М, V, №899) ‘Так безвыходно тяжело, что [я] уж собрался бежать, но **был остановлен** детьми’.

4. *Тацукаюми тэ-ни торимотитэ асагари-ни кими-ва* **татасину** *Танакура-но ну-ни* (М, XIX, №4257) ‘С толстым луком в руках ты **вышел** на утреннюю охоту на равнину Танакура’.

5. *Химукаси-но ну-ни кагирои-но тацу миэтэ каэримисурэба цуки* **катабукину** (М, I, №48) ‘Видно, как над восточной равниной встает сверкающая дымка. Обернулся назад, а луна [уж] **склонилась** к закату’.

6. *Асибики-но яма-но сидзуку-ни имо мацу то варэ* **татинурэну** *яма-но сидзуку-ни* (М, II, №107) ‘Ожидая любимую в горной капели, я, стоя, весь **промок** от горной капели’.

Примечательно, что большая часть вышеприведенных примеров с суффиксом *ну* переведена на современный язык аналитической формой «деепричастие + *симатта*» и, таким образом, отчетливо воспринимается как прошедшее совершенное. Это интересно еще и в том отношении, что суффиксальной форме старого языка противопоставляется аналитическая форма нового языка.

7. *Нокоритару юки-ни мадзирэру ммэ-но хана хаяку на-тирисо юки-ва* **кэну томо** (М, V, №849) ‘Цветы сливы, смешавшиеся с оставшимся снегом, не опадайте так быстро, пусть снег **растает**’.

Этот пример интересен тем, что он выявляет чисто видовое значение суффикса *ну*, не связанное с прошедшим временем.

8. *Тоси мо такаку наритару арэ-о окитэ* **макаримасину** (Мн, №58,865) ‘Бросив и меня, престарелого, [он] **ушел**’.

9. *Сумэра варэ такамикура-ни масисомэси-юри котоси-ни итару-мадэ мутосэ-ни* **нарину** (Мн, №7, 770) ‘С тех пор как я, государь, вступил на престол, до сего года **прошло** шесть лет.

---

[1] См.: Ōцуки Фумихико. Кō Нихон бунтэн, стр. 133.

10. *Сумэра вага ми-ми мō тосицуки* **цуморину** (Мн, № 7, 770) ‘И возраст мой, государев, **стал** уж преклонным’.

11. *Сорэра-га китанаку хакаритэсэру мадзивадза мина котоготони* **араварэну** (Мн, № 43, 836) ‘И все их колдовство и грязные козни (дословно: ‘грязно замышляемое колдовство’) без остатка **обнаружились**’.

12. *Коко-ни ёритэ амэ-цути-о урами ками-оми-о мо* **урамину** (Мн, № 45, 845) ‘Поэтому [они] стали ненавидеть небо и землю, **стали ненавидеть** государя и подданных (т. е. стали испытывать ненависть и к миру и к людям).

13. *Коко-о мотэ иэ-о идэтэ хотокэ-но дэси-то* **нарину** (Мн, № 27, 807) ‘Поэтому, покинув свой дом, **стал** учеником Будды’ (т. е. постригся в монахи).

14. *Ко-о миру-ни, Накамаро-га кокоро-но сакасимани китанаки сама-ва* **сирину** (Мн, № 28, 809) ‘Увидели это и **поняли** злочестие и грязь сердца Накамаро’.

15. *Амата-но тоси* **хэну** (Мн, № 41, 830) ‘**Прошло** много лет’.

16. *Ми-ва хай-то томони цути-ни* **удзуморинурэдо** *на-ва кэбури-то томони амэ-ни нобору* (Мн, № 46, 845) ‘Хоть тело вместе с пеплом **зарыто** в земле, но имя [слава] вместе с дымом вздымается к небесам’.

17. *Такэтори-но окина, коно ко-о мицукэтэ ноти-ни; такэ-о тору-ни, . . . ёгото-ни, коганэ ару такэ-о мицукурукото* **касанарину** (Т, 1) ‘После того, как старик Такэтори нашел этого ребенка, все чаще и чаще **стало случаться**, что, собирая бамбук, он находил такой. . ., в каждом коленце которого было золото’.

18. *Хи куруру ходо, рэй-но* **ацумарину** (Т, 4) ‘Когда стемнело, всё те же **собрались**’.

19. *Ми-окури-но хитобито, митатэмацури окуритэ* **каэрину** (Т, 6) ‘Провожающие посмотрели, проводили и **ушли восвояси**’.

20. *«Вага на-ва Хōканрури» то ицитэ, футо яма-но нака-ни* **ирину** (Т, 9) ‘«Имя мое Хōканрури». Сказав это, она внезапно **скрылась** в горе’.

21. *Кокора-но хигоро, омоивабихабэрицуру кокоро-ва, кё̄ наму* **отиинуру** (Т, 10) ‘Давнишняя печаль моя сегодня **исчезла**’.

22. *Хи-но нака-ни утикубэтэ якасэтамау-ни, мэрамэрато* **якэну** (Т, 15) ‘Когда положили в огонь и подожгли, то [шкурка], треща, **сгорела**’.

23. *Татэкомэтару токоро-но то, сунавати тада аки-ни* **акину** (Т, 32) ‘Закрытые двери тогда просто-напросто **открылись** настежь’.

24. *Куроки кумо нивакани* **идэкину**... (Тн, 11) *Коно айда-ни амэ* **фурину** (Тн, 12) ‘Внезапно **появились** черные облака... В это время **пошел** дождь’.

25. *Отоко-онна караку ками-хотокэ-о иноритэ, коно мито-о* **ватарину** (Тн, 17) ‘Мужчины и женщины усердно молились богам и буддам и так **прошли** эту гавань’.

26. *Тэнгу... кунигуни-о сугитэ кавадзири-ни* **тадзунэкитарину** (Км, II, 299) ‘Тэнгу [лесное чудовище] прошел ряд стран и **пришел** к низовьям реки’.

27. *Омои-ни ситагаитэ кувасимуру-ни окина судэни* **хоманину** (Км, I, 317) ‘Так как накормил [его] вдосталь, то старик уже **насытился**’.

28. *Хи-но нака-ни одориритэ* **якэсинину** (Км, I, 318) ‘Прыгнул в огонь и **сгорел**’.

29. *Амарини мидзу-га каётэ, мма-ва* **осинагасарэсо̄раину** (X, 335) ‘Так как вода была слишком стремительная, то лошадь была **снесена** [в сторону]’.

30. *Ямабуки-ва итавари атэ* (= *аттэ*), *мияко-ни* **томарину** (X, 338) ‘Так как Ямабуки была больна, то [она] **осталась** в столице’.

31. *Цуги-ни катана-но кото-ва, тономодзукаса-ни* **адзукэокисораиованну** (X, 4) ‘Далее, что касается меча, то [его он] **сдал на хранение** дворцовому слуге’.

Ованну из *оварину*.

32. *Какутэ котоси мо* **курэну** (X, 13) ‘Так и этот год **подошел к концу**’.

33. *Какутэ хару суги нацу* **такэну** (X, 17) ‘Так прошла весна и **наступило уже позднее** лето’.

34. *Тасогарэдоки мо* **сугинурэба**, *такэ-но амидо-о тодзифусаги* (X, 17) ‘Так как и сумерки уже **прошли**, то [они] заперли бамбуковую дверь’.

Мы видим, что во всех этих примерах:

а) Суффикс *ну* указывает на законченность действия в прошлом, иначе говоря, может быть определен как прошедшее совершенное. В этом отношении он противоположен по значению аналитической форме, образованной от основного глагола с помощью глагола «быть» в прошедшем времени (суффиксы *ки*, *кэри*). Последняя указывает на длительность и тем самым на незаконченность, незавершенность процесса.

б) Значение суффикса *ну*, его грамматическая функция остается неизменной на протяжении многих веков, начиная от первых памятников, написанных на японском языке, и кончая памятниками XIII в. О дальнейшей судьбе *ну* будет сказано ниже.

Суффикс *цу* по значению своему вполне совпадает с суффиксом *ну*. *Цу* так же, как *ну*, служит для выражения прошедшего совершенного. Наращивается он на вторую основу глаголов и спрягается по типу глаголов с двухступенным аблаутом: 1 *тэ*, 2 *тэ*, 3 *цу*, 4 *цуру*, 5 *цурэ*. В качестве повелительной основы используется *тэ*.

1. *Соно хи-но и-но токи-ни цубусани* **мōситамаицу**. (Мн, № 19, 793) ‘И в этот день в час кабана всё подробно **рассказал**’.

2. *Кабанэ на каэтэ тōку нагасу цуми-ни* **осамэтамаицу** (Мн, № 19, 794) ‘Изменив Кабанэ и имя, **присудили** далеко сослать’.

3. *Фунато-га ани Сиояки-о микадо-но кураи-ни-ва* **садамэцу** (Мн, № 28, 809) ‘Сиояки, старшего брата Фунато, **определили** на государев престол’.

4. *Коно фуми-о миру-ни мухон-но кокоро ари то ва акиракини* **мицу** (Мн, № 34, 820) ‘Посмотрели на эти послания и ясно **увидели**, что [в них] пребывает дух мятежа’.

5. *Имаситати-о* **мэсицуру** *кото-ва микадо-ни цукаэмацурараму сама осиэтамаваму то дзо* **мэсицуру** (Мн, 45, 842) ‘Относительно того, что [я] вас **призвал**, то **призвал** [я] вас для того, чтобы научить, как служить государю’.

6. *Цуини цуми-о онорэ мо хито мо онадзику* **итасицу**. (Мн, № 45, 845) ‘В конце концов преступление **свершили** одинаково как я сам, так и люди’.

7. *Има ооми-ва одзинаки арэ-о тасукэмацури* **цукаэмацуримасицу** (Мн, № 52, 857) ‘В настоящее время министр помог мне, малолетнему, и **поддержал** меня’.

8. *Икуса-о ябури катэ-о цуиситэ* **каэримаирицу** (Мн, № 62, 872) ‘Войско погубил, провиант истратил и **вернулся обратно**’.

9. *Е-но нака-о уси то ясаси то омоэдомо* **табитати канэцу** *тори-ни си аранэба* (М, V, № 893) ‘Хотя я и подумал, что печален и постыден этот свет, но [я] **не смог улететь**, — ведь я не птица’.

10. *Тэ-ни мотэру ага ко* **тобасицу** (М, V, № 904) ‘[Я] **выпустил** своего ребенка, которого держал в руках’.

11. *Хару сараба аваму то* [*о*]*моиси ммэ-но хана кё̄-но асоби-ни* **аимицуру** *камо* (М, V, № 835) ‘Те цветы сливы, с которыми [я] хотел встретиться с наступлением весны, ах, с ними [я] **увиделся** сегодня на пиру’.

12. *Ёки кото нари то* **укэцу** (Т, 4) ‘«Хорошее дело» — **согласился** [он]’.

13. *Кагуяхимэ нотамау ёни тагавадзу*, **цукуриидэцу** (Т, 7) ‘**Изготовили** в точности так, как сказала Кагуяхимэ’.

14. *Тайган-но тикара-ни я, Нанива-ёри кинō наму мияко-ни* **мōдэкицуру** (Т, 10) ‘В силу обетов [моих] что ли, но вот вчера из Нанива [я] **вернулся** в столицу’.

15. *Кокора-но хигоро*, **омоивабихабэрицуру** *кокоро-ва, кё наму отиинуру* (Т, 10) ‘Душа [моя], что **тосковала** в течение многих дней, сегодня успокоилась’.

16. *Макотони Хōрай-но ки ка то косо* **омоицурэ** (Т, 11) ‘[Я] **подумала** — действительно ли это дерево с острова Хōрай?’.

17. *Садакани цукурасэтару моно то* **кикицурэба**, *каэсаму кото ито ясуси* (Т, 11) ‘Раз **услыхал**, что [это] несомненно искусственная (‘сделанная’) вещь, то вернуть [ее] дело очень легкое’.

18. *То иитэ, тама-но эда мо* **каэсицу** (Т, 11) ‘Так сказав, **вернула** драгоценную ветвь’.

19. *Нандзира кими-но цукаи то на-о* **нагасицу** (Т, 16) ‘Вы **стали известны** как мои слуги’ (дословно: ‘слуги господина’).

20. *Иэ-ни сукоси нокоритарикэру монодомо-ва, тацу-но тама торану монодомо-ни* **табицу** (Т, 19) ‘Те немногие вещи, что еще оставались дома, **роздал** тем, кто не достал жемчужину дракона’.

21. *Комэ сакана надо коэба* **окурицу** (Тн, 20) ‘Так как просили рис и рыбу, — **прислал**’.

22. *Ко-ва надзо. Ми-кōси-но* **нарицуру**-*о, надзо то миму* (0, 364) ‘Что это? Посмотрю, отчего **трещали** ставни [в ее комнате]’.

23. *Коно* **сугицуру** *сō-ва та со* (Км, II, 302) ‘Кто этот монах, который **прошел** мимо?’.

24. *Таттоки сō нарэба, канарадзу хадзимисэму то* **омоицуру** *моно о, кутиосику* **сугоситамаицуру** *кана* (Км, II, 302) ‘Так как это досточтимый монах, то [я] **хотел** непременно его опозорить, а [вы], к сожалению, его **пропустили**’.

25. *Кандатимэ тэндзёбито корэ-о митэ, «корэ нани» то* **аясимицу** (Км, II, 309) ‘Придворные различных рангов, увидев это, **удивились**: «что это такое?»’.

26. *Гиō-га нани то омоу яран, амарини мōсисусумуру айда, каёни* **гэндзан-сицу** (Х, 11) ‘Гио отчего-то очень просила [меня], и поэтому [я] **удостоил** [ее] встречи’.

27. *Сёсё госё-о* **макариидэцуру**-*ёри, нагаруру намида цукисэну-ни* . . . (Х, 62) ‘После того как офицер **покинул** дворец, слезы [его] не иссякли’.

В «Хэйкэ-моногатари» суффикс *цу* в значении прошедшего совершенного встречается довольно редко.

Во всех приведенных выше примерах суффикс *цу* указывает на законченность действия и может быть определен как показатель совершенного вида. Помимо указания на законченность действия, *цу* также нередко использовался как показатель законченности, исчерпанности состояния. В этих случаях он обычно входил в состав аналитической формы, выраженной деепричастием основного глагола и служебным глаголом со значением «быть» с суффиксом *цу*.

1. *Минава насу мороки иноти мо такунава-но тихиро-ни мога то* **нэгаикурасицу** (М, V, № 902) ‘Жизнь хрупкая, как водная пена, ах, если б была канатом в тысячу локтей, **молил** [я] все время’.

2. *Сакини Накамарора-га мухон-но кото окоритэ ариси токи-ни-ва, Накамаро-и тадасики оми-то* **ситэ хабэрицу** (Мн, № 34, 819) ‘Раньше, до того, как возникло дело по поводу мятежа Накамаро и иже с ним, Накамаро **был** хорошим вассалом’.

3. *Сидзокэмацура̄му то* **омоитэ арицу** (Мн, № 28, 810) ‘**Думал** удалить [его]’.

4. *Китанаку кадамасики яцуко-но мацуригото-но мото-о торитэ мо̄ситамау кото-о мотитэ, удзи-удзи-но удзибито-домо-о мо сусумэцукавасу кото котовари-но гото мо арадзу* **арицу** (Мн, № 28, 810) ‘Неправильно **было** продвигать [на разные посты] и членов различных родов, руководствуясь словами грязных, нечестивых негодяев, захвативших дела правления в свои руки’.

5. *Варэ икитарицуру айда, дзю̄ся нарабини мма-о нэнгоро-ни* **айё̄-сицу** (Км, I, 470) ‘Я всю свою жизнь сердечно **обращался** со [своими] слугами и лошадьми’.

6. *Канэхира мо Сэта-дэ утидзини* **цукамацурубё̄ со̄раицурэдомо** . . . (X, 339) ‘И Канэхира **должен был** умереть в бою под Сэта, **но** . . .’.

Что же разграничивает употребление суффиксов *цу* и *ну*? Этой проблеме в японской лингвистике уделялось большое внимание, — было несколько попыток решить ее. Наиболее распространенное толкование связывает использование суффикса *цу* с переходными, а суффикса *ну* с непереходными глаголами. Это объяснение, однако, опровергается фактами языка настолько часто, что от него в результате пришлось отказаться. Ямада выдвинул другую гипотезу. Использование *цу* он связывает с прямым высказыванием субъекта, с описа-

нием событий с точки зрения говорящего, от первого лица. Он называет это «непосредственной передачей», «непосредственным описанием». В противоположность этому, суффикс *ну* он рассматривает как объективную, незаинтересованную передачу действия-состояния.[1]

Эта мысль Ямада, сама по себе интересная, остается, однако, недоказанной, так как не имеет никаких опорных пунктов в анализируемом языковом материале. Действительно, сравним два примера из числа тех, которые Ямада приводит в качестве иллюстрации своего положения.

1. *Танигава-но утиидзуру нами мо коэ* **татэцу**. *Угуису сасоэ, хару-но кадзэ.* 'Голос свой **подали** и волны горной реки. Пригласи [прилететь] соловья, весенний ветер'.

2. *Танигава-но нагарэ си киёку суминурэба куманаки цуки-но кагэ мо* **укабину** 'Так чист и прозрачен поток горной реки, что в нем **всплыло** даже бескрайнее сиянье луны'.

Как в том так и в другом примере в качестве подлежащего выступает не первое лицо, а имя существительное (в одном случае *нами* 'волна', в другом — *кагэ* 'сиянье'). Где те грамматические основания, благодаря которым мы могли бы в первом случае утверждать «заинтересованность» говорящего, а во втором — «незаинтересованность» его? Таковых, с нашей точки зрения, нет. Гипотеза Ямада совершенно произвольна.

Попытаемся, со своей стороны, предложить другую гипотезу. Прежде всего в определении значения грамматических элементов необходимо всегда исходить из определенных исторических рамок, помня об историческом движении языка. Последовательно хронологическое обследование указанных суффиксов выяснило интересную картину соотношения между ними и категорией одушевленности-неодушевленности подлежащего. Начиная с древнейших памятников, таких как «Маньёсю» и «Микотонори», «Такэтори-моногатари» и «Тосаникки», выявилась следующая картина. При одушевленном подлежащем (в эту категорию в старояпонском языке включались не только лица, но и животные, птицы, небесные светила, например солнце, силы природы) в переходном глаголе могли использовать как *цу*, так и *ну*; в непереходном глаголе — преимущественно *ну*, реже *цу*. Неодушевленное подлежащее при себе вообще не могло иметь сказуемого — переходного глагола; непереходный же глагол допускал только суффикс *ну*. Таким образом, при неодушевленном подлежащем *цу* исключалось. Схематично это можно представить в следующем виде:

---

[1] Ямада. Нихон бумпōрон, стр. 393—394.

	Подлежащее одушевленное	Подлежащее неодушевленное
Переходный глагол	*цу*	—
	ну	—
Непереходный глагол	*ну*	*ну*
	цу (реже)	—

Ни в «Микотонори», ни в «Такэтори», ни в «Тосаникки» нет ни одного отклонения от указанного соотношения.[1] Отклонения появляются лишь начиная с «Отикубо-моногатари», т. е. со второй половины X в.

Позже *цу* и *ну* выходят из употребления. В XV—XVI вв. суффикс совершенного вида *ну* почти не встречается даже в «Сёмоно», а суффикс *цу* сохраняется в формах *цуру* и *цурэ*, в значении, однако, не видовом, а временно̀м, (прошедшее время).

1. *Корэ-ва сари-тотэ-ва кёнэн-мадэ-ва* **накарицуру** (С. Ю, 187) ‘Этого, однако, до прошлого года **не было**’.

2. *Сорэ мо токи-о* **эцурэба** *ё̄-ни тацу то миэ* (С. Ю, 188) ‘И это **при** случае, видимо, может пригодиться’.

В своей основной форме суффикс *цу* получил значение перемежаемости действия, при этом основа глагола первого спряжения в результате фонетических процессов видоизменяется.

1. **Нуидзу кицу** *икутаби мо суру дзо* (С. Ю, 97) ‘**То снимает то надевает**, и так много раз’.

Нуидзу < *нугицу* (от *нугу* ‘раздевать’).

2. *Ю* **абицу** *ками* **ароцу** *нан до сё̄дзу* (С. Ю, 189) ‘Будем **то мыться, то мыть** голову’.

Арō цу < *арацу* (от *арау* ‘мыть’). *Сё̄дзу* — будущее время глагола *суру*.

Суффикс *цу...цу*, таким образом, выступает уже в XV—XVI вв. в качестве грамматического омонима *тари...тари* (+ *суру*). В современном литературном языке, как известно, используется в основном форма *тари...тари*.

---

[1] Правило это, повидимому, может не распространяться на определение, в котором *цу* может быть использовано и при неодушевленном определяемом. Некоторое сомнение также вызывает один пример в «Микотонори», где *цу* использовано в сочетании с таким подлежащим, как *тосигэро* ‘время’: *Коно тоси-но тосигоро арицу* (Мн, № 28, 809) ‘Было время этого года’ (т. е. в это время). Однако уже в «Кодзики» *тоси* ‘год’, повидимому, включается в категорию одушевленного, наряду с солнцем, ветром, волнами.

Своеобразное значение получает суффикс *цу* в сочетании с модальным суффиксом *бэси* (возможность, долженствование, вероятность), принявшим в XV—XVI вв. форму *бэй*, *бэсий*. Сливаясь с ним, суффикс *цу* теряет свое видовое значение и получает значение чисто экспрессивное, усилительное.

Тэ-ни тоттэ митэ **кадзоэцубэй** *дзо* (С. Ю, 209) 'Непременно **надо** взять в руки, посмотреть **и сосчитать**'.

Таким образом суффикс *цу* в это время уже выпадает из парадигмы: *тэ*, *цу*, *цуру*. Такова картина эволюции видо-временных суффиксов *цу* и *ну* к XV—XVI вв., если судить по «Сёмоно». Несколько иное впечатление создается у нас, если судить об этом вопросе по кёгэнам. В последних *цу* и *ну* употребляются уже редко, в местах нарочито архаизированных.

В заключение этого раздела необходимо хотя бы бегло коснуться вопроса о соотношении между деепричастием прошедшего времени (форма *тэ* для старого языка, *тэ*||*дэ* для нового языка) и суффиксом прошедшего совершенного *цу*. Вопрос этот вызывается совпадением *тэ* — второй основы суффикса *цу* — с формой деепричастия. Эта проблема занимала многих японских лингвистов, у которых обнаружилось полное расхождение во мнениях. Одни усматривают органическую связь обоих формальных показателей, другие склоняются к констатации грамматической омонимии.[1] Совершенно очевидно, однако, что эта проблема неразрешима без предварительного изучения деепричастия. Японское деепричастие требует своего совершенно особого изучения, которое далеко выходит за рамки нашей работы. В связи с этим мы разрешаем себе ограничиться указанием на ряд моментов морфологического порядка, которые, нам думается, представят некоторый интерес для будущих исследователей этой проблемы.

1. Для японского языка с его обилием так называемых «прилеп» очень характерен довольно строгий порядок наращивания одних суффиксов на другие. Суффикс отрицания *дзу* обычно завершает суффиксальный ряд, образуя границу слова. Для образования же видо-временны́х и модальных форм используется не *дзу*, а производная от него форма *дзари* (< *дзу* + *ари*), например: *ёма-сэ-рарэ-дзари-кэри* 'не был заставлен читать'.

Деепричастное *тэ* представляет исключение из указанного правила: оно свободно наращивается на суффикс *дзу*, обра-

---

[1] Относительно различных толкований по этому вопросу см.: Ямада. Нихон бумпо́рон, стр. 398—406.

зуя форму *дзутэ*, в дальнейшем, с IX—X вв., переходящую в *дэ* (*арадзутэ* > *арадэ*).

Табиюки-ни юку то **сирадзутэ** *амосиси-ни кото маосадзутэ има дзо куясикэ* (М, XX, № 4376, 206) 'Не **зная**' что [я] отправлюсь в путь, не попрощался (буквально: 'не попрощавшись') с отцом-матерью, и теперь так досадно!'.

Приводя этот пример, Ямада высказывает предположение относительно возможной самостоятельности деепричастного *тэ* уже в эту эпоху.[1] Что означает в данном случае термин «самостоятельность»? Повидимому, обособление и выделение из парадигмы суффикса прошедшего совершенного *цу*. Действительно, если *дзутэ* встречается очень часто, то *дзуцу*, *дзуцуру* или *дзуцурэ* не встречаются совершенно. В это положение Ямада вводит некоторые ограничения диалектального порядка. Он указывает на то, что в диалекте Тоса, сохранившем, как известно, весьма архаичные черты, до сих пор встречается форма *дзуцу* и *дзуцуни*. Обе формы по значению своему близки к современному *дзу ситэ*, т. е. отрицательному деепричастию.[2]

Необходимо внести и другое ограничение исторического порядка; в текстах VIII в. встречаем наращивание на *дзу* суффикса давнопрошедшего времени *кэри* и суффикса прошедшего вероятного *кэму*. Таким путем возникают сложные суффиксы *дзукэри* и *дзукэму*.[3]

Сочетание *дзу* + *ки* > *дзуки* представлено всего одним примером и при этом весьма сомнительным в смысле его дешифровки.[4]

Обе указанные формы относятся к VIII в. и в текстах IX—X вв. и позже больше не встречаются.[5]

Все это вызывает предположение о том, что аналоги формы *дзутэ*, т. е. сложные суффиксы, были раньше распространены гораздо шире, что форма *дзутэ* получила особую жизнеспособность в связи с тем особым значением, которое приобрело именно *тэ*, и что, не будь этого значения у *тэ*, форма *дзутэ* исчезла бы точно так же, как исчезли формы *дзукэри* и *дзукэму*.

2. Ни один видо-временной суффикс не наращивается непосредственно на качественные слова, но лишь на производную форму, образованную с помощью глагола; например: *такаку* + *ари* + *кэри* = *тикакарикэри* 'был близким', и т. п.

---

[1] Ямада. Наратё. . ., стр. 206.
[2] Там же, стр. 207.
[3] Там же, стр. 237—238, 241.
[4] Там же, стр. 237.
[5] Ямада. Хэйантё. . ., стр. 246.

Это имеет силу и в отношении суффикса *цу*, а стало быть, и одной из его основ — *тэ*. В противоположность этому, деепричастное *тэ* к качественным словам, выступающим в роли так называемых «серединных» сказуемых, присоединяется непосредственно. Такие формы, как *тикакутэ* ‘будучи близким’, такакутэ ‘будучи высоким’ и т. п., встречаются уже в текстах VIII в. столь же часто, как и в современном языке.[1]

Тани тикаку иэ-ва орэдомо **кодакакутэ** *сато-ва арэдомо хототорису имада кинакадзу* (М, XIX, № 4209) ‘Хотя дом и близок к долине, хотя селенье такое, что [в нем] **высокие деревья**, но кукушка еще не прилетела петь’. Таким образом, отождествлять деепричастие *тэ* со второй основой суффикса прошедшего времени *тэ* нельзя.

Ямада отмечает особую предикативную силу формы на *кутэ*, сопоставляя ее с именным сказуемым, характеризуемым *нитэ*.[2] В составе *нитэ* он усматривает тот же формант *тэ*.

*Каваками-но юцуивамура-ни куса мусадзу цунэ-ни могамона токоотомэ-***нитэ** (М, I, № 22) ‘На скалах у верховьев реки и травка не растет, — ах, если б вечной быть, быть (буквально: ‘**будучи**’) вечно юной девой!’.

Возможность инверсии в данном случае зависит лишь от предикативности *нитэ*; без этого *токоотомэ* потеряло бы значение именного сказуемого, извлеченного из приведенного предложения.

Исходя из этого, Ямада указывает на близость этого *тэ* к таким формам, как *ситэ*, *аритэ*, *оритэ*, которые могут выступать в роли глагольных «связок».[3]

3. Как мы показали выше, в ранних памятниках суффикс прошедшего совершенного *цу* никогда не используется там, где подлежащим выступает неодушевленное имя существительное. Положение это, само собою разумеется, относится ко всем основам этого суффикса, следовательно, и к *тэ*. Деепричастное *тэ* таких ограничений не знает. Оно не связано с категорией одушевленности-неодушевленности.

Ару токи-ни-ва **катэ цукитэ**, *куса-но нэ-о куимоно то сики* (Т, 9). ‘Как-то раз **провиант иссяк** и [мы] питались корнями растений’.

Кавагоромо **тамото кавакитэ** *кё косо-ва кимэ* (Т, 14) ‘Меховую шубку [так как] **рукава** [ее] **высохли**, [я] надену сегодня’.

---

[1] Ямада. Наратё. стр. 206.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 207.

Выше мы лишь бегло отметили те некоторые моменты, которые обособляют деепричастное *тэ* от *тэ* как показателя прошедшего совершенного. Эти наши наблюдения могут быть интересны при дальнейшем исследовании категории деепричастия в историческом разрезе, отнюдь не претендуя на разрешение данной проблемы в целом.

III. НАСТОЯЩЕЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ СОСТОЯНИЯ
(перфект состояния)

Выше мы указывали на то, что конкретное настоящее длительное, в зависимости от вещественного значения глаголов, может выражать как длительность самого процесса, так и наличие какого-либо результата. В последнем случае процесс является уже законченным и результат передается как состояние, не подвергающееся изменению (ср. в современном языке *синдэ иру* ‘мертв’ *окитэ иру* ‘встал’, *самэтэ иру* ‘проснулся’). В старом языке это значение передавалось суффиксами *тари* и *ри*. Разница между ними не семантическая, а формальная.

Суффикс *тари* наращивается на вторую основу глаголов любого спряжения (основы: 1 *тара*, 2 *тари*, 3 *тари*, 4 *тару*, 5 *тара*).

1. *Кикосимэсу осуку-ни-но ути-но химугаси-но ката Мусаси-но куни-ни, онодзукарани нарэру нигиакаганэ* **идэтари**, *то мōситэ* **татэмацурэри** (Мн, № 4, 760) «‘На востоке страны, управляемой государем, в провинции Мусаси, **появился** мягкий красный металл [медь. — *Е. К.*], сам собою образующийся», — так сказав, [его] **преподнес**’.

Форма *идэтари* (от глагола *идзу* ‘появляться’, ср. совр. *дэру*) указывает на то, что данное событие как таковое относится к прошлому, результат же налицо и в настоящее время, когда об этом идет речь. Форма *идэну* указывала бы лишь на самый факт появления меди, как на действие единичное и законченное. В этом смысле суффикс *ну* (и *цу*) противопоставляется суффиксу *тари* (и *ри*), как форма моментальная — форме длительной.

2. *Кусагуса-но нори-но нака-ни-ва хотокэ-но ōмикото си микадо мамору-га та-ни-ва* **сугурэтари** *то кикосисимэситэ* (Мн, № 13, 781) ‘Я слыхал, что среди всех законов — веления Будды **являются** наиболее **превосходными** для охраны двора’.

3. *Сиракабэ-но окими-ва окимитати-но нака-ни ёваи мо* **такэтари** (Мн, № 47, 847) ‘Принц Сиракабэ и возрастом **был** самым **старшим** среди всех принцев’.

4. *Тоси мо такаку* **наритару** *арэ-о окитэ макаримасину* (Мн, № 58, 865) ‘[Он] покинул меня, **ставшего уже** престарелым’.

В «Микотонори» суффикс *тари* редок.

4. *Варэ-ва мо я Ясумико* **этари**. *Мина хито-но эгатэни су тофу Ясумико* **этари** (М, II, № 95)[1] ‘Ах, я **заполучил** деву Ясумико. **Заполучил** деву Ясумико, ту самую, о которой все люди говорят, что ее так трудно получить’.

5. *Хару сугитэ нацу* **китарураси**. *Сиротаэ-но коромо* **хоситари** *амэ-но Кагуяма* (М, I, № 28) ‘Видимо, весна уже прошла, пришло лето. Белые одежды сушат у небесной горы Кагуяма’.

6. *Унохана-но саку цуки татину. Хототогису кинакитоёмэё!* **Фуфумитари томо** (М, XVIII, № 4066) ‘Наступил месяц, когда цветут цветы унохана. Кукушка, прилети и пой, **хоть** [они] еще не распустились’ (дословно: ‘**скрыты в бутонах**’).

7. **Нокоритару** *юки-ни мадзирэру ммэ-но хана, хаяку на-тири-со! Юки-ва кэну томо* (М, V, 848) ‘Цветы сливы, смешавшиеся с **оставшимся** снегом, не осыпайтесь так быстро, пусть снег и растаял!’.

8. *Аясигаритэ ёритэ миру-ни, цуцу-но нака* **хикаритари** (Т, 1) ‘Когда [старик], удивившись, подошел и посмотрел, [оказалось], что сердцевина ствола **светилась**’.

9. *Мукаэ-ни хито о̄ку* **маиритари** (Т, 7) ‘На встречу много людей **пришло**’.

10. «*Курамоти-но мико* **овасимаситари**»*-то цугу* (Т, 7) ‘«Принц Курамоти **изволил прибыть**», — так доложили’,

11. *Фуцука. Нао О̄минато-ни томарэри. Ко̄си, моно, сакэ* **окосэтари.** (Тн, 4) ‘Второе число. [Мы] все еще в О̄минато. Проповедник **прислал** [нам] всякую всячину и вино’.

12. *Кё̄ уми-ни, нами-ни* **нитару** *моно наси. Ками-хотокэ-но мэгуми-аварэбу-ни* **нитари** (Тн, 15) ‘Сегодня на море не было ничего **похожего** на волны. **Похоже** на то, что боги и будды сжалились [над нами]’.

13. *Куса мо такаку нари, новаки-ни итодо арэтару кокотиситэ, цукикагэ бакари дзо, яэмугура-ни мо саварадзу* **саситаритару** (Г, I, 10) ‘И трава стала высокой, из-за осеннего ветра [всё] казалось еще более запустелым, и лишь лунный свет беспрепятственно **проникал** в густые заросли чернобыльника’.

---

[1] Цит. по: О ц у к а Эцудзо̄. Бумпо̄-ни риккяку-сэру Манъёсю̄-но кэнкю̄. 1934, т. II, стр. 143.

14. *Имидзю̄ синобияцуситэ, коно мико-о Ко̄рокан-ни* **цукаваситари** (Г, I, 20) ‘Тщательно переодев [замаскировав] этого принца, [его] **направили** в Ко̄рокан’.

15. *Оннагими-ва сукоси сугуситамаэру ходо-ни, ито вако̄ овасурэба, нигэнаку хадзукаси то* **обоитари** (Г, I, 27) ‘Принцесса была несколько старше, [Гэндзи же] был очень молод, поэтому [она] **чувствовала себя** чрезвычайно неловко?

Обоитари — характерная для кансайского диалекта форма от глагола *обосу* (ср. *обоситари*).

Уже в «Кондзяку-Моногатари» вместо суффикса *тари* встречается изредка суффикс *та* в использовании, дающем возможность восстановить ход эволюции. В этом отношении характерна форма, в которой суффикс *та* сочетается с суффиксом *нари*. Модальная форма *танари* (модальность категорического утверждения) восходит несомненно к форме *тарунари* через *таннари*. Гипотеза эта[1] вполне подтверждается ассимиляцией *ру* последующему носовому, характерной для языка того времени. Так, *бэкарумэри* дает *бэкаммэри*, *тарумэри* > *таммэри*, *арунари* > *аннари*. Не исключена возможность потери долготы в дальнейшем, в результате чего и возникают формы подобные *амэри* < *аммэри*, *анари* < *аннари*, *танари* < *таннари*. Морфологическая граница в этой новой форме проходит, однако, там же, где она проходила в старой форме, т. е. между видо-временны́м суффиксом и модальным *нари*. Тем самым в качестве нового суффикса выделяется *та*, а так как модальное *нари* используется только как аналитическая форма, то суффикс *та* получает самостоятельное значение. Суффикс *та*, следовательно, восходит, очевидно, к модальной форме результативного *тари*.

Ниже приводим ряд примеров на наиболее раннее использование данной формы, засвидетельствованное в «Кондзяку-Моногатари».

1. *Нандэн-но хо̄-ёри, утинакитэ куру ото су, сосо* **киниtанари** *то ацумаритэ*... (Ко̄гохо̄ бэкки, 264) ‘Слышно было, как приближаются из южного павильона с пением и криком. «Быстро **пришли**», — [с этими словами] собравшись...’.

Дальнейшие примеры, приводимые в «Ко̄гохо̄ бэкки», относятся уже к «Хэйкэ-Моногатари».

2. *Нихон-ва, мукаси, сандзю̄какоку-нитэ ариси-о, накагоро, рокудзю̄какоку-ни-ва* **вакэрарэтанари** (Ко̄гохо̄ бэкки, 264) ‘Япония в древности состояла из тридцати трех провинций,

---

[1] См.: Ко̄гохо̄ бэкки. 1917, стр. 264.

в средние же века она **была разделена** на шестьдесят шесть провинций'.

В «Гэмпэй сэйсуйки» (XIII в.) встречается интересный пример, указывающий на диалектальный характер суффикса *та* в то время.

3. *Кисо, кокороэдзу тотэ, намарион-нитэ, нани, нэко-но* **кита**, *нэко-то-ва нани дзо, нэдзуми тору нэко ка* (Кōгохō бэки, 265) 'Кисо, не поняв, [переспросил] на своем наречии: «Что такое „кошка **пришла**“?» «Что такое „кошка“? Это кошка, которая ловит мышей?»'.

Примечательно, что и в «Хэйкэ-моногатари» суффикс *та* (без *нари*) также используется в отношении того же Кисо Ёсинака. Принадлежа к роду Сэйва-Гэндзи, Кисо Ёсинака был уроженцем провинции Синано (область Тōсандō), где он проживал в замке Кисо. Отсюда вполне возможно, что данная грамматическая форма, как это и полагает Ёсидзава, в XIII в. не принадлежала еще к литературному языку, в основе которого лежал в то время киотоский диалект, а была характерна для восточного диалекта. Недаром в тексте «Гэмпэйсэйсуйки» подчеркивается то, что Кисо говорил на диалекте *намари*. Век или два спустя суффикс *та* становится господствующей формой, насколько мы можем судить об этом по таким произведениям, как «Кёгэнки» и «Сёмоно». Суффикс *тари* выпадает тем самым из живого народного языка, сохраняясь только как архаизм в так называемом письменном стиле. Хотя *та* и восходит к *тари*, однако по содержанию своему оно ему не тождественно: *тари* принадлежало к видо-временным суффиксам, суффикс *та* совершенно потерял видовое значение и указывает только на прошедшее время; в этом смысле он является синонимом *ки*, которое к тому времени постепенно выходит из употребления.

Будучи генетически связан с суффиксом *тари*, суффикс *та* сохранил в XIV—XV вв. и некоторые формы его спряжения. Парадигма его объединяет следующие основы: 1 *тара*, 2 *тари*, 3, 4 *та*, 5 *тарэ*.

Первая основа обычно употреблялась в сочетании с суффиксом *ба*, образуя сослагательное наклонение. Сослагательное значение возможно было бы и без *ба*. В этом значении эта форма встречается уже в «Сёмоно».[1]

Вторая основа *тари* в старояпонском языке употреблялась только для присоединения временны́х суффиксов (*тарики*,

---

[1] См. . . Юдзава. Муромати. . . , стр. 172.

тарикэри); в памятниках XIV—XV вв. она функционирует самостоятельно как срединное сказуемое.

1. *Ёй моно-то мо* **миэтари** *варуи моно-то мо миэта дзо* (С. Ю, 173) ‘Это **казалось** и хорошим, казалось и плохим’.

2. *Оганэ-о* **итари** *киндзин-о дзюни цукурита дзо* (С. Ю, 173) ‘**Расплавили** большой колокол и сделали двенадцать металлических статуй’,

В это же время уже встречается использование второй основы суффикса в значении указания на параллельные действия. В этих случаях конечное сказуемое характеризуется обычно модальной формой *нандо суру*.

3. *Соно ёни* **хиситари киндзитари** *нандо сёдзу кото-дэ-ва най дзо* (С. Ю, 173) ‘Вовсе уж не так **скрывает** и не **запрещает** это’.

Это употребление *тари* уже близко к тому чисто видовому значению, которое оно имеет в современном языке, где оно служит для выражения участительного или перемежающегося действия (ср. *ёндари кайтари ситэ иру* ‘то читает, то пишет’; *одоттари утаттари ситэ иру* ‘то пляшет, то поет’).

Третья и четвертая основы *та* могут служить как заключительной, так и определительной.

1. *Коно токи-ни* **атта** *кото-о сирусу дзо... Корэ-ва* **атта** *кото дзо* (С. Ю, 170) ‘Отмечаем то, что **было** в то время... Это то, что **было**’.

2. *Кансё-ни-ва кодзи-о* **кэдзутта** *дзо* (С. Ю, 171) ‘В китайских текстах **вычеркнул** разметку параграфов’.

3. *Варэ-га* **цурэта** *кяку-то аитомони* (С. Ю, 171) ‘Вместе с гостем, которого я привел’.

4. *Дзёсё то ю кото-ва Син-кара* **хадзиматта** *дзо* (С. Ю, 171) ‘[Должность] министра-регента **была установлена** с [эпохи] Цин’ (дословно: ‘началась с Цин’).

5. *Но, но, сорэгаси-га* **дэта**-*мадэ-ва, симэкадзари-кадомацу-га* **накатта** *га, има-ва...* (Кг, I, 4) ‘Нет, нет! До моего ухода (‘до того, как я **ушел**’) ведь [перед домом] **не было** никаких новогодних украшений, а теперь...’.

6. *Ха, ико* **нэта** *кото кана. Макура сагарини* **нэта** *ка ситэ, ха, као-га омо годзару* (Кг, I, 18) ‘Ах, здорово **поспал**! Что-то лицо [у меня] отяжелело. Не оттого ли, что голова **лежала** слишком низко?’.

7. *А, ия,* **куймасита, куимасита** (Кг, I, 48) ‘Ах, вот **поел** так **поел**!’.

8. *Ха, а, ико* **ёта** *кана* (Кг, I, 17) ‘Ну и здорово же [я] **напился**!’

9. *Ия, корэ-ва орэ-га они-ни* **наттагэна** (Кг, 1, 18) ‘Нет, это, кажется, я **превратился** в демона!’.

Пятая основа *тарэ* служит для образования уступительного и условно-временно́го наклонений.

1. *Хито-то нака-о* **таготарэдомо** *хито-но акумё-о-ба татэну дзо* (С. Ю, 174) ‘**Даже будучи в плохих** отношениях с кем-либо, не следует порочить данного человека’.

2. *Маппиру-ни* **наттарэба** *ягата хи-га сагару дзо* (С. Ю, 174) ‘**Наступил** полдень, и вскоре солнце стало клониться к закату’.

Несколько иной вид имеет спряжение суффикса прошедшего времени в современном языке.

Среди живых активных основ, объединенных значением прошедшего времени, остаются, в сущности, всего лишь две: *тара* и *та*. Основа *тари* совершенно выпадает из системы времен; формы *тарэба* или *тарэдомо* звучат несколько книжно.[1]

Японские грамматисты склонны рассматривать *та* как спрягаемый суффикс, подходя к этому вопросу с генетической стороны. Нам думается, однако, что для современнного языка включение *та* в одну парадигму с *тари*, как это делает, например, Киэда, является излишней архаизацией.

Интересно отметить, что семантическая эволюция в системе видо-временных форм сказалась не только на суффиксе *та*, но и на тех суффиксах староя́понского языка, которые используются в современном письменном стиле. Так, Киэда указывает на то, что суффиксы *цу*, *ну*, *тари*, *ри* в современном письменном стиле выражают прошедшее время, а не перфект, как некогда; из показателей видо-временных они превратились во временные, нейтральные в видовом отношении.[2] Явление это очень знаменательно, так как ярко свидетельствует о связи письменного стиля с общенародным языком. Вообще нам думается, что письменный стиль еще недостаточно изучен как в историческом аспекте, так и в современном его использовании.

Уже в староя́понском языке начинают постепенно развиваться фонетические явления, сопровождающие присоединение суффикса *тари* (*та*) ко второй основе. Эти фонетические явления обнаруживаются и при присоединении ко второй основе суффикса деепричастия *тэ*. Как было сказано выше (стр. 37), в результате этого образуется особая основа прошедшего времени.

Самые ранние памятники, в которых встречаются первые еще очень малочисленные примеры, относятся уже к X в. Не все типы основ при этом развиваются одновременно.

---

[1] См. К и э д а. Кōтō кōгохō кōги, стр. 322—325.
[2] Там же, стр. 330.

I. Глаголы с согласным *к* в последнем слоге основы (тип *каку*, *аруку*) характеризуются выпадением *к* перед *тари*, *та*, а также *тэ*.

1. *Сатэ* **икэмэита** *кубомари мидзудзукэру токоро ари* (Тн, начало X в.).[1] ‘Там было место, **похожее** на пруд, углубленное и наполненное водой’ (*икэмэку* ‘походить на пруд’).

2. *Кэса* **саитару** *хацухана-ни* . . . (Саибара, X в.) ‘Первым цветам, **расцветшим** сегодня утром . . .’ (*саку* ‘цвести’).

II. Выпадение звонкого *г* в последнем слоге основы встречается гораздо позже, в памятниках XII в. Так, в «Дōмō сёин» приводится форма *тоидэ* от *тогу* ‘полировать’.

3. *Хитобито* **ноносирисаваидэ** *моно-но аварэ мо самуру ходо нари* (Хōбуцусю) ‘Все так **кричали и шумели**, что всякое очарование исчезло’ (*ноносирисавагу* ‘кричать и шуметь’).

III. Глаголы с палатализованным *с* в последнем слоге основы характеризуются выпадением *с* перед *тари* > *та* (а также *тэ*).

4. *Сёсё* **фуитари** (Удзубо-моногатари, X в.) ‘Лейтенант лежал’ (*фусу* ‘лежать’).

5. **Обосимэитэ** *нотамавасуру-ни косо амэрэ* (Там же) ‘Видимо, говорит **обдумав**’ (*обосимэсу* ‘[по]думать’).

Современный японский литературный язык, как известно, сохраняет это *с*: *обосимэситэ*, *фусита*, тогда как форма без *с* характеризует собой западные диалекты.

IV. Глаголы с выпавшим **F* основы характеризуются долгим *о* в деепричастии и прошедшем времени.

6. *Сакэ-о табэтэ* **табэётэ** (Саибара). ‘Выпив сакэ и **опьянев**’ (*ёу* < *ёфу* ‘опьянеть’).

Форма эта в настоящее время характерна для кансайского диалекта, тогда как литературный язык характеризуется наличием долгого (точнее — геминирующего, т. е. двухвершинного) согласного; так, кансайскому *омōтэ* (от *омоу* ‘думать’) противопоставляется литературное *омоттэ*; кансайскому *кōтэ* (от *кау* ‘покупать’) — литературное *каттэ*. То же и в прошедшем времени. Форма с геминирующим *т* отмечается уже в старояпонском, но позднее, чем форма с долгим гласным. Так, в «Дōмō сёин» (XII в.) от *утау* ‘петь’ дается форма *утаттэ*, в «Хōбуцусю» от *ситагау* ‘следовать’ — форма *ситагаттэ*.

При этом необходимо иметь в виду первоначальное отсутствие соответственного графического знака для передачи геминант и своеобразную, в связи с этим, транскрипцию, без

---

[1] Все примеры цитируются по: Ёсидзава. Кокугоси. . ., глава «Онъин-но тайка», стр. 98 и след.

привычного в настоящее время знака *цу*. Так, например, деепричастие от *цукуроу* вместо *цукуроттэ* транскрибировалось в виде *цукурōтэ*, т. е. с кратким *т*. В этом отношении показательна транскрипция в «Хэйкэ-моногатари», изданнном Ямада Ёсио.

V. Глаголы с губным носовым *м* в последнем слоге основы дают перед *тари* > *та* (а также перед *тэ*) в результате ассимиляции переднеязычный носовой *н*.

При этом конечный гласный основы *и* выпадает, а начальный согласный суффикса озвончается.

7. *Тэ-о киру-киру* **цундару** *на-о*... (Тн) 'Те травы, что [я] **собрала**, раня себе руки...' (*цуму* 'рвать').

Так обстоит дело и в современном литературном языке.

Однако наряду с этим возможна форма и с долгим гласным.

8. *Кандзинтё̄-о хикихирогэтэ, такараками косо* **ёдарикэрэ** (Х), 'Раскрыв тетрадь с дарственными записями, стал громко **читать**' (*ёму* 'читать').

Обе формы параллельно используются еще с «Сёмоно», как на то указывает Юдзава, при этом нередко в одном и том же памятнике и от одного и того же глагола.

VI. Глаголы с *р* в последнем слоге основы дают перед *тари* > *та* (а также перед *тэ*) в результате ассимиляции *т* (*р* > *т*). При этом конечный гласный основы *и* выпадает.

Так, в «Дōмō сёин» (XII в.) от *мурагару* 'собираться стаей' отмечается форма *мурагаттэ*. Ёсидзава относит появление этой формы уже к концу X века. (Сделанное выше замечание о транскрипции относится к данному случаю также).

VII. Глаголы с *б* в последнем слоге основы встречаются перед *тари* > *та* (а также перед *тэ*) в двух формах: а) с носовым *н* в результате ассимиляции *б* (*б* > *н*); при этом конечный гласный основы *и* выпадает; б) с долгим гласным. То же и в современном литературном языке. В обоих случаях начальный согласный суффикса озвончается.

а) В «Дōмō сёин» от *тобу* 'летать' дается форма *тондэ*; от *асобу* 'играть' — *асондэ*.

б) В «Хэйкэ-моногатари» от *синобу* 'таиться' дается форма *синōдэ*.

9. *Дайнагон-но кита-но ката-ва, мияко-но хокудзан Уринъин-но хэн-ни* **синōдэ** *овасикэру га* 'Супруга советника **тайно** отправилась в храм Уринъин, [расположенный] на горе Китаяма у столицы'.

VIII. Глаголы с *т* в последнем слоге основы после выпадения конечного гласного ее дают геминирующее *т*.

10. *Онооно-но юми-о тотэ я-о* **ханаттэ** *хасэтигау* (Км) ‘Каждый из них взял свой лук и, **выстрелив**, [они] разъехались’ (*ханацу* ‘стрелять’).

(Сделанное выше замечание о транскрипции геминант относится и к данному случаю также).

IX. Позднее всего (не ранее конца XIV века) выпадает конечный гласный *и* у глаголов с *н* в последнем слоге основы. Выпадение сопровождается озвончением начального согласного суффиксов *та* и *тэ*.

11. *Хōю* **синдэ** *ёран токоро наси* (Кана ронго) ‘Друг **умер** и не на кого положиться’ (*сину* ‘умирать’).

12. *Коно цуруги-ва* **тондэ инда** *то ю дзо* (Сикисё) ‘Говорят, что этот меч **улетел**’ (*ину* ‘уходить’).

Позже всего (начиная с XIV в. в «Сёмоно») отмечается в памятниках переход *ики* в *ит* у глагола *ику* ‘уходить’.

13. *Доко-э* **иттэ** *мо огоритэ хито-о анадоритэ* (Сикисё) ‘Куда бы ни **пошел**, всюду хвастает и всех презирает’.

Как видим, в результате этого перехода образуется геминирующее *т*. Наряду с этим встречаются, однако, примеры без геминирующего *т* (*итэ*, *ита*), что характерно для западного диалекта и в наше время.

Из всего сказанного выше мы видим, как медленно и постепенно развиваются флективные глагольные формы, т. е. формы, характеризуемые стяжением основы с суффиксом в результате ряда фонетических процессов, прежде чем стать господствующими в языке XV—XVI вв. Интересно, что в это время флексия проявляется не только в области прошедшего времени, выраженного новым суффиксом *та*, но и в тех случаях, когда используются временны́е и видо-временны́е суффиксы старого языка.

Суффикс *та* со значением прошедшего времени может сочетаться с другими суффиксами времени, образуя сложный суффикс.

I. Сочетание *та* с суффиксом прошедшего времени *кэри* (в форме *кэру*): *такэру*. Синтаксическая функция этой формы ограничивается выражением конечного сказуемого. Она часто встречается в восклицательных и вопросительных предложениях. Значение ее совпадает со значением суффикса *та*.

Сэцуряку-ситэ сё то ва си **омоттакэру** *ка дзо* (С. Ю, 183) ‘**Думал** ли сократить?’.

II. Сочетание *та* с суффиксом прошедшего времени *ки* (в форме *си*): *таси*. Эта форма выполняет как функцию определения, так и конечного сказуемого. Означает прошедшее время.

1. **Киринокоттаси** *ки* (С. Ю, 184) ‘**Несрубленное** дерево’.

2. *Кансё-ни-ва . . . кōсю то ю то* **тюситаси** *то обоюру дзо* (С. Ю, 184) ‘Помнится, что **отмечено**, что в Хань-шу это называется *косю* (‘государыня’). . .’.

Оба суффикса как *кэру*, так и *си*, уже не спрягаются.

Суффикс *ри* синонимичен суффиксу *тари*. Он имел, однако, гораздо более узкое хождение, так как использовался только в отношении глаголов первого спряжения (глаголы с четырехступенным аблаутом). Способ наращивания этого суффикса не столь прозрачен и отчетлив, как всех других суффиксов. Если все остальные временны́е и видовые суффиксы агглютинируются ко второй основе всех глаголов без исключения, то суффикс *ри*, повидимому, присоединяется к пятой основе глаголов первого спряжения (если исходить из парадигмы старояпонского языка), иначе — к основе, характеризуемой гласным *э*. (Этимологию этой формы, предложенную японскими лингвистами, мы в данном случае опускаем, как гипотетическую). Таким образом глагол *ёму* дает *ёмэри*, *каку* — *какэри*, *тобу* — *тобэри* и т. п.

Примечание. Форму эту, омонимичную потенциалису, путать с последним тем не менее нельзя, так как хронологически они не совпадают друг с другом. Форма на *ри*, видовая, принадлежит старояпонскому, форма на *ри*, потенциальная, принадлежит средне- и новояпонскому.

Японские грамматики дают для старояпонского полную парадигму спряжения, сходную со спряжением глагола *ари*: 1 *ра*, 2 *ри*, 3 *ри*, 4 *ру*, 5 *рэ*. Чаще всего, однако, в текстах встречаются основы *ри* и *ру*.

1. *Ода-но кōри-ни куганэ идэтари то мōситэ* **татэмацурэру** (М, № 11, 777) ‘Доложив о том, что в уезде Ода обнаружилось золото, **преподнес** [его]’.

2. *Коко-о мотэ нори-о кангауру ни мина коросу цуми-ни* **атарэри** (Мн, № 19, 394) ‘Поэтому, когда справились в законе, [оказалось, что] все они **подлежат** смертной казни’.

3. *Гонин-но хито-но нака-ни юкасики моно* **мисэтамаэраму**-*ни онкокородзаси масаритари тотэ, цукōмацураму*. . . (Т, 4) ‘Если из пяти человек [кто-нибудь] **покажет** [мне] желанное, то [за того] я выйду замуж, решив, что его намерения лучше, чем у других’.

4. *Бō-ни мо, ёсэдзуба коно мико-но итамаубэкинаммэри то, ити-но мико-но нёго-ва* **обосиутагаэри** (Г, I, 3) ‘И наследным принцем, пожалуй, если не принять меры, может оказаться

этот принц [Гэндзи], — **с подозрением думала** мать первого принца'.

5. *Нанигасимару-ва цука-о угатитэ ōку-но такара-о* **хакобиторэру** *нари* (Км, I, 334) 'Некто разорил курган и **достал** [оттуда] большое сокровище'.

6. *Варэ... дзō-но суму хаяси-о* **сирэри** (Км, I, 348) 'Я **нашел** лес, в котором живут... слоны'.

7. *Имава мукаси, Синтан-но Син-но Сиō токи-ни Тэндзику-ёри сō* **ватарэри** (Км, I, 358) 'Некогда в годы Сиō в [эпоху] Цин в Китай из Индии **явился** монах'.

8. *Коно куни-но тэннō одороки савагитэ икуса-о ацуму то иэдомо, икуса-но кадзу харукани* **оторэри** (Км, I, 325—326) 'Король этой страны испугался и разволновался и стал собирать солдат, но число их **оказалось** куда **меньше**'.

Как уже указывалось выше, суффикс *ри* с видовым значением не встречается ни в «Кёгэнки», ни в «Сёмоно».

Выше в кратких чертах было дано описание видовых и временны́х форм японского языка в их историческом развитии. Совершенно очевидно, что развитие глагольных категорий не прекращается с языком XVI в. Однако мы могли лишь бегло отметить основные тенденции, так как проблема глагола в современном языке требует совершенно особого, углубленно́го изучения.

Для иллюстрации функции видо-временны́х суффиксов в старояпонском языке лучше всего использовать связный текст, в котором наглядно видно как соотношение грамматических форм, так и их значение. Ниже приводим полностью один небольшой эдикт (№ 30), снабдив его соответственным комментарием.

'*Фунэ-но мико-ва, нагацуки-но ицука-но хи-ни Накамаро-то футари* **хакарикэраку**: «*фуми цукуритэ микадо-но тога кадзоэтэ* **татэмацураму**» *то* **хакарикэри**. *Мата Накамаро-га иэ-но моно кадзоуру-ни, фуми-но нака-ни Накамаро-то* **каёвасикэру** *хакаригото-но фуми* **ари**. *Коко-о мотэ мико-но на-ва кудаситэ соō то наситэ Оки-но куни-ни* **нагаситамау**. *Мата Икэда-но мико-ва коно нацу мма ōку цудоэтэ кото хакару то* **кикосимэсики**. *Какару кото амата таби* **мōсэри**. *Коко-о мотэ мико-но на-ва кудаситамаитэ соō-то ситэ Тоса-но куни-ни* **нагаситамау** *то* **норитамау** *ōмикото-о, кикосимэсаэ то* **нору**' (Мн, № 30, 813) 'Принц Фунэ-но мико в пятый день девятого месяца вместе с Накамаро вот что **замыслил**: посланье составив, вины экс-императрицы [в нем] перечислив, **преподнесем** [государю], — так [они] **замыслили**. Кроме того, при учете имущества Накамаро [обнаружилось, что] среди документов

имеются заговорщические письма [принца], которыми он обменивался с Накамаро. Посему, лишив принца его титула мико и превратив в «принца, лишенного ранга» (*соо̄*), ссылаем [его] в провинцию Оки. Кроме того, [мы] **услыхали**, что принц Икэда-но мико этим летом, собрав много лошадей, стал злоумышлять. О таких делах [нам] часто **докладывали**. Посему, лишив принца его титула мико и превратив в «принца, лишенного ранга», **ссылаем** [его] в провинцию Тоса.— Так **гласит** повеление — ему же внимайте — так **возглашаю**'.

Прежде чем перейти к лингвистическому анализу данного текста, необходимо в нескольких словах раскрыть историческую ситуацию, о которой идет речь.

События, отраженные в приведенном выше царском эдикте, относятся ко второй половине VIII в. и связаны с царствованием императора Дзюннин, вступившего на престол после отречения и пострига императрицы Кōкэн. Соперничество ее фаворита — монаха Дōкё с министром государя Дзюннин — Фудзивара Накамаро вынудило последнего устроить заговор против Кōкэн и Дōкё. Восстание, поднятое им, было подавлено, сам он убит в Ōми в 764 г. Под влиянием Дōкё Кōкэн снова вернулась на престол, а Дзюннин оказался низложенным и сосланным на остров Авадзи, где вскоре и умер. В связи с событиями, ознаменовавшими последние годы его жизни, он известен также под именем Авадзи-Хайтэн, т. е. 'низложенный государь из Авадзи'. Принцы Фунэ-но мико и Икэда-но мико, упомянутые в тексте, были старшими братьями Дзюннина. Обвиненные также в заговоре, они разделили его судьбу.

Использованный нами эдикт в кратких словах, очевидно, подводит итоги этой политической борьбы и раскрывает те меры, которые были предприняты для упрочения власти Кōкэн и ее фаворита Дōкё. Как и все «Микотонори», он был составлен для обнародования, в связи с чем и кончается традиционной формулой: *то норитамау ōмикото-о, кикосимэсаэ то нору* 'так гласит повеление — ему же внимайте — так возглашаю'.

В самом начале текста, в зачине, в котором дается экспозиция, использован суффикс *кэри*: *хакарикэраку* как сказуемое, предваряющее прямую речь, и тот же глагол *хакарикэри* как заключающий прямую речь. Подобного рода обрамление вообще характерно для передачи прямой речи в старом языке; здесь необходимо только отметить особую форму глагола говорения и думания, указывающую на включение прямой речи, — это форма с суффиксом *ку*, наращиваемым на первую

основу: *кэра + ку*. *Хакарикэраку* и *хакарикэру* указывают своей формой *кэри* на событие, относящиеся к прошлому, легшее в основу всего дальнейшего. В плане этого прошлого несомненно могло быть нечто, еще не совершившееся и относимое тем самым к будущему. Так, принц и Накамаро предполагали представить двору обвинение против Кōкэн. Это действие (*татэмацураму*), еще не совершенное и лишь намечаемое на будущее, характеризуется соответственно суффиксом *му*: *микадо-но тога кадзоэтэ татэмацураму* ‘вины [экс] императрицы [в нем] перечислив, преподнесем [государю]’. Факты более близкого прошлого, непосредственно вытекающие из заговора и объясняемые им, характеризуются суффиксом прошедшего времени *ки*: *Икэда-но мико-ва коно нацу мма ōку цудоэтэ кото хакару то кикосимэсики* ‘[мы] услыхали, что принц Икэда этим летом, собрав много лошадей, стал злоумышлять’.

Сведения об этом сообщались неоднократно, и результат этого действия «докладывать» оказался налицо, отсюда форма перфекта на *ри*: *какару кото амата таби* **мōсэри** ‘о таких делах [нам] часто **докладывали**’. Бессуффиксальная форма (третья основа глагола) используется и в значении настоящего времени и в значении будущего. Так, когда речь идет о письмах, найденных у Накамаро, поскольку эти письма и сейчас налицо, говорится: *хакаригото-но фуми* **ари**, ‘**имеются** заговорщические письма’. Наказание, которому собираются подвергнуть принцев, передается также бессуффиксальной формой: *Тоса-но куни-ни* **нагаситамау** ‘**ссылаем** [его] в провинцию Тоса’. И наконец, самый момент возглашения царского эдикта точно так же передается через посредство той же бессуффиксальной формы: *ōмикото-о кикосимэсаэ то* **нору** ‘повелению внимайте — так **возглашаю**’.

В цитированном выше тексте, следовательно, выражены: давнопрошедшее, прошедшее, прошедшее совершенное, будущее и настоящее. Давнопрошедшее выражено суффиксом *кэри*, простое прошедшее — суффиксом *ки*, прошедшее совершенное — суффиксом *ри*, будущее — суффиксом *му* и бессуффиксальной (по определению школьной грамматики — третьей) основой. Настоящее выражено той же бессуффиксальной формой.

В данном тексте по ходу изложения использованы, как мы видим, не все видо-временны́е формы, уже существовавшие в то время в языке, — так, отсутствуют суффиксы *тари* и *цу*, но зато хорошо видно соотношение всех форм и, в частности, значение суффикса *кэри*, как бы обрамляющего все повествование.

IV. СЛОЖНЫЕ СУФФИКСАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Видовые суффиксы *тари*, *ри*, *цу*, *ну* могли комбинироваться с временны́ми суффиксами *ки*, *кэри*, *му* и между собою. В этом случае их видовое значение обнаруживается ярко.

Как правило, видовой суффикс идет на первом месте, временно́й следует за ним; однако бывают и отклонения. Отсюда получаются такие комбинации, как *тэки*, *ники*, *рики*, *тарики*, *тэкэри*, *никэри*, *рикэри*, *тарикэри*, *тэму*, *наму*, *раму*,[1] *тараму*.

Сочетания *тари* с временными суффиксами

I. *Тари* в сочетании с суффиксом *ки*.

1. *Кавагоромо-ва хи-ни кубэтэ* **якитарисикаба** *мэрамэрато якэнисикаба*, *Кагуяхимэ аитамавадзу* (Т, 15) ‘Когда шубку положили в огонь и **подожгли**, она с треском сгорела, поэтому Кагуяхима и не встретилась [с женихом]’.

II. *Тари* в сочетании с суффиксом *кэри*.

2. *Акутагава-то ю кава-о икикэрэба*, *куса-но уэ-ни* **окитарикэру** *цую-о*, *«карэ-ва нани дзо» то наму отоко-ни тоикэру*. (И, 39) ‘Когда [они] переправились через реку Акутагава, она спросила его о росе, **лежавшей** на траве, — что это?’.

3. *Тадзуна-о мма-но югами-ни сутэ*, *харуби-о тоитэ дзо* **симэтарикэру** (Х, 334) ‘Бросив поводья на гриву лошади, [он] ослабил и **укрепил** подпругу’.

III. *Тари* в сочетании с суффиксом *му* (бу́дущее время).

4. *Тацу-но куби-ни госики-но хикари ару тама анари; сорэ-о торитэ* **татэмацуритараму** *хито-ни-ва*, *нэгаваму кото-о канаэму* (Т, 14) ‘На шее дракона имеется пятицветная сверкающая драгоценность. Тому, кто **достанет** ее, сделаю то, о чем [он] попросит’.

Особенно отчетливое видовое [а не временно́е] значение приобретает *тари* в сочетании с суффиксом *му* в том случае, если в этом контексте *му* указывает на будущее время, а не на вероятность.

IV. Особо следует отметить сочетание *тари* с суффиксом *цу*.

5. *Отикубо-о*, *сасинодзокитарицурэба*, *ито таномисукунагэнару сироки авасэ хитоцу-о косо*, **китэ итарицурэ** (О, 348) ‘Когда [он потихоньку] заглянул к Отикубо, [оказалось что] на ней **было надето** лишь одно белое мало надежное (в смысле

---

[1] Не следует путать это *раму*, восходящее к первой основе от суффикса *ри* + *му* и наращиваемое соответственно на основу с огласовкой на *э* глаголов первого спряжения, с *раму* модальным, наращиваемым на третью основу любых глаголов.

тепла.—*Е. К.*) авасэ' (ср. перевод на современный язык: *има Отикубо-о тётто нодзоитэ мита-н да га, татта хитоцу сирои авасэдакэ-о китэита ё*).

Аналогичные примеры приводит и Ямада.

6. *Ситаригао- ни* **обоситарицуру** *мо ито никуси* (Идзуми сикибу никки)[1] 'Было очень досадно, что [он, она?] имел самодовольный вид' (дословно: 'думал с самодовольным видом').

7. *Томинару мэсицукаи-но* **киаитарицурэба** *наму* (Кагэрō никки)[1] 'Так как **повстречался** со срочным курьером'.

Указанная форма не встречается в более ранних памятниках. Она свидетельствует, повидимому, о тех изменениях, которым постепенно начал подвергаться суффикс *тари*, превратившийся из показателя видо-временно́го в показатель прошедшего времени.

Сочетания *ри* с временны́ми суффиксами

V. *Ри* в сочетании с суффиксом *кэри*.

1. *То* **иэрикэрэба**... (И, 21) '**Так как сказал**, то...'.

VI. *Ри* в сочетании с суффиксом *му*.

2. *Гонин-но хито-но нака-ни юкасики* **мисэтамаэраму-ни**, *онкокородзаси масаритари тотэ, цукōмацураму* (Т, 4) 'Если из пяти человек [кто-нибудь] **покажет** [мне] желанное, то [за того] я и выйду замуж, решив, что его намерения лучше'.[2]

Сочетание *цу* с временны́ми суффиксами

VII. *Цу* в сочетании с суффиксом *ки*.

1. *Хаё мигуси* **ороситамаитэки** (Ямато-моногатари)[3] 'Поскорее **принял** постриг'.

2. **Сугуситэси** *мукаси-ва мата мо каэрикинамаси* (Кс)[3] '**Ушедшее** ('было') ах, если б возвратилось вновь'.

VIII. *Цу* в сочетании с суффиксом *кэри*.

3. *Арудзи* **юруситэкэри** (И, 3) 'Хозяин **разрешил**'.

4. *Хая ёру мо акэнаму то омоицуцу итарикэру-ни, они хая онна-о-ба хитокути-ни* **куитэкэри** (И, 39) 'В то время как [он] думал, что вот уже скоро рассвет, черти уже одним глотком ее **проглотили**'.

5. *Аварэби-но кокоро-о хасситэ татиматини Хоккэкё̄-о сёся-ситэ, ано Дōмэй-га тамэ-ни* **куё̄-ситэкэри** (Км, I, 474) 'Восчувствовав жалость, вдруг переписал сутру «Лотоса чудесного закона» и **отслужил** панихиду по этому Дōмэй'.

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё̄..., стр. 254

[2] Примеры на сочетание *ри* с *ки* в наших материалах отсутствуют.

[3] Цит. по: Ямада. Хэйантё̄..., стр. 241.

6. *Наниготомо Рокухараё то* **иитэкэрэба**, *иттэн сикай-но хито мина корэ-о манабу* (X, 7) ‘Стоило только **сказать** о чем бы то ни было, что это стиль Рокухара, как все на свете этому начинали подражать’.

IX. *Цу* в сочетании с суффуксом *му*.

7. *Синитэ ва ёки на-о токи ё-ни* **нагасаитэму** (Мн, № 45, 845) ‘Если умру, то **оставлю** о себе хорошую славу на долгие времена’.

8. *Вага юми-но тикара-ва тацу араба, футо икоситэ, куби-но тама-ва* **торитэму** (Т, 17) ‘Сила моего лука, если только попадется дракон, сразу его убьет, и [я] **добуду** драгоценность с его шеи’.

X. Особо следует отметить сочетание *цу* с суффиксом *тари*: *тэтари*.

Значение этой формы, очевидно, результативное. Интересно, что в двух примерах, встречающихся в «Гэндзи-моногатари» (глава «Кирицубо») использованы одни и те же глаголы. Вот один из этих примеров:

9. *Гэндзи-ни наситатэмацурубэку* **обосиокитэтари** (Г, 22) ‘[Государь] **решил** даровать ему фамилию Гэн’ (дословно: ‘сделать его Гэндзи’).

Ямада не приводит эту форму ни в своей грамматике языка эпохи Нара, ни в своей грамматике языка эпохи Хэйан. Текст «Гэндзи-моногатари», имеющийся в нашем распоряжении, — это вполне критически проверенный текст, изданный таким специалистом, как Канэко Гэнсин.

Сочетания *ну* с временны́ми суффиксами

XI. *Ну* в сочетании с суффиксом *ки*.

1. *Амэ-но итаку фурисикаба* **э-майрадзу нариники** (Ямато-моногатари).[1] ‘Так как очень сильно шел дождь, то **не смог прийти**’.

XII. *Ну* в сочетании с суффиксом *кэри*.

2. *Икиои мо-но моно-ни* **нариникэри** (Т, 2) ‘**Стал** могущественным человеком’.

3. *Ороканару хито-ва, ёнаки арики-ва ёси накарикэри тотэ* **кодзунариникэри** (Т, 3) ‘Глупые люди, решив, что безрезультатные хождения бесполезны, **перестали приходить**’.

4. *Мидзу-но соко-о кугутэ* (*кугуттэ*), *мукō-ни киси-э дзо* **цукиникэру** (X, 334) ‘Погрузившись на дно, **достиг** противоположного берега’.

XIII. *Ну* в сочетании с суффиксом *му*.

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё..., стр. 254.

5. *Мото-но он-катати то наритамаинэ. Сорэ-о митэ дани* **каэринаму** (Т, 26) ‘Примите свой прежний облик! Увидев это, [я] **уйду**’.

Составной по своему происхождению суффикс *нан* (<*наму*) получил значение показателя будущего времени, без того модального оттенка, который обычно присущ суффиксу *му*. *Наму*, наращиваемое на в т о р у ю основу, указывает на будущее совершенное и категоричное (его не надо путать с суффиксом *наму*, наращиваемым на п е р в у ю основу и выражающим желательное наклонение).

Сочетания *ну* с видовыми суффиксами

XIV. Особо следует отметить сочетание *ну* с суффиксами *цу* и *тари*.

Как в грамматике языка эпохи Нара, так и в грамматике языка эпохи Хэйан Ямада приводит целый ряд примеров, иллюстрирующих использование суффикса *ну* в сочетании со второй основой суффикса *цу* (*тэ*). Значение этой формы, однако, остается неясным. Объясняется ли подобный плеоназм ослаблением значения, присущего одному из двух вышеуказанных суффиксов? Или, может быть, он служит в целях экспрессивности (условия)? Разрешить этот вопрос мы здесь не беремся, ограничиваясь лишь приведением примеров по Ямада.

1. **Вабинитэ** *нан хабэрицуру* (Уцубо)[1] ‘**Тосковал**’.

2. *Има-ва кисиката юкусаки ясуку* **омоинаринитэ** *хабэри* (Г)[1] ‘Сейчас не придавал особого значения ни прошлому, ни будущему’.

Эта же комбинированная форма может сочетаться с суффиксом прошедшего времени *ки*.

3. *Кодзо-но хару аэриси кими-ни* **коинитэси** *сакура-но хана-ва мукаэкэраси мо* (М, VIII, № 1430) ‘[Вам] навстречу как-будто [расцвели] те цветы вишни, которые **тосковали** по вас, встреченном прошлой весной’.

4. *Ōката-но мина* **арэнитарэба**, *аварэ то дзо хитобито ю* (Тн, 26—27) ‘Так как все **пришло** в полное **запустение**, то все сказали, что это печально’.

Указанная форма может сопровождаться временны́м суффиксом. Так, например, в «Макура-но сōси» встречаем: *Ёбэ-но кото-ни мэдэтэ*, **иринитарикэру намэри** (38) ‘[Он], **повидимому, проник** [в нашу комнату], восхитившись тем, что было вчера’.

---

[1] Цит. по: Я м а д а. Хэйантё. . ., стр. 244.

ГЛАВА IV

НАКЛОНЕНИЯ

«Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи».[1] В японском языке в системе наклонений формально-грамматически различаются два типа: а) наклонения, обладающие формой законченной предикации, т. е. такие, которые выступают в качестве морфологической характеристики конечного сказуемого, и б) наклонения, не обладающие формой законченной предикации. Последние выступают как морфологическая характеристика сказуемого подчиненного предложения. В этой работе рассматриваются только наклонения первого типа.

С точки зрения формальной структуры выделяются также две группы: а) такие наклонения, формы которых образуются путем агглютинирования соответственных суффиксов, и б) такие, которые характеризуются отрицательно, т. е. отсутствием специальных суффиксов наклонения. К последним принадлежат изъявительное и повелительное наклонения.

Основная масса морфологических показателей наклонений носит ярко выраженный предикативный характер. Большинство их изменяется по основам. Одни из этих морфологических элементов изменяются по типу глагола, другие (меньшинство) — по типу прилагательного. Весьма небольшое число их является неизменяемым (например, суффикс *дзи*).

---

[1] Виноградов. Русский язык. 1947, стр. 581.

В задачу исторического исследования глагольно-модальных форм входит описание системы наклонений в ее историческом движении, с учетом как морфологических, так и семантических изменений.

Ниже мы даем полный перечень суффиксов наклонения в том виде, в котором их дает японская грамматика применительно к древне- и старояпонскому языку, с тем, чтобы в дальнейшем внести в него соответсвенные изменения и поправки.[1]

Отрицательное наклонение

1 основа + *дзу, дзари*

Желательное наклонение

1 основа + *маси*
1 » + *маку* + *хору*
1 » + *му*
1 » + *на*
1 » + *наму, намо*
2 » + *косо, косу*

Вероятное наклонение

1 основа + *маси*
1 » + *му*
2 » + *наму*
3 » + *наму, намо* (только в «Адзума ута»)
3 » + *раму*
3 » + *раси*
3 » + *бэси, бэми*
3 » + *мэри*
2 » + *кэму*

Повелительное наклонение

1 основа + *нэ, ни*
1 » глагола типа *табу* (совр. *табэру*), т. е. *табэ* + а) отсутствие суффикса, б) *ё*
1 » глагола с огласовкой на *и* (тип *мотию, миру*), т. е. *мотии, ми*
5 » глагола типа *тобу*, т. е. *тобэ* + а) отсутствие суффикса, б) *ё*

---

[1] Все спрягаемые суффиксы в таблице даются в форме заключительной основы; кроме того, указан способ их присоединения к глаголу.

Запретительное наклонение

3 основа + *на* (*юмэ*)

Префикс *на* + глагол во 2-й основе + *со* (последнее факультативно).

Отрицательное вероятное

3 основа + *мадзи*, *масидзи*
1 » + *дзи*

Основное, что бросается в глаза в этой таблице, это: а) отсутствие указания на бессуфиксальную форму изъявительного наклонения; б) обилие грамматических омонимов и синонимов, грамматическую природу которых еще требуется уяснить. При этом уже беглый взгляд на приведенный выше перечень морфологических элементов подсказывает нам мысль об особых связях в системе модальных отношений японского языка. Выяснению всех этих вопросов и посвящается данная глава.

1. БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ И ВЕРОЯТНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В предыдущей главе, посвященной видо-временно́й категории, мы намеренно обошли вопрос о будущем времени, так как в японском языке оно теснейшим образом связано с модальностью. Формальная характеристика будущего времени в языке памятников VIII в. — это морфема *му*, наращиваемая на первую основу глаголов. Тип спряжения *му*, при учете его продуктивных форм в языке этого времени, дефектный: морфологически представлены всего две основы — *му* и *мэ*.

Однако синтаксически налицо три функции, так как форма *му* может выступать и как конечное сказуемое и как определение. Соответственно с этим всю парадигму можно представить в следующем виде: 3, 4 *му*, 5 *мэ*.

Истолкование значения данного суффикса вызывает особенно много разногласий среди японских лингвистов. Одни безоговорочно определяют его как показатель будущего времени.[1] Другие, например Ямада Ёсио, окончательно растворяют его в стихии модальности,[2] признавая значение будущего времени лишь за бессуффиксальной формой,

---

[1] Отиаи Наобуми. Нихон дайбунтэн. 1898, ч. II, стр. 72; Опуки Фумихико. Кō Нихон бунтэн, стр. 138.

[2] Ямада. Нихон бумпōрон, стр. 437—438.

иначе — за третьей основой. В том и в другом случае отсутствует планомерное изучение исторических материалов. Указанная форма берется как вневременная и, что весьма важно, — вне системы модально-временных отношений. Поэтому весь этот вопрос необходимо поставить заново, разрешая его на конкретном языковом материале, расположенном в определенной исторической последовательности. Ниже обращаемся к анализу примеров, взятых из памятников VIII в.

1. *Ага насэ-но микото-ва увацукуни-о сиросимэсубэси, а-ва ситацукуни-о* **сираму** (Н, 336) 'Мой старший братец будет ведать верхней страной, я же **буду ведать** нижней страной' (т. е. подземным царством).

Эти слова мифа выражают посмертное повеление богини Идзанами, совершенно неоспоримое, лишенное какого бы то ни было оттенка предположительности или вероятности. Очень показателен в этом отношении следующий пассаж из «Тосигои-но мацури» («Молитвословия об урожае»).

2. *Митоси-но сумэгамитати-но маэ-ни мōсаку: Сумэгамитати-но* **ёсасимацураму** *окицумитоси-о, танахидзи-ни минава какитари, мукамомо-ни хидзи какиёсэтэ,* **торицукураму** *окицумитоси-о, яцукахо-но икасихо-ни сумэгамитати-но ёсасимацурэба, хацухо-о-ба тикаи яокаи-ни татэмацуриокитэ, мика-но хэ такасири, мика-но хара митэ нарабэтэ, сиру-ни мо каи-ни мо татаэгото* **оэмацураму** (Н, 71) 'Перед царственными богами урожая так говорю я. Если тот рис, что царственные боги **дарują**т, тот рис, что в трудах **производят** по локти в воде, по колена в грязи, царственные боги дадут в изобильи, то колосья первые тысячным рисом, восьмисотенным рисом преподнесем и, горла кувшинов поднявши ввысь, брюха кувшинов наполнив в ряд как соком, так и верхушками, **вознесем** хвалу' (Н, 71).

Синтоистские молитвословия — «Норито», как известно, составлены в стиле заклинаний; желаемое выражает в них не просьбу, не мольбу, а излагается эпически как факт, который будет иметь место в будущем. Не предположение, а твердую уверенность, что будет именно так, а не иначе, высказывает *каннуси* 'хозяин богов', жрец, когда возглашает молитвословие; на его обязанности лежит заставить богов, чтобы свершилось желаемое. Это «психологическое воздействие» на богов и облекается в форму будущего времени. В приведенном выше отрывке, в сущности, раскрывается некая «торговая сделка» с богами: они даруют людям урожай, а люди их тогда, в свою очередь, отблагодарят; «сделка» эта потеряет свой смысл, если придать речи характер предположи-

тельности, вероятности. Суффикс *му*, таким образом, раскрывается в данном случае как выразитель будущего времени, нейтральный в модальном отношении.

В японской исторической грамматике суффиксу *му* обычно приписывают различные модальные значения. Так, например, Ōцука Эцудзō в своей грамматике, посвященной «Манъёсю», отмечает следующие значения данного суффикса: предположение (*суирё*), намерение (*кэссин*), надежда (*кибō*), возможность (*канō*), колебание (*тютё*).[1] Временно́го значения он не отмечает. Исследование конкретного материала приводит нас к убеждению в том, что подобного рода истолкование этой формы исходит из взгляда на старый язык с позиции современного. В преобладающем числе примеров, в которых современные японские грамматисты усматривают модальное значение, налицо фактически выражение желания, стремления, надежды и т. п. в виде события, совершаемого в будущем. В этом отношении стихи «Манъёсю» сходны с молитвословиями «Норито».

3. *Тадани авадзу араку мо ōку сикитаэ-но макура сарадзутэ имэ-ни си* **миэму** (М, V, № 809) ‘Давно уже [мы] не виделись [с тобой]. Не отходя от [твоей] подушки, [я] **привижусь** [тебе] во сне’.

Комментируя это стихотворение, Моримото Харукити пишет, что суффикс *му* выражает в данном случае волеизъявление автора. «*Му*, — говорит он, — обычно толкуется в значении показателя будущего времени, однако в данном случае его необходимо понимать в смысле выражения своего желания».[2]

Автор несомненно исходит из того, что с точки зрения современного человека обещание поэта звучит совершенно не реально. Однако мы полагаем, что желаемое может быть представлено как то, что реально совершится в будущем; тем большую силу оно приобретает.

4. *Тацу-но ма-о арэ-ва* **мотомэму**. *Аониёси Нара-но мияко-ни* **кому** *хито-но тани* (М, V, № 808) ‘Лошадь-дракона я **поищу**, все для того, кто **прибудет** в стольный град Нара’.

Форму *мотомэму* Ōцука толкует в модальном, а не временном значении,[3] очевидно полагая, что не всякое обещание

---

[1] Ōцука Эцудзō. Бумпō-ни риккяку-сэру Манъёсю-но кэнкю, т. I, стр. 513—514. Далее: Ōцука. Бумпō-ни риккяку . . .

[2] Моримото Харукити. Манъёсю сōсяку, т. III, стр. 40.

[3] Ōцука. Бумпō-ни риккяку . . ., т. II, стр. 111.

действительно осуществляется. Однако для подобного рода истолкования никаких объективных данных нет.

Все подобного рода случаи убеждают нас в том, что к объяснению этой формы, данному в японских грамматиках, необходимо подходить с сугубой осторожностью. Эти объяснения обычно страдают чрезмерной психологизацией.

5. *Окина-но* **мōсаму** *кото кикитамаитэму я* (Т, 3) ‘Разве [ты] не послушаешь то, что я **скажу?** (то, что скажет старик)’.

6. *Окина, «томарэ какумарэ* **мōсаму**» *тотэ* (Т, 5) ‘Старик сказал: «Так или иначе **скажу**»’.

7. *Сиси-о утитатэмацуритэ соно сё̄-о* **кōмураму** (Км, I, 293) ‘Убив льва, **получу** за это вознаграждение.’

8. *Нандзи, хи-о эму то омоваба мадзу вага сицу-о нанамэгури маварубэси. Соно ноти-ни хи-о* **атаэму** (Км, 303) ‘Если ты хочешь получить огонь, то прежде всего семь раз обойди вокруг моей кельи. После этого [я] **дам** тебе огонь’.

9. *Сигэтада сэбуми* **цукамацураму** (Х, 334) ‘[Я] Сигэтада **перейду** вброд’.

10. *Кисо саба-но ками сайго-но итома* **мōсан** *тотэ, ин-но госё̄ Рокудзё̄доно-э хасэмаиру* (Х, 335) ‘Кисо, начальник левой кавалерии, поспешил во дворец экс-императора в Рокудзё̄ для того, чтобы **сказать** последнее прости’.

11. *Канэхира-ва коно катаки* **фусэгисōраван** (Х, 341) ‘Канэхира **преградит** путь врагам’.

Все эти и подобные им примеры указывают на то, что в старояпонском языке суффикс *му* наряду с модальными значениями (о которых ниже) имел и временно̀е значение.

Бессуффиксальная форма если и использовалась изредка, то, повидимому, со значением того, что называется моментальным будущим. Очень показательно в этом отношении одно место из «Такэтори-моногатари», встречающееся в главе, в которой описываются приключения хитроумного принца Курамоти.

12. *Курамоти-но мико-ва . . . ōякэ-ни-ва, «Цукуси-но куни-ни юами-ни* **макараму**» *тотэ, итома мōситэ, Кагуяхимэ-но утини-ва, «Тама-но эда тори-ни наму* **макару**» *то ивасэтэ кударитамау . . .* (Т, 6) ‘Принц Курамоти . . . во дворец сообщил: «**Поеду** на горячие источники в Цукуси» и попросил об отпуске, а в дом Кагуяхимэ послал сказать: «Я **уезжаю** за драгоценной веткой». С этими словами [он] отбыл.

Форма *макараму*, как будущее, противопоставляется форме *макару*, выступающей в значении моментального будущего.

Уже в памятниках IX в. («Такэтори-моногатари») встречаем форму *ндзу*, в основе которой лежит суффикс *му*.

В конце X в. Сэйсёнагон в «Макура-но сōси» со свойственными ей пуристическими тенденциями осуждает тех, кто использует такие формы будущего времени, как *ивандзу* (от *иу* ‘говорить’), *идэндзу* (от *идзу* ‘выходить’). В особенности она протестует против использования подобных форм в письменном стиле.[1] Тем самым она подтверждает наличие указанных форм в конце X века. Этимологически данные формы восходят к сочетанию суффикса *му* с *то су* (современное *то суру*): *иваму то су* ‘собираться (намереваться) сказать’, *сасэму то су* ‘собираться заставить сделать’. *Мутосу* вполне закономерно дает *ндзу* при пропуске *то* и контаминации носового со следующим за ним глухим спирантом.

Допуская составную форму на *му(н) то су*, автор «Записок у изголовья» пытается изгнать производную от нее форму *ндзуру*, считая ее нелитературной и вульгарной. Форма эта тем не менее, как мы только что сказали, была представлена уже в таких памятниках, как «Такэтори-моногатари», а также в «Тоса никки», в значении будущего времени.

1. *Кано мото-но куни-ёри, мукаэ-ни, хитобито,* **мōдэкондзу** (написано: *комузу*) (Т, 28) ‘Из той прежней моей родины **прийдут** навстречу [мне] люди’.

2. *Коно утануси, «мата* **макарадзу**» *то ицтэ татину* (Тн, 6) ‘Этот стихотворец удалился со словами: «снова **вернусь**»’.

Форма *макарадзу* восходит в данном случае к *макарандзу*. Таким образом, *дзу* здесь не суффикс отрицания, так как конечный носовой в эту эпоху нередко еще не отмечался в письме.

В литературных памятниках X в. эта форма, как мы видели, встречается еще очень редко. Гораздо чаще она встречается в «Хэйкэ-моногатари».

3. *Ицумо вадонобара-ва, Сигэтада-га ёнару моно-ни косо* **тасукэрарэндзурэ** (X, 335) ‘Всегда **вас спасет** такой, как [я] — Сигэтада’.

Примечание. *Ндзурэ* вместо *ндзу* зависит от наличия в предложении усилительного *косо*.

4. *Кураса-ва кураси икага* **сэндзуру** (X, 351) ‘Темным-темно, **как [нам] быть?**’ (как нам **поступить?**, что **будем делать?**).

5. *Канарадзу мити-э идзёдзуру дзо* (X, 354) ‘Непременно **выйдешь** на дорогу’.

---

[1] Сэй сёнагон. Макура-но сōси. Изд. Канэко Гэнсин, стр. 1002.

Идзёдзуру — форма будущего времени от *идзу* (*идэру*). Если исходить из данных исторической фонетики, относящей появление аффрикат к языку XIV—XV вв., то для эпохи «Хэйкэ» (XIII в.) очевидно необходимо будет принять чтение — *идёзуру*, т. е. с палатализованным смычным, или *идэузуру*, если переход *эу* > *ō* еще не произошел.

В памятниках XIV—XV вв. встречается уже преимущественно форма, которая является результатом развития *идзу*. Ее-то и отражают фарсы (кёгэны). Форма эта характеризуется долгим гласным в ауслауте глагольной основы (вместо носового ауслаута) и факультативностью *дзу* или *дзуру*.

Так для глаголов первого спряжения возникает форма *ō*[*дзу*]||*о*[*дзуру*]. Например: *яку—якō*[*дзуру*] или *якō*[*дзу*]; *тору — торō* ~ *торō*[*дзуру*] или *торō*[*дзу*], *ёму — ёмō*[*дзуру*] или *ёмō*[*дзу*]. Факультативность *дзу*[*дзуру*] есть тот один небольшой шаг, который отделяет эту форму от современной, представленной просто *якō*, *торō*, *ёмō* и т. п.

Глаголы второго и третьего спряжений выражают будущее время гласными *ō*, *ȳ* с палатализацией предыдущего согласного. Например:

Сугиру	‘проходить’	*сугю̄*[*дзу*]
Икиру	‘жить’	*икю̄*[*дзу*]
Отиру	‘падать’	*отю̄*[*дзу*]
Макасэру	‘поручать’	*макасё̄*[*дзу*]
Сутэру	‘бросать’	*сутё̄*[*дзу*]
Агэру	‘поднимать’	*агё̄*[*дзу*]
Табэру	‘кушать’	*табё̄*[*дзу*]

У глаголов односложных с огласовкой на *и* возникает аблаут корня. Так, *киру* ‘надевать’ дает *кю̄*[*дзу*], *миру* ‘смотреть’, ‘видеть’ — *мю̄*[*дзу*], *иру* ‘быть’ — *ию̄*[*дзу*], *ниру* ‘походить’ — *ню̄*[*дзу*].

Неправильный глагол *суру* дает *сё̄*[*дзу*], неправильный глагол *куру* — *кю̄*[*дзу*].

1. *Корэ-ва уэ-э* **агёдзу** (С. Ю, 143) ‘**Поднимем** это наверх’.

2. *Ботан-о миба годзи-ни* **мю̄дзуру** *дзо* (С. Ю, 144) ‘Если любоваться пионами, то **будем любоваться** в полдень’.

3. *Ё̄ русу-о сэй. Ягатэ* **модорō** *дзо* (Кг, I, 415) ‘Хорошенько стереги! Скоро **вернусь**’.

4. *Ура-э мукэтэ* **маирō** (Кг, I, 85) ‘**Пойду** к черному ходу’.

5. *Ри-но бун-ва* **юрусо̄** *ходо-ни, каннин-но ситэкуриярэ* (Кг, I, 87) ‘Так как [я] **не возьму** [с вас] процентов,— простите меня’.

6. *Сорэгаси-ва суэхирогари-о* **дасо̄** *то омоу га, нани то арō дзо* (Кг, I, 100) ‘Я хочу **преподнести** [гостям] веера, как по-твоему?’

7. *Ситтарэба корэ-о каō то ю̄* (Кг, I, 100) ‘Знал бы, так и сказал бы, что **куплю** это’.

Наряду с долгим гласным для глаголов первого спряжения встречается также и краткое *о*, что не меняет значения формы.

1. *Мо итидо модоттэ табэру ёни* **итасо** (Кг, I, 13) ‘Вернусь и **устрою** так, чтоб выпить’.

2. *Кё̄-ва дзисин маири, саньё̄-о* **итасо то дзондзуру** (Кг, I, 84) ‘Сегодня пойду сам и **произведу** расчет’.

3. *Корэ-о дасу кара-ва, ё̄* **одзяро** *дзо* (Кг, I, 87) ‘Если [я тебе] это дам, [все] **будет** в порядке’.

Одзяро — будущее время от глагола-связки *одзяру*, характерной для языка того времени.

С этой формой на *ндзу*, видимо, связана та, которая внешне совпадает с отрицательной формой старого языка (суффикс *дзу*, наращиваемый на первую основу). Так, например, *коросу* ‘убивать’ дает *коросадзу* ‘убью’, *тору* ‘давать’ — *торадзу* ‘дам’, *ёму* ‘читать’ — *ёмадзу* ‘прочитаю’ и т. п.

Варэ дзю̄нэн ноти-ни коно сюго-ни наттэ **китарадзу** (С. Ю, 148) ‘Я через десять лет **вернусь**, став этим самым сюго’ (сюго — должность установленная при камакурском сёгунате).

Данная форма в настоящее время существует в диалектах Синано и Тō тō ми.

Ход фонетической эволюции, видимо, таков; *китаран то су* > *китаранзу* > *китарадзу*. Сохранение при этом *дзу* дает форму, омонимичную отрицанию. Какое бы то ни было смешение с последним, однако, исключается, так как обычная форма отрицательного суффикса настоящего времени в эту эпоху не *дзу*, а *ну* (*дзу* принадлежит старояпонскому языку или письменному стилю).

В том случае, если у глаголов третьего спряжения (двухступенный аблаут с огласовкой на *э*) гласному *э* предшествует среднеязычный глэйтлаут j, будущее время характеризуется слогом *ё* (в фонетической транскрипции [jo]). *Тораэру* [torajeru] — *тораё̄* [torajo], *кувaэру* [kuwajeru] — *кувaё* [kuwajo], *миэру* [mijeru] — *миё̄* [mijo].

Вполне возможно, как это думает Юдзава, что таким образом и возникает особая характеристика будущего времени для глаголов второго и третьего спряжений, типичная для нового языка.[1] Видимо, в результате переразложения и передвижения морфологической границы мог выделиться слог *ё* со специальным значением грамматического показателя агглютинативного порядка, тогда как по происхождению своему эта форма флективная. Таким образом, формам типа *торо̄*, *ёмо̄*, *како̄* у глаголов первого спряжения противопоставляются формы типа *миё*, *табэё* у глаголов второго и третьего спряжений, выражающих то же грамматическое значение посредством агглютинирования суффикса *ё* к первой основе. Суффикс этот в «Сёмоно» еще отсутствует, но встречается уже в «Кёгэнки».

Мадзу ёбидаситэ мо̄сицукэё (Кг, I, 414) 'Прежде всего позову и **скажу**'.

Дидако Кольядо в своей уже цитированной нами грамматике в разделе глагольных времен приводит такие примеры, как *ăguêô* (от глагола *агэру* 'поднимать'), *ăguèôzu ăguêôzuru*.[2]

Примечание. В языке того времени было три разных о: о — краткое, [о:] — долгое открытое и [о:] — долгое закрытое.

Это нашло свое отражение в латинице, использованной в кюсюских изданиях. О соответствует долгому открытому [о:], тогда как ô — долгому закрытому [о:].[3]

В современном языке описанная форма может выражать как время (будущее), так и наклонение (вероятное и приглашительное).[4] Приведем несколько примеров.

1. *О-ясуку-ситэ сандзю̄эн-ни ситэ* **окимасё** *то ю̄* (Нацумэ, 102) 'По дешевке **отдам** за тридцать иен — говорит'.

Форма *окимасё* выражает в данном случае будущее время. Гораздо чаще, однако, эта форма используется с модальным значением, выражая предположение, вероятность.

2. *То̄кё-ва ёй токоро-дэ* **годзаимасё** (Нацумэ, 96) 'Токио, **вероятно**, хорошее место'.

---

[1] Семантика этой формы в новом языке уже не временна́я, а модальная.

[2] Didaco Collado. Ars grammaticae Japonicae linguae, стр. 20.

[3] См. относительно этого подробно главу о транскрипции и фонетике в книге Хасимото Синкити «Кириситан кёги-но кэнкю̄», 1928, Японский том, стр. 48. Он указывает на то, что впервые это различие было раскрыто проф. Симмура Идзуру.

[4] Необходимо иметь в виду, что мы, с целью установить общую историческую перспективу развития, лишь бегло касаемся современного языка. Совершенно очевидно, что современный язык — это предмет специального грамматического исследования.

3. *Итибан тядай-о яттэ* **одорокаситэ ярō** (Нацумэ, 97) ‘**Удивлю**-ка я **их** прежде всего, дав им на чай’.

В сочетании с последующим глаголом *омоу* форма будущего времени часто получает значение предположительности или желания. Например:

4. *Коно иссэн горин-га футари-но айда-но сёхэки-ни наттэ, орэ-ва* **ханасō** *то омоттэ мо ханасэнай* (Нацумэ, 128) ‘Эта копейка и пять грошей стеной стали между нами — мне бы и **хотелось поговорить** [с ним], да не могу’.

Формы будущего времени используются в значении приглашения принять участие в совместном действии (так называемая пригласительная форма). Например:

5. *Сā икō кана* ‘Ну, пойдем, что ли?’.

Для выражения категорического будущего времени в современном языке обычно используется бессуффиксальная форма.

1. *Нандэмо* **киттэ мисэру** (Нацумэ, 81) ‘**Разрежу тебе** что угодно’.

2. *Имани иттэ* **сōдан-суру** (Нацумэ, 99) ‘Сейчас пойду **переговорю**’.

3. *Райнэн-но нацу-ва* **каэру** (Нацумэ, 95) ‘Будущим летом **вернусь**’.

4. *Нандака вакаранай. Коно цуги* **осиэтэ яру** (Нацумэ, 100) ‘Что-то непонятно. В следующий раз **объясню**’.

Подведем итоги. В современном языке форма, характеризуемая долгим гласным, типа *ёмō*, *миё*, *табэё*, используется главным образом для выражения будущего предположительного, желательного, пригласительного. Будущее без этих модальных оттенков выражается обычно бессуффиксальной формой.

В противоположность этому в старом языке почти отсутствует использование бессуффиксальной формы в значении будущего времени и функцию эту несет преимущественно суффиксальная форма (суффикс *му*). Это отнюдь не исключает того, что в ряде случаев она же может иметь модальное значение. Для определения и выявления этих модальных значений необходимо учитывать ряд условий, могущих служить в данном случае критерием. Так, нередко показательным в этом отношении является наличие указанной формы в составе вопросительного предложения.

1. *Икани араму хи-но токи-ни ка мо коэ* **сираму** *хито-но хидза-но э вага* **макуракаму** (М, V, № 810) ‘Когда (дословно: ‘в какой день’) я **прилягу** головой на колени того человека, который **поймет** [мой] голос?’

Примечание. Для того, чтобы понять это стихотворение, необходимо иметь в виду, что оно составлено, якобы, от лица музыкального инструмента *кото*, на котором играют, держа его на коленях. Наличие этого инструмента в древней Японии подтверждается глиняными фигурками, так называемыми *ханива*, найденными в могильниках и изображающими музыкантов с *кото* на коленях. Интересно привести парафраз на современном языке: *Дō ю хи-но ицу, нэиро-о кикивакэру хито-но хидза-но уэ-о, ватаси-ва макура то суру кото дарō*.[1]

Как видим, в данном случае эта форма служит выражением не будущего времени, а вероятного наклонения.

2. *Мацурагата Саёхимэ-но ко-га хирэ фуриси яма-но на номи я* **кикицуцу ораму** (М, V, № 868) 'Неужели же [я так никогда не увижу и] **буду** только **слышать** название той горы, на которой дева Саёхимэ из Мацурагата махала платком?'

Значение суффикса *му* — то же, что в предыдущем примере.

Составная форма *му то су* уже в «Кодзики» используется со значением намерения или предвещания начала действия.

3. *Саикава-ё кумо тативатари Унэбияма коноха саягину кадзэ* **фукаму-то су** (К, II, 299) 'С реки Саикава поднимается туман. На горе Унэбияма зашумели листья на деревьях. **Собирается подуть** ветер' (вот-вот наступит буря).

4. *Какарэба, коно хитобито, ути-ни каэритэ моно-о омои, инори-о си, ган-о татэ,* **омоиямэму-то сурэдомо,** *ямубэку мо арадзу* (Т, . . .) 'Поэтому эти люди, вернувшись домой, думали думу, воссылали молитвы, давали обеты и [всячески] **старались перестать любить**, однако перестать не могли'.

5. *Кёварамбэ катана-о нукитэ Тадааки-о татэкомэтэ* **коросаму-то сикэрэба**, *Тадааки мо катана-о нукитэ* . . . (К, II, 293) 'Так как столичный юноша, обнажив меч, стал теснить Тадааки и **стремился убить** его, то Тадааки, обнажив меч . . . .'

Составная форма *му то обосу*||*му то омоу* используется со значением желания (соответствуя современной форме *тай то омоу*).

6. *Сомосомо икаёнару кокородзаси араму хито-ни ка* **аваму** *то обосу* (Т, 4) 'Итак, за кого вы хотите выйти замуж?' (дословно: 'итак, с человеком, у которого какие намерения, [вы] хотите **сочетаться** [браком]?').

Му также выражает в данном случае не будущее время, а вероятность или предположение.

7. *Хитобито-но кокоро-о* **мин**-*то я омоварэкэму «Икагасэн Ёдоимоараи-э я маварубэки, мидзу-но отисаси-о я мацубэки»* (Х, 333) 'Может быть [он] хотел **узнать** мысли окружающих:

---

[1] Манъёсю сōсяку, т. III, стр. 41.

«Как нам поступить? Повернем ли мы на Ёдоимоараи или будем ждать, пока спадет вода?»'.

8. *Ёсинака-ва* **утидзини-сэн-***то омоу* (X, 340) '[Я], Ёсинака, хочу **умереть в битве**'.

Особо необходимо выделить пятую основу суффикса *му*, т. е. *мэ*, которая в сочетании с вопросительной частицей *я* выражает риторический вопрос.

Кототовану ки-ни мо аритомо вага сэко-га танарэ-но ми-кото цути-ни **окамэ я** *мо*(M, V, № 812) 'Пусть оно будет безгласным деревом, то кото, на котором обычно играет мой милый, [все равно] разве [я] **положу** его на землю?'.

Итак, в результате всего изложенного выше мы пришли к тому заключению, что форма, характеризуемая суффиксом *му*, имела более ограниченное модальное значение, чем это обычно представляется японскими грамматиками. Это отнюдь не препятствует тому, что форма эта лежит, в сущности, в основе чуть ли не всех форм модальности. Последнее выясняется при сопоставлении друг с другом всех наличных в старом языке модальных суффиксов (см. схему на стр. 228).

2. ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Желательное наклонение выражалось в древнеяпонском языке с помощью *маку* и *хору*, наращиваемых на первую основу глаголов.

1. *Коисинаму ноти-ва нани сэму. Икэру хи-но тамэ косо имо-о* **мимаку хори-сурэ** (M, IV, № 560) 'После того, как [я] умру от любви, что буду делать? **Хочу** видеть любимую, пока [я] еще на свете'.

Форма *маку хорисуру* восходит к субстантивизированной форме суффиксов *му* (субстантивирующий суффикс *ку* наращается на первую основу, т. е. на *ма*) в сочетании со служебными глаголами *хору* 'желать' и *су* 'делать'. Из сочетания *хори* + *су* возникает позднейшая форма *хоссу* со значением 'желать'. Форма *маку* (без *хорисуру*) указывает на будущее время без значения желательности, например:

2. *Вага сато-ни ōюки фурэри. Ōхара-но фуриниси сато-ни* **фурамаку-***ва ноти* (M, II, № 103) 'В моем селеньи выпал большой снег, а в прежнем селеньи, в Ōхара [он] **выпадет**, но после'.

Фурамаку-ва выступает в данном случае в качестве подлежащего, выраженного отглагольным именем, сохранившим, однако, свою временную характеристику.

Желательное наклонение выражалось также формой *махоси*, близкой по своему происхождению к вышеуказанной. Эту форму можно разложить на *ма* (первая основа суффикса *му*) и прилагательное *хоси* (совр. *хосии* 'желанный'). Ямада возводит эту форму к *маку хоси*.[1] Нам, однако, более правдоподобной представляется этимология *ма* + *хоси*. *Махоси* так же, как *маку хору*, наращается на первую основу глаголов и может иметь при себе дополнение в винительном падеже. Форма эта приходит на смену *маку хору* и встречается начиная уже с «Такэтори-моногатари».

Ёнонака-ни ōкару хито-о дани, сукоси мо катати ёси то кикитэ ва **мимахосю̄-суру** *хитобито нарикэрэба, Кагуяхимэ-о* **мимахосю̄-ситэ**, *моно мо кувадзу омоицуцу, кано иэ-ни юкитэ* . . . (Т, 2—3) 'Так как это были такие люди, которые **стремились видеть** любую из женщин, стоило им только услыхать о ней, что она хоть немножко привлекательна, то, **стремясь увидеть** Кагуя химэ, [они] и есть перестали и, тоскуя, ходили к ее дому . . .'.

Форма *махосю̄* является производной от наречной основы *махосику* (ср. совр. *ёросю̄ годзаимас*, *аригитō дзондзимас*).

В качестве дальнейшей эволюции формы *махосику* Ямада указывает форму *мōку*, наращиваемую на ту же первую основу глаголов.[2] Примеры он приводит, начиная с «Гэндзи-моногатари».

В «Хэйкэ-моногатари» уже появляется желательное наклонение, выраженное суффиксом *таси* (совр. *тай*). Суффикс этот наращивается на вторую основу глаголов и спрягается по типу прилагательных: *таку*, *таки*, *таси*, *такэрэ*.

1. *Онадзи асобимэ то нараба тарэ мо мина ано ё̄-дэ косо* **аритакэрэ** (X, 10) 'Если уж быть девой веселья, то всем **хотелось** бы **быть** в таком именно положении'.

Использование формы *такэрэ* вызвано наличием усилительной частицы *косо*. При отсутствии *косо* заключительное сказуемое характеризовалось бы окончанием *таси*.

2. *Сатэва маи мо* **митакэрэдомо** *кё̄-ва магируру кото-но идэкитари* (X, 15) 'Танец [я] тоже **хотел** бы **посмотреть**, но сегодня тому есть помеха'.

На наличие желательного *тай* в «Сёмоно» указывает Юдзава Кōкитирō в своем исследовании, посвященном этим памятникам, цитируя примеры из «Сёмоно»:

---

[1] Ямада. Хэйантё̄ . . . , стр. 535.
[2] Там же, стр. 535—536.

3. *Варэ-о* **утикороситаку** *ва утикоросэ* (С. Ю, 181) ‘Если **хочешь убить** меня, убей’.

4. *Риссō-но ю̄-о* **кикитай** *дзо* ‘**Хочу услышать**, что говорит монах’.

Аналогичные конструкции встречаются и в кёгэнах.

5. *Мирэба ёсасōна моно-о сэ̄тэ ору га, арэ-о-ба, дō̄дзо котти-э* **цурэмаситай** *то дзондзуру га, мадзу окоситэ мимасё̄* (Кг, I, 90) ‘Видно, у него за спиной недурная ноша, **хочется** мне ее как-нибудь **прибрать к рукам**. Попробую-ка я прежде всего его растолкать’.

Путем присоединения к *таси* > *тай* глаголообразующего суффикса *гару* получается глагольная форма желательного наклонения *тагару: ёмитагару* ‘хотеть читать’, *куитагару* ‘хотеть есть’.

1. *Ммай моно-о* **куитагару** *дзо* (С. Ю, 182) ‘**Хочу съесть** что-нибудь вкусное’.

2. **Дэтагару** *моно мо ари мата* **сёситагару** *моно мо ару дзо* (С. Ю. 182) ‘Есть такие, что **хотят уйти**, есть и такие, что **хотят остаться**’.

Весьма своеобразно образование соответственной отрицательной формы: *тō* + *мо* + *нагару* > *томонагару*. В этой сложносоставной форме *то* восходит к *тай* через посредство производной формы *таку* > *тō* > *то*; *мо* — усилительное; *на* восходит к отрицанию *най*; *гару* выступает как глаголообразующий суффикс.

3. *Синку-о-ба* **ситōмоногаритэ** (С. Ю, 182) ‘**Не желая** страдать . . .’.

Нередко форма *тōмо* (или *таумо*) дает начало новому суффиксу *таму*:

4. *Кō̄со-но хито-ни* **миэтамунагарарэта** *дзо* (С. Ю, 183) ‘**Не хотел**, чтоб [это] **было зримо** предкам’.

Как в кёгэнах, сёмоно, так и в современном языке наблюдается наличие двух конструкций при желательном наклонении, выраженном суффиксом *тай*. Конструкции эти характеризуются различным оформлением объекта: а) возможен объект, выступающий в форме прямого дополнения с суффиксом винительного падежа *о*, и б) объект, характеризуемый суффиксом *га* (possessivus — subjectivus) старояпонского языка.

1. *Ута-о иссюдзуцу* **кикитō** *годзару* (Кг, 1, 109) ‘**Хочу послушать** песни по одной [от каждого]’.

2. *Идзурэмо дзюн-но маи-ни, татисугата-га* **мито** *одзяру* (Кг, 1, 109) ‘**Хотелось бы посмотреть** по очереди, как каждый из нас танцует’.

Ср. в современном языке:

3. *Момо-но ми-***о куитай** *то омоэба куэру*[1] ‘Если [я] **хочу съесть** персик, то и могу [его] съесть’.

4. *Дандан нодо-га каваитэ китэ ватаси-но тити-***га номитаку** *наттэ куру-н да*[2] ‘В горле [у ребенка] постепенно пересыхает и появляется **желание напиться** моего молока’.

5. *Орэ-ва омаэ-но соно тикара-***о** *ий хō-ни* **цукаитай** *но да*[3] ‘**Хочу** получше **использовать** вот эту самую твою силу’.

6. *Обāсан-га синда но-ва ковай га, соно ковай токоро-***о митай** *ёна ки мо суру*[4] ‘Хотя мне и было страшно то, что бабушка умерла, но именно это страшное мне, казалось и **хотелось увидеть**’.

Использование *га* и *о*, как показателей объекта желательного наклонения, можно отнести, нам думается, за счет противопоставления объекта полного (суффикс ***о***) объекту частичному (суффикс ***га***) (ср. русское *хочу выпить молоко* и *хочу выпить молока*).[5]

Подводя итоги всему сказанному, можно нарисовать следующую схему развития желательного наклонения в японском языке: наиболее древняя форма (из выше рассмотренных) *маку-хору* или *маку-хори-суру*; затем следует этимологически связанная с этим форма *махоси*; и наконец — выражение желательного наклонения посредством суффикса *таси* (совр. *таи*). Эта форма, характерная и для современного языка, появляется уже в «Хэйкэ-моногатари», т. е. в памятнике XIII в., и вытесняет все предыдущие формы.

Особо необходимо выделить суффикс *на*, весьма интересный, как мы увидим в дальнейшем, в историческом отношении. Суффикс этот, наращиваемый на первую основу глаголов, с точки зрения японской школьной грамматики является неизменяемым.

Если учесть, однако, его значения, можно будет восстановить парадигму его спряжения, хотя, правда, далеко не полную. Поскольку форма эта принадлежит весьма архаическому языку, отдельные основы, повидимому, уже исчезли к моменту письменной фиксации этой морфемы.

Основное значение этого суффикса, судя по анализу материала, это выражение желательно-побудительного накло-

---

[1] Киндай Нихон бунгэй токухон. 1927, т. I, стр. 50.
[2] Там же, стр. 102.
[3] Там же, стр. 55.
[4] Там же, стр. 269.
[5] Подробнее об этом см.: Е. М. Колпакчи. Винительный падеж в современном японском языке. Уч. зап. Инст. востоковедения АН СССР, 1952, т. IV.

нения. Форма *на*, которую можно рассматривать в качестве первой основы, выражает оптатив, форма *нэ* (*ни*), которую можно определить в качестве пятой основы, выражает побуждение к действию, императив. В зависимости от контекста, форма *на* может иметь также и значение будущего времени. Разница в этом отношении между *му* и *на* заключается в том, что *му* выражает желаемое в аспекте будущего. Это форма временна̀я, и модальное значение для нее производное. Наоборот, *на* выражает будущее в аспекте желаемого. Это форма модальная по преимуществу, в которой временно̀е значение является производным от модального значения. Если принять сравнительную архаичность *на* в соотношении с *му*, то тем самым выяснится модальный характер временно̀й категории (в данном случае — будущего времени), историческое преобладание модальности над категорией времени в японском языке.

1. *Коно ока-ни на цумасу ко иэ* **кикана** *на* **норасанэ**... (М, I, № 1) ‘Девушка, что собирает коренья на этом холме, [я] **спрошу** [где твой] дом, [ты] **скажи** свое имя...’.

Норасанэ состоит из *нора* (первая основа глагола *нору* ‘говорить’) + *са* (первая основа вежливого суффикса *су*) + *нэ*.

Комментируя это место, Моримото Такэкити указывает на семантическую близость суффиксов *на* и *нэ*. *На* выражает желание самого действующего лица, *нэ* — желание в отношении действия другого лица.[1] В сущности форму на *нэ* можно определить как желательное наклонение, дифференцированное по лицам (*на* — первое лицо, *нэ*||*ни* — второе лицо).

2. *Субэ мо наку курусику арэба идэхасири* **инана** *то* [*о*]*моэдо кора-ни саярину* (М, V, № 899) ‘В безысходной муке [я] **хотел бежать** [из дому], но был остановлен детьми’ (дословно: ‘так как [мне] было безысходно тяжело, то [я] **хотел убежать**, но дети послужили мне препятствием’).

3. *Ммэ-но хана сакитару соно-но аояги-о кадзура-ни сицуцу* **асобикурасана** (М, V, № 825) ‘[Я] хочу **целый день** до вечера **гулять** в венке из зеленых ив того сада, где расцвели цветы сливы’.

Курасу как второй элемент составного глагола указывает на конкретную длительность действия, охватывающего время с утра и до вечера; ср. *курэру* ‘вечереть’, *курэ* ‘вечер’. Антонимом ему служит *акасу* проводить всю ночь до утра’. *Хирува мо нагэкаикураси ёру-ва мо икидзукиакаси*... (В, V, № 897) ‘И весь день провожу стеная и всю ночь провожу вздыхая’.

[1] Моримото Харукити. Манъёсю̄ сосяку, т. I, стр. 7.

4. *Абурихосу хито мо арэ я мо нурэгину-о иэ-ни-ва* **ярана** *таби-но сируси-ни* (М, IX, № 1688) ‘И он и я — мы **хотим послать** домой [наши] платья, увлажненные [морской водой], в знак [наших] странствий’.

Абурихосу ‘сушить над огнем’ — повидимому, постоянный эпитет к *хито*.

5. *Ятикуса-но хана-ва уцуроу. Токиванару мацу-но саэда о варэ-ва* **мусубана** (М, XX, № 4501) ‘Блекнут все восемь тысяч цветов (‘все множество цветов’). Я **свяжу** (‘хочу связать’), вместе веточки вечнозеленой сосны’.

(Данное стихотворение мы переводим согласно тексту, не ориентируясь на комментарий, который видит в нем определенное символическое значение.)

6. *Ятикуса-ни кусаки-о уэтэ токиготони сакаму хана-о-си* **мицуцу синубана** (М, XX, № 4314) ‘Во множестве сортов посадив травы и деревья, [я] **хочу (буду) любоваться** теми цветами, которые будут расцветать каждый в свое время’.

7. *Уцусэми-ва кадзунаки ми нари. Ямагава-но саякэки мицуцу мити-о* **тадзунэна** (М, XX, № 4468) ‘Цикада — ничтожное существо. Созерцая чистоту горной речки, [я] **буду искать** путь’.

8. *Кэнокори-но юки-ни аэтэру асибики-но ямататибана-о цутони* **цумикона** (М, XX, № 4471) ‘Остроцвет, сверкающий посреди нерастаявшего снега, **сорвав**, [я] **принесу** как гостинец’.

9. *Аринэёси Цусимаватари ватанака-ни нуса торимукэтэ хая* **каэриконэ** (М, I, № 62) ‘Цусимский пролив — в море свершив жертвоприношение, поскорей **возвращайся** (‘я хочу, чтобы ты поскорее вернулась’) (*Аринэёси* — постоянный эпитет к Цусима).

10. *Асибики-но яма тобикоюру кариганэ-ва мияко-ни юкаба имо-ни аитэконэ* (М, XV, № 3687) ‘Дикие гуси, перелетающие через горы, если б [вы] полетели в столицу, **возвращайтесь, повидавшись** с [моей] милой (‘я хочу, чтобы вы . . .’).

11. *Асибики-но яма-но таори-ни коно миюру ама-но сиракумо ватацуми-но окицу миябэ-ни тативатари тоногумориитэ амэ мо* **тамаванэ** (М, XVIII, № 4122) ‘Белые облака небесные, эти, виднеющиеся в извилинах гор, отправляйтесь к дворцу морских просторов и [там], сгрудившись все вместе, **даруйте** дождь [нам]’.

Вместо *нэ* в той же функции встречается *ни*.[1]

---

[1] Ямада. Наратё. . . , стр. 405.

12. *Хисаката-но амадзи-ва тōси. Наонаони иэ-ни каэритэ нари-о* **симасани** (M, V, № 801) ‘Путь небесный далек, так вернись же домой и **займись** (‘я хочу, чтобы вы . . .’) своим делом’.

Обе формы суффикса *на* (т. е. *на* и *нэ||ни*) в текстах позже VIII в. уже не встречаются, что и отмечает Ямада.[1] Форма эта, следовательно, весьма архаична и, поскольку она встречается преимущественно в стихах, повидимому, даже древнее VII в. Эта гипотеза подтверждается еще и частым использованием этой формы с «вежливым» суффиксом древнего языка *са*, продуктивность которого также относится лишь к древнему языку. Поскольку суффикс этот служит всегда обращением ко второму лицу, он, естественно, встречается лишь в сочетании с *нэ*, а не *на*. Таким путем, очевидно, образовывалось «вежливое» повелительное наклонение.[2]

Желательное наклонение аффективного характера — с восклицательным оттенком (желательно-восклицательное) по своему содержанию несколько отличается от вышеописанного желательного наклонения и в этом отношении может быть противопоставлено формам с *маку-хору*, *махоси*, *таси*. Указанные формы служат для явного и отчетливого выражения желания, исходящего от говорящего (хочу, хочешь, хочет пойти, купить, взять, получить и т. п.). Желательно-восклицательное наклонение придает как бы оттенок безличности выражаемому желанию (ах, как хотелось бы! ах, если б!), тем самым концентрируя все внимание на самом глаголе. Желательно-восклицательное наклонение может выражаться различными формами.

Оно может выражаться второй основой видового суффикса *цу — тэ* в сочетании с определительной формой показателя прошедшего времени *ки — си* и восклицанием *ка* [*на*] в форме *га* [*на*]. Таким образом получается составная форма *тэсига*[*на*], наращиваемая на вторую основу глаголов.

1. *Тацу-но* [*м*]*ма мо има мо* **этэсига**. *Аониёси Нара-но мияко-ни юкитэ кому тамэ* (M, V, № 806) ‘Лошадь-дракона, ах, **как бы** [хотелось] сейчас **заполучить**! для того, чтобы побывать в столице Нара’.

Форма *этэсига* восходит ко второй основе глагола *у* (совр. *эру*) ‘получать’ в сочетании с суффиксом *тэсига*.

---

[1] Ямада. Хэйантё . . . , стр. 466.

[2] Термин «вежливое» мы здесь намеренно ставим в кавычки для того, чтобы подчеркнуть его условность, поскольку мы здесь не можем остановиться подробней на природе суффикса *са*.

Интересно с этим сопоставить перевод на современный язык, в котором данная форма соответственно передается желательным *тай* в восклицательном предложении: *тэ-ни ирэтай моно дана.*

2. *Сэкай-но оноко, атэнару мо иясики мо, икадэ, коно Кагуяхимэ-о* **этэсигана митэсигана** *то, ото-ни кикимэдэтэ мадоу* (Т, 2) ‘Все мужчины на свете как знатные, так и незнатные, по слухам влюбились [в нее] и были в смятении: «ах, как бы **заполучить** эту деву Кагуяхимэ, ах, как бы [хотелось] **увидеть** ее!»’.

Желательно-восклицательное наклонение выражается также модальной частицей *мога* || *могамо* || *могамона.*

У глаголов эта частица наращивается на суффикс *тэ.*

1. *Нарабэтэ* **могамо** (Нихонги, XI)[1] ‘**Ах если б** поставить рядом!’.

У прилагательных *могамо* наращивается на форму с окончанием ***ку.***

2. *Вага иноти мо* **нагаку мога** *то* (Нихонги, XIV)[1] ‘Ах, если б жизнь моя **была бы долгой**!’.

Эта же форма используется и тогда, когда предмет, на который направлено желание, выражен именем существительным. В этом случае, как правило, подразумевается глагол бытия или полнозначный глагол. Суффикс дательного падежа *ни* при этом, однако, нередко сохраняется.

3. *Ми-сора юку кумо-ни* **могамона**. *Кё̄ юкитэ имо-ни котодои асу каэрикому* (М, XIV, № 3510) ‘Ах, **хотелось** бы [мне] быть птицей, по небу летящей! Сегодня отправился бы, поговорил с любимой и завтра вернулся б’.

4. *Сидзудамаки кадзу-ни-мо арану ми-ни-ва арэдо* **титосэ-ни мога** *то омоюру камо* (М, V, № 903) ‘Хоть [я] и ничтожный человек, но все же мне **хотелось** бы, ах, хотя бы **с тысячу лет** [прожить]!’.

(Ср. перевод на современный язык: *Титосэ дэмо икитай то омоу на.*)[2]

5. *Юки-но иро-о убаитэ сакэру ммэ но хана има сакари нари. Миму хито* **могамо** (М,V, № 850) ‘Цветы сливы, которые расцвели, похитив цвет у снега, сейчас в полном расцвете. **Ах если б** человека, который бы увидел их!’ (Ах, если б человек... был здесь!’).

Ямада указывает на то, что модальная частица *могамо* к X в. уже, видимо, устарела и вместо нее с тем же значением используется модальная частица *могана.*[3]

---

[1] Цит. по Ямада. Наратё̄. стр. 401.
[2] Манъёсю̄ со̄сяку, III, стр. 188.
[3] Ямада, Хэйянтё̄..., стр. 466.

6. *Сиритару* **хитō могана** (Макура-но сōси)[1] ‘Ах, **если б** такого **человека**, который понимает!’.

7. *Сарубэкараму хито-но* **ми-мусумэ могана**. *Адзукаритэ касидзуки татэму* (Сагоромо, 1)[1] ‘**Ах**, **если б дочь** достойного человека! Стал бы [ее] воспитывать и лелеять’.

Аналогичная желательно-восклицательная форма отмечается для существительных и в грамматике Дидако Кольядо. Указывая на модальное значение *гана*, он приводит пример: *сакэ гана*, истолкованный как *сакэ-га номитай-на* ‘ах, хотелось бы выпить вина!’[2]

Юдзава, однако, отмечает одну интересную особенность в использовании этой формы в «Сёмоно». Выступая при указании на предмет — объект желания, *гана* может быть использована как самостоятельный наречный суффикс после падежного показателя. По содержанию же она лишает объект определенности, внося оттенок, сходный с русским «что ли», «хотя бы».

Уэтэ ва арэ-ва нани **гана** *кувō касситэ ва сакэ* **гана** *номō то омоу* (С. Ю, 263) ‘Проголодается — захочет что-**нибудь** съесть, почувствует жажду — захочет выпить сакэ, **что ли**’.

Дальнейшее развитие этого суффикса идет по линии превращения его из модального в экспрессивный. Он окончательно теряет значение желательности и превращается в показатель неопределенности: *нанигото-кана* равнозначно современному *наника* ‘что-то’.

Нанигото гана *мōситэ*... (С. Ю, 233) ’**Что-то** сказав...’. В таком значении эта форма встречается и в фарсах. Слуга приносит даймё книгу, в которой ни тот, ни другой не могут толком разобраться, и даймё говорит:

Сумō но сё-но кото-дэ **гана** *арō* (Кг, II, 13) ‘Вероятно, это руководство по борьбе, **что ли**’.

Желательно-восклицательное наклонение выражалось также суффиксом *бая*. Форма эта восходит к суффиксу сослагательного наклонения *ба* (генетически — выделительная частица *ва*), наращиваемому на первую основу глаголов, в сочетании с восклицательным *я*. Ямада указывает на то, что в этом значении эта форма появляется с X в.[3]

1. *Атараё-но цуки то хана-то-о онадзикува эварэ сирэраму хито-ни* **мисэбая** (Госэнсю, Хару, II)[4] ‘И луну и цветы

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйянтё..., стр. 465.
[2] Didaco Collado. Ars grammaticae faponicae linguae, стр. 22.
[3] Ямада. Хэйантё..., стр. 395.
[4] Цит. по Ямада. Хэйантё, стр. 395.

той безвозвратно утраченной[1] ночи, **ах как хотелось бы показать** тому, кто понимает очарование [вещей]!'.

2. *Има сибаси* **икитэ арабая** [*то омоу ва*] (О, 190) 'Ах если б еще немножко **пожить**!» [такое желание...]'.

Необходимо иметь в виду, что форма *бая* с желательным значением используется только при конечном сказуемом. При серединном сказуемом она имеет совершенно другое значение.

Этот модальный суффикс используется вплоть до «Сёмоно». Так, Юдзава приводит следующий пример: *Цуёку Хōрай-ни* **итарабая** *то омои*... (С. Ю, 313) 'Крепко думал — **ах, как бы попасть** на остров Хōрай...!'.

Поскольку желательное наклонение, выражая желание, вместе с тем указывает на то, чего еще нет, оно легко может приобрести значение отрицания. В таком значении оно и используется нередко в «Сёмоно».

3. *Тō Эммэй то ю саканоми-га итарэба сакэ-ва номосэтаси дзэни-ва* **арабая**. *Си-о цукуттэ сакэ-ни каэтэ Эммей-ни сакэ-о мэта то номасэта нари* (С. Ю, 313) 'Так как пришел пьяница — Тао Юаньмин, то захотел напоить его вином, денег же **не было**. Сочинил стихи, обменял их на вино и здорово напоил Юаньмина вином'.

Указывая на частоту использования суффикса *бая* в отрицательном значении, Юдзава высказывает предположение, что эта форма в то время была очень модной.[2]

В современном языке она не используется ни в значении желательного наклонения, ни в значении отрицания.

Желательно-восклицательное наклонение выражалось также суффиксом *наму*. Наращивается он на первую основу глаголов и хотя, повидимому, восходит к суффиксу *му* (*на* + *му*), но встречается только в форме *наму*, иначе говоря, не спрягается.

1. *Хототогису нао мо* **наканаму**. *Мотоцухито какэцуцу мотона а-о нэ си наку мо* (М, XX, № 4437) 'Кукушка, **ах, если б** [ты] **спела** еще! [Ты] заставляешь меня плакать в голос по том, кого уже нет' (дословно: 'по прежнему человеку').

Тоёда, комментируя это стихотворение, истолковывает форму *нэ си наку мо* в значении *нэ си накасу мо*, т. е. в значении каузатива.[3]

---

[1] *Атараё*, собственно, 'ночь, которую жалко', т. е. жалко, что она уже прошла, отсюда вольный перевод — 'безвозвратно утраченная'.

[2] Юдзава. Муромати..., стр. 314.

[3] Манъёсю сōсяку, т. X, стр. 126.

2. *Утинабику хару то-мо сируку угуису-ва уэки-но кома-о* **накиватаранаму** (М, XX, № 4495) ‘Ах, **если б** совсем по-весеннему соловей **с пеньем летал меж** деревьев!’.

3. *Таномэцуцу авадэ тосифуру ицувари-ни корину кокоро-о хито-ва* **сиранаму** (Кс, 576) ‘Ах, **если б** он **понял** чувства [мои], неизлеченные [его] ложью, когда [я] год провела без встреч, несмотря на обещание’.

4. *Кои-коитэ марэни коёи дзо Аусака-но ōцукэдори-ва* **накадзу мо аранаму** (Кс, 600) ‘Тоскуя и любя, сегодня ночью [мы] в кои веки раз встретились. Ах, **если бы не пел** петух на заставе Встреч!’.

Накадзу [мо] аранаму — конкретное длительное от отрицательной формы глагола в желательном наклонении.

Необходимо указать, однако, на то, что в «Кодзики» имеется одно место, где суффикс *наму*, соединенный с первой основой глагола, имеет значение не желательности, а скорее вероятности. [1]

В томе XIV «Манъёсю», отражающем восточные диалекты древней Японии, наряду с формой *наму* встречаем форму *намо*.

5. *Камицукэну Одо-но тадори-га кавадзи-ни мо корава* **аванамо** *хитори- номи-ситэ* (М, XIV, № 3405) ‘Ах, **если б** на речной дороге Одо-но тадори, что в Камицукэну, мне **встретиться** с милой, и без свидетелей!’ (дословно: ‘одному’).

Наконец, желательно-восклицательное наклонение выражалось суффиксом *косо*. *Косо* наращивается на вторую основу глаголов. Исходя из внешней формы и семантики, его считают возможным объединить в одну парадигму спряжения с такими формами, как *косу* и *косэ: косо*, *косу*, *косэ*. Суффикс *косо* всегда занимает последнее место в агглютинативном слове.

1. *Уцуцу-ни-ва тадани аванаку юмэ-ни дани ау то* **миэкосо** *вага коураку-ни* (М, XII, № 2850) ‘Наяву [мы] не встречаемся. Ах, **если б** хоть во сне **привиделась** встреча! Ведь я так люблю!’.

2. *Ситэру я Нанива-но цу-ёри фунэёсои варэ-ва когину то имо-ни* **цугикосо** (М, XX, № 4365) ‘Из Нанива, снарядив лодку, я **приплыл** на веслах — так передай моей любимой!’.

В некоторых случаях, как мы видим, форма *косо* может иметь значение повелительного наклонения. Ср. современный парафраз последнего примера: «*цума-ни цугэтэкурэ*». Совершенно очевидно, что грань между желательно-восклицатель-

---

[1] Цугита Дзюн. Кодзики синкō, стр. 398.

ным и повелительным наклонениями очень зыбкая, и желательно-восклицательное наклонение легко переходит в повелительное, в особенности в тех случаях, если явна ориентировка на второе лицо.

3. *Угуису-но матигатэнисэси ммэ-га хана* **тирадзу арикосо** *омоу ко-га тамэ* (М, V, № 845) ‘Цветы сливы, которых с трудом дождался соловей, **не осыпайтесь** ради [моей] любимой’.

Тирадзу арикосо < *тира* (первая основа глагола *тиру*) + *дзу* (суффикс отрицания) + *ари* (вторая основа глагола *ару*) + суффикс *косо*. Дословный перевод: а) ‘ах, если б остались не осыпавшимися!’ или б) ‘оставайтесь неосыпавшимися!’.

Форма *косу* используется, повидимому, исключительно для образования запретительного наклонения, поэтому о ней сказано подробней в соответствующем разделе ниже.

4. *Касуми тацу Касуга-но сато-но ммэ-но хана яма-но араси-ни*[1] **тирикосу**-*на юмэ* (М, VIII, № 1437) ‘Цветы сливы, те, что в селении Касуга, не **осыпайтесь** от порывов горного ветра’ (*Касумитацу* — постоянный эпитет).

Форма *косэ* встречается только в сочетании с отрицательным суффиксом *дзу* в форме *ну* + частица риторического вопроса *камо*. Все вместе получает желательно-восклицательное значение.

5. *Ммэ-но хана има сакэругото тирисугидзу вагаэ-но соно-ни* **арикосэну камо** (М, V, № 816) ‘Цветы сливы, ах, **если б** [вы] **оставались** такими же цветущими, какими [вы] сейчас в моем саду!’.

Перевод на современный язык для понимания этой формы представляет два варианта: а) *аттэкурэнай но ка* и б) *дōка аттэкурэё-каси*.

Использование желательного *косо* ограничивается текстами VIII в., как на это указывает Ямада.[2]

Особо необходимо остановиться на суффиксе *маси*.

Японские лингвисты обычно пытаются провести различие между *маси* желательным и *маси* выражающим вероятность, рассматривая их как два разных суффикса. Мы полагаем, что это неправильно и что разница здесь лишь контекстуальная. Существовало лишь одно *маси*, выражавшее то, что, используя термин Потебни, можно назвать «идеальным» наклонением. В зависимости от контекста оно могло выражать желание, надежду, вероятность. Всякая попытка разделения

---

[1] Вариант: *араси-но кадзэ-ни*.
[2] Ямада. Хэйантё. . ., стр. 445.

их искусственна. Можно лишь указывать на разницу в значении, а не на то, что это разные суффиксы.

Наращивается *маси* на первую основу глаголов. Спряжение его неполное: для текстов VIII в. указывается только форма *маси* в двух синтаксических функциях: а) конечное сказуемое и б) определительная форма.

Для более позднего времени Ямада указывает основы: 1 *масэ*, 3, 4 *маси*, 5 *масика*.[1] Все авторы при этом возводят этот суффикс, и вполне справедливо, к суффиксу *му*, рассматривая его как производный от первой основы *му — ма*. Таким образом, в парадигме спряжения суффикса *му* восстанавливается первая основа на *ма* (ср. с приведенным выше суффиксом будущего времени *маку*). В прозе *маси* встречается гораздо реже, чем в поэзии, и при этом, повидимому, преимущественно в прямой речи.

1. *Окурэитэ коиба куруси мо асагари-но кими-га юми-ни мо* **нарамаси** *моно-о* (М, XIV, № 3568) ‘Оставшись одной (‘оставшись без тебя’), тосковать как тяжело! Ах, **если б стать** луком твоим на утренней охоте!’.

Моно-о — восклицание, усиливающее экспрессивность высказанного желания.

2. *Хито-ёри-ва имо дзо мо асики. Кои мо наку* **арамаси** *моно-о омовасимэцуцу* (М, XV, № 3737) ‘Любимая даже хуже [чужих] людей [относится ко мне]. **Ах, если б** не любить, возбуждая любовь!’ (т. е. ах, если б лишь возбуждать любовь, но не любить самому!).

3. *Кими-га мута* **юкамаси** *моно-о. Онадзи кото окурэтэ орэдо ёки кото мо наси* (М, XV, № 3773) ‘Ах, **если б пойти** вместе с тобой! Все равно, если останусь одна, ничего хорошего не будет’.

4. *Татибана-но ниоэру соно-ни хототогису наку то хито цугу. Ами* **сасамаси** *о* (М, XVII, № 3918) ‘Люди говорят, что в саду, где цветут померанцы, поет кукушка. Ах, **если б раскинуть** [там] силки!’.

5. *Иробукаку сэна-га коромо-ва* **сомэмаси**-*о. Ми-сака таба-раба*[2] *масаякани миму* (М, XX, № 4424) ‘Ах, **если б** в яркую краску **окрасить** платье [моего] милого! Обогнул бы [он] холм, был бы отчетливо виден’.

---

[1] Ямада. Хэйантё. . ., стр. 175.

[2] *Табару* восходит к *бару = мавару* в сочетании с префиксом *та*. Ср. чередование *б // м* без изменения значения слова: *кэмури-кэбури* ‘дым’, *самисий — сабисий* ‘грустный’, *табу — тамау* ‘давать’. Тем не менее этимология этого слова требует уточнения. В данном случае мы даем лишь традиционное толкование, полагаясь на авторитет Отиаи Наобуми, автора словаря «Котоба-но идзуми».

Во всех указанных выше примерах суффикс *маси* используется при глагольных сказуемых в самостоятельных предложениях. Семантика его, следовательно, не зависит от синтаксического контекста: можно сказать, что в этих случаях *маси* находится в наиболее благоприятной позиции. Учитывая это, мы и определяем основное значение *маси* как желательное (точнее — желательно-восклицательное). Это, однако, отнюдь не препятствует тому, что в связи с контекстом в *маси* могут реализоваться и некоторые иные семантические оттенки. Так, в *маси* может быть выражено желание, обращенное к прошлому и поставленное в зависимость от определенных условий.

6. *Имо-га иэдзи тикаку арисэба мирэдо акану Марифу-но ура-о* **мисэмаси** *моно-о* (М, XV, № 3635) 'Если б близок был дом [моей] милой, ах, [я] **показал бы** [ей] бухту Марифу, которой ненасытно любуешься!' (дословно: 'хоть смотришь, но не пресыщаешься').

Арисэба — вторая основа глагола *ари* + *сэ* (первая основа суффикса прошедшего времени *ки*) + суффикс условного наклонения *ба*.

7. *Какараму то канэтэ сирисэба Коси-но уми-но арисо-но нами мо* **мисэмаси** *моно-о* (М, XVII, № 3959) 'Если б [я] знал заранее, что так и будет, ах, [я] **показал бы** бурные волны, бьющие в берег на море Коси!'.

8. *Хориэ-ни-ва тама* **сикамаси**-*о ōкими-о ми-фунэ когаму то канэтэ сирисэба* (М, XVIII, № 4056) 'Ах, весь канал [я] **усыпал бы** жемчугом, если б заранее знал, что государь будет плыть по нему!'.

Наличие инверсии еще более подчеркивает в данном случае взаимосвязанность форм *сэба* и *маси*. Связь с *ба*, вовлекает и *маси* в орбиту условности, предположительности. Отсюда, в связи с контекстом, *маси* может получить значение предположительности.

9. *Вагимоко-га катами-но коромо накарисэба нани моно мотэ ка иноти* **цугамаси** (М, XV, № 3733) 'Если б не было платья, [данного мне] на память моей милой, то чем бы [я] **стал поддерживать** [свою] жизнь?'.

10. *Асукагава сигарами ватаси сакамасэба нагаруру мидзу мо нодокани ка* **арамаси** (М, II, № 197) 'Если бы поставить запруду на реке Асукагава, то **может быть** воды ее и потекут (дословно: 'будут') спокойнее'.

11. *Вага сэко-то футари мимасэба икубакука коно фуру юки-но* **урэсикарамаси** (М, VIII, № 1658) 'Каким **приятным был бы** этот летящий снег, если б мы смотрели на него вдвоем с милым'.

12. *Куни-ни* **араба** *тити* **торимимаси** *иэ-ни* **араба** *хаха* **торимимаси** (М, V, № 886) ‘Был бы [я] на родине, отец **позаботился бы** [обо мне], был бы [я] дома, мать позаботилась бы [обо мне]’.

13. *Каку араму то сирамасэба, кокоро окитэ мо* **катараитамаи аимитэмаси** *моно-о* (М, № 58, 865) ‘Если б [я] знал, что так будет, [я] внимательно **переговорил бы, посмотрел бы**’.

14. *Омоицуцу нурэбая хито-но миэцураму. Юмэ то* **сирисэба самэдзарамаси** *о* (Кс, 535) ‘Оттого ли, что легла спать в тоске, он мне привиделся во сне. Ах, если б знала, что это сон, **ведь не проснулась бы**’.

15. *Кими коуру намида си* **накуба** *карагоромо мунэ-но атари-ва иро* **моэнамаси** (Кс, 547) ‘**Если б не было** слез тоски по тебе, то **пламенел бы** цвет [моей] парчевой одежды на груди’ (т. е. цвет одежды не поблек бы от слез).

В примерах 6—11 и 13—14 интересно отметить наличие временно́го показателя прошедшего времени *сэ* (от *ки*) при сказуемом придаточного предложения и отсутствие временно́го показателя при сказуемом главного предложения.[1] Последнее, таким образом, ориентируется на сказуемое придаточного предложения. Обычно, как известно, наблюдается явление обратного порядка — влияние временно́й характеристики конечного сказуемого на так называемое серединное сказуемое, которое в определенных случаях выступает во вневременно́й форме (деепричастие на *тэ* || *дэ*, равно как и вторую основу с соответственными суффиксами деепричастия настоящего времени или без них, т. е. в бессуффиксальной форме, мы рассматриваем в значении категории консекуции, а отнюдь не в абсолютном временно́м значении).[2]

16. *Ямадзато-ни* **тиринамасикаба** *сакурабана ниоу сакари* **сирарэдзарамаси**[3] ‘**Если б** [они] **осыпались бы** в горном селении, цветы вишни, пора их расцвета **осталась бы неизвестной**’.

Тиринамасикаба — *тира* + суффикс прошедшего совершенного *на* (первая основа суффикса *ну*) + *масика* (пятая основа суффикса *маси*) + условный суффикс *ба*.

В заключение данного раздела необходимо указать на некоторую условность термина «желательно-восклицательное наклонение». Используя подобного рода термин, мы вовсе

---

[1] Ср., однако, примеры 12 и 15 без *сэ*.

[2] См.: А. Г. Шанидзе. Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка. Изв. АН ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 2, стр. 167.

[3] Цит. по Ямада, «Нихон бумпо̄рон», стр. 459. Стихотворение цитируется им без указания на источник.

не включаем категорию экспрессивности в раздел наклонения. Принимая такое обозначение, мы стремились лишь передать тот особый оттенок, которым эта форма отличается от обычного желательного наклонения. Если последнее выражает желание, исходящее от определенного субъекта, и в этом смысле носит личный характер, то желательно-восклицательное, как мы это видели выше, не связано с субъектом и носит безличный характер. На примере *маси* мы видим, как нередко условно бывает деление суффиксов на желательные и предположительные, проводимое японскими грамматиками.

3. ВЕРОЯТНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Выше нам уже приходилось говорить о некоторых формах, выражающих вероятное, или предположительное наклонение, поскольку разграничение между ним и наклонением желательным было бы в некоторых случаях совершенно искусственным. Здесь мы остановимся поэтому лишь на тех морфологических показателях, значение которых ограничивается вероятностью и не связано с оптативом. К таковым принадлежат суффиксы *кэму*, *раму* и диалектальный вариант *наму* (*намо*), наращиваемый на третью основу, *раси*, *мэри*, *бэси* и связанные с последним этимологически *бэми*, *бэра*.

Суффикс *кэму* (спрягается по основам: 3,4 *кэму*, 5 — *кэмэ*) наращивается на вторую основу глаголов. Этимологически рассматривается как сочетание первой основы суффикса прошедшего времени, т. е. *кэ*, с суффиксом *му*: *кэ* + *му*.[1] В данном сочетании реализуется не временно́е, а модальное значение *му*. Явление это вполне понятно, если принять во внимание временно́е значение первого компонента (т. е. *кэ*); *кэ*, очевидно, и нейтрализует временно́е значение суффикса *му*. В результате данная составная форма получает значение прошедшего вероятного.

1. *Вага ока-но о-ками-ни ицтэ фурасимэси юки-но кудакэ си соко-ни* **тирикэму** (М, II, № 104) ‘Там, **вероятно, упали** [лишь] порошинки того снега, который [вы] вызвали, обратившись к богу наших холмов’.[2]

2. *Юку фунэ-о фуритодомиканэ икабакари* **коосику арикэму** *Мацурасаёхимэ* (М, V, № 875) ‘Как, **вероятно**, **тоско-**

---

[1] Ямада. Наратё. . ., стр. 213.

[2] Стихотворение это является «ответным стихотворением», и поэтому по содержанию тесно связано с предшествующим, которое мы не приводим. Текстуального перевода, однако, достаточно для понимания формы *кэму*.

вала, не будучи в состоянии мановением [платка] задержать плывущую лодку, дева Мацурасаёхимэ!'.

3. *Яма-но на то ицугэ то ка-мо Саёхимэ-га коно яма-но э-ни хирэ-о* **фурикэму** (М, V, № 872) 'Не для того ли, чтоб закрепить [на века] имя этой горы, [дева] Саёхимэ на ней махала платком?' ('дева Саёхимэ, **вероятно**, **махала** платком не для того ли...').

4. *Унабара-но оки юку фунэ-о каэрэ то ка хирэ* **фурасикэму** *Мацурасаёхимэ* (М, V, № 874) 'Не с тем ли **махала** платком [дева] Мацурасаёхимэ, чтоб остановить плывущую в открытом море ладью'? (дословно: 'не **махала** ли платком, чтоб: остановись, мол, ладья, плывущая в открытом море!'). [1]

5. *Тити-га какусимани арэ то омоитэ* **омобукэосиэкэму** *кото аямадзу усинавадзу иэкадо арасадзу ситэ сумэра-га микадо-ни цукаэмацурэ...* (Мн, № 13, 783) 'Служи владыке, блюдя [свой?] дом, не теряя, не нарушая того, чему, **должно думать**, **учил** отец, наставляя: будь, мол, таким'.

В данном переводе мы несколько отступили от текстуальной точности в передаче суффикса *кэму*, используя не наречие «вероятно», а выражение «должно думать» и придавая таким путем определенную модальную окраску глаголу «учил» («должно думать, учил»). И грамматически и стилистически этот оборот в данном случае, как нам кажется, вернее, нежели наречие «вероятно», передает модальную окраску *кэму*. Основное значение данного суффикса — выражение субъективного мнения говорящего в отношении событий прошлого. Богатство и гибкость русского языка позволяют нам передавать это значение посредством целого ряда модальных выражений, варьируя их в связи с контекстом. Иногда даже, как мы видели выше, значение этого суффикса скрадывается и покрывается вопросом в вопросительных предложениях.

6. *Мата коно кото-о ситэ Киёмарора-то* **аихакарикэму** *хито ари* (Мн, № 14, 839) 'Есть люди, которые, ведая этим, **видимо**, **стакнулись** с Киёмаро и его приспешниками'.

В «Микотонори» нет больше примеров на форму *кэму*. В «Манъёсю» эта форма представлена несколько богаче. Отличие «Микотонори» от «Манъёсю» в этом отношении не хронологического, а стилистического порядка.

7. *Хэнгэ-но моно-нитэ* **хабэрикэму** *ми то мо сирадзу* (Т, 3) 'я вовсе не ведаю того, что [я] **была, возможно**, перевоплощением божества'.

---

[1] *О* в данном случае не винительный падеж, а восклицание.

8. *Ицу ка* **кикикэму**, «*Курамоти-но мико-ва, удонгэ-но хана мотитэ ноборитамаэри*» *то ноносирикэри* (Т, 7) ‘Когда [об этом] **услыхали**, [неизвестно], но все кричали: «Принц Курамоти проследовал в столицу с цветком Удонгэ»’.

9. *Окина, мико-ни мōсу ё̄, «иканару токоро-ни ка, коно ки-ва* **сабураикэму**, *аясику урувасику мэдэтаки моно-ни мо»-то мōсу* (Т, 8) ‘Старик так говорит принцу: «В каком это таком месте **было** это дерево? Удивительная, прекрасная, замечательная вещь», — так говорит’.

10. *Миядзукаса сабурау хитобито, мина тэ-о вакатитэ мотомэтатэмацурэдомо, мимакари мо я,* **ситамаикэму**, *э-мицукэтатэмацурадзу нарину* (Т, 12) ‘Слуги дворцовые, разделившись на группы, искали его, но умер он, **что ли**, так и не смогли найти [его]’.

11. *Куни-ни бсэтамаитэ, тагоси цукурасэтамаитэ, ниёбу-ниёбу нинаварэтэ ути-ни иритамаинуру-о, икадэ* [*ка*] **кикикэму**, *цукавасиси онокодомо маиритэ мōсу ё̄* (Т, 18—19) ‘По его приказу в провинции сделали носилки; стеная, он возлежал на них (дословно: ‘был несом’) и так прибыл к себе домой. Как об этом **прослышали** [неизвестно, но] те, кого он посылал [за драгоценностью на шее дракона], пришли и так сказали...’.

12. *Корэра-о ёсинаси то я* **омоварэкэн**, *соно ёру-но ямиути накарикэри* (Х, 3) ‘**Решили ли** [они] относительно всего этого, что бесполезно [неизвестно, но] этой ночью тайное убийство не было совершено’.

13. *Ана куро-куро, куроки тō кана. Иканару хито-но* **урусинурикэн** (Х, 3) ‘Ах, черным-черна черная глава! Кто же [ее] **отлакировал**?’ (насмешливая песенка по адресу Тайра Тадамори).

Начиная с XIV—XV вв. и далее, суффикс *кэму*, повидимому, выходит из употребления. Юдзава, во всяком случае, в своем исследовании, посвященном «Сёмоно», его не отмечает. Нет упоминания об этой форме и в грамматике Родригеца.[1]

Подведем итоги: суффикс *кэму* имеет значение прошедшего вероятного. В некоторых случаях (имеем в виду вопросительные предложения) он, выражая сомнение, относящееся к прошлому, как бы смягчает прямоту и недвусмысленность вопроса. Проиллюстрируем нашу мысль на нескольких примерах.

[1] J. Rodriguez. Arte de Lingoa de Japam. Nangasaki, 1604. Французский перевод: Élemens de la Grammaire Japonaise traduits du Portugais... par M. C. Landresse. Paris, 1825.

14. *Кагуроки ками-ни ицу-но ма ка симо-но* **фурикэму** (М, V, № 804) ‘Когда это на черные волосы **упал** иней?’.

Поэт начинает свое стихотворение с описания цветущей юности, но вот как-то незаметно вдруг подкралась старость. Когда она подкралась?. ‘Когда это на черные волосы упал иней?’ — спрашивает поэт. Совершенно очевидна эмоциональная насыщенность этого вопроса. Спрашивающий не ждет и не может ждать ни от кого ответа, он сам это понимает. Он констатирует определенный факт, свершившийся в прошлом, но он лишен возможности точно установить момент свершения.

Иначе обстоит дело в том случае, если при наличии вопроса использовано не *кэму*, а соответственный суффикс прошедшего времени, т. е. *ки*. Попробуем, опираясь на ряд аналогичных конструкций, создать лабораторный пример: *Кагуроки ками-ни ицу-но ма ка симо-ва* **фурики** ‘Когда **упал** иней на черные волосы?’. В этом предложении выражен прямой вопрос, на который спрашивающий ожидает прямого ответа. Спрашивающий фактически заинтересован в ответе.

15. *Тарасихимэ ками-но микото-но на цурасу то митатасисэриси иси-о тарэ* **мики** (М, V, № 869) ‘Кто **видел** тот камень, на котором стояла богиня Тарасихимэ, чтоб ловить рыбу?’.

Независимо от того, возможен ответ на этот вопрос или нет, спрашивающий выражает его в форме прямого вопроса, связанного с событиями прошлого.

Необходимо указать еще на один момент, связанный с синтаксическим значением формы *кэму*. Нередко вопросительное предложение, сказуемое которого характеризуется суффиксом *кэму*, может выступать формально как совершенно самостоятельное, фактически же оно оказывается связанным по смыслу со следущим за ним предложением.

Встречаются подобные конструкции только в прозе. Пример см. выше, № 11 (из «Такэтори-моногатари»).

Вероятность, относящаяся к непрошедшему, выражается суффиксом *раму*. Он соотносителен с *раси*, но в отличие от него выражает предположение без ссылки на объективные данные. Спрягается он так: 3, 4 *раму*, 5 *рамэ*, наращивается на третью основу глаголов и глагольных суффиксов. К неправильным глаголам и глаголам-суффиксам типа *ари* наращивается на четвертую основу. Это же правило остается в силе и для всех остальных суффиксов, наращиваемых на третью основу.

1. *Мацурагава кава-но сэ хаями курэнаи-но мо-но сусо нурэтэ ало ка* **цурураму** (М, V, № 861) ‘Река Мацурагава. Такое

быстрое течéниé, чтó, **вéроятно**, [она] **удúт** áю[1] с мокрым (буквально: ʻзамочивʼ) подолом пурпурного одеянья'.

Наклонение, выраженное суффиксом *раму*, относится и к сказуемому, характеризуемому деепричастием. Последнее, таким образом, в модальном отношении нейтрально.

2. *Асибики-но яма-тани коэтэ нудзукаса-ни има-ва* **накураму** *угуису-но коэ* (М, XVII, № 3915) 'Перелетев через горы [и] долы, на пригорке в равнине сейчас, **вероятно**, **поет** соловей' (дословно: ʻголос соловьяʼ).

3. *Татибана-но ниоэру ка камо хототогису наку ё-но амэ-ни* **уцуроинураму** (М, XVII, № 3916) 'Неужели так и **исчезнет** аромат цветущих померанцев из-за дождя ночью, когда поет кукушка?' (вопросительная частица *камо* относится ко всему предложению).

4. *Хито мина-но* **мираму** *Мацура-но Тамасима-о мидзутэ я варэ-ва коицуцу ораму* (М, V, № 862) 'Неужели я так и буду тосковать, не увидев того острова Тамасима в Мацура, который, **вероятно**, все **увидят**?'.

Форма *мираму* восходит к *мирураму*. Для структуры глаголов старояпонского языка характерно выпадение слога *ру* перед *р* в анлауте глагольного суффикса; так *миру* + *раму* дает *мираму*; *кэру* + *раси* дает *кэраси*. Это явление, однако, факультативно. О нем важно помнить, так как наличие его создает впечатление наращивания указанных суффиксов с начальным *р* не на ту основу, на которую они должны наращиваться. Однако в памятниках более позднего времени, таких, например, как «Кокинсю̄» или «Макура-но со̄си», слог *ру* обычно не опускается.[2] Соответственно с этим в этих памятниках встречается такая форма, как *мирураму* (а не *мираму*).

5. *Харугасуми на-ни* **какусураму**, *сакурабана. Тиру ма-о дани мо мирубэки моно-о* (Кс, 87) 'Зачем **скрывает** весенняя дымка цветы вишни? Ведь можно было б посмотреть хоть время их увяданияʼ (*на-ни* в данном случае выступает не в значении вопросительного «что», а в значении вопросительного «почему»).

6. *Вакасусуки-ни, тэ-о кирукиру цундару на-о, оя я* **махору раму**, *сю̄томэ я* **куураму** (Тн, 87) 'Те коренья, которые я собрала, раня руки молодой осокой, родители ли ими **полакомятся**? свекровь ли их **съест**?'.

7. *Кадзитори-но иваку, «коно Сумиёси-но мёдзин-ва рэй-но ками дзо каси. Хосики моно дзо* **овасураму**» *то ва, имамэку*

---

[1] Аю — рыба (Plecoglossus altivelis).

[2] См.: Ямада. Хэйантё̄..., стр. 92—93.

моно ка. Сатэ, «нуса-о тасимацуритабэ» то ю (Тн, 21) ‘Кормчий вот что говорит: «Этот пресветлый бог Сумиёси — это известный бог, **видимо, изволил** пожелать чего-нибудь». Знать, [он] совсем в духе времени [этот бог-то]. Посему «поднесите [ему] нуса»,[1] так [кормчий] говорит’.

8. *Таматама омоитатэ маиритэ сōрō о, сугэнō ōсэрарэтэ каэсасэтамаван кото фубин нарэ. Икабакари хадзукасю катавараитаку мо* **сōрōраму** (X, 11) ‘Решившись, [она] в кои веки раз явилась, а [вы] жестокими словами повелели [ей] уйти. Как это нехорошо. Как, **вероятно**, [ей] стыдно и больно’ (*катавараитаси* — собственно означает ‘больно смотреть со стороны’).

Суффикс *раму* остается продуктивным и в «Сёмоно». Так, Юдзава приводит следующие примеры:

9. *Доку-га* **аруран** *тотэ мадзу намэтэ миру дзо*[2] ‘**Вероятно**, [это] **отравлено**, — с этими словами прежде всего пробует на вкус’ (дословно: ‘вероятно, есть яд’).

10. *Кокономагари-но сака-дэ дзо* **аруран** ‘[Это], **вероятно**, склон с множеством поворотов (дословно: ‘с девятью поворотами’).

Чаще, однако, в это время встречается форма *рō*, как дальнейшая фонетическая эволюция *раму* > *ран* > *рау* > *рō*.

11. *Ананта-ни мо* **омоидасурō** ‘**Вероятно**, и вам **вспоминается**’.

12. *Сюхин-тоно мо сирага-сэрарэтэ дзо* **сōрōрō** ‘И князь Сюхин [Чжоу-нин] также, **вероятно**, уже поседел’.

13. *Са косо* — **обосимэсурō** ‘**Вероятно**, так именно думает’.

Юдзава указывает на частое использование этого суффикса с формой будущего времени, характерной для этой эпохи и выражаемой долгим гласным + *дзу* (из *то* + *су*).

14. *Маньити вакабаэтараба мата идзурэ-но хару-ни ка* **авōдзурō** ‘Если б удалось омолодиться, то какой-нибудь весной **встретились бы** вновь’.

15. *Иканару кэйбацу-ни мо авасэ ка* **сэрарёдзурō** *тотэ* ‘**Вероятно, будет** присужден к какому-нибудь наказанию’.

В это же время встречается и форма *ра*, появившаяся, видимо, на почве потери долготы с последующей делабиализацией (*рō* > *ро* > *рэ* > *ра*).

16. *Синрё-кун я нандо-ва хокумэн-ситэ* **кōдзура** *има-ва тайго-ни мукаэн-то суру дзо* ‘Князь Синрё, **вероятно**,

---

[1] Нуса — волокна льна, позже — полоски шелка, бумаги, подносимые богам.

[2] Юдзава. Муромати. . ., стр. 231. Примеры 10—16 взяты оттуда же (стр. 231—232).

явится по долгу службы. Сейчас собираюсь [к нему] навстречу'.

Суффикс *раму* в форме *рō* теряет свое спряжение. Форма *рамэ*, т. е. так называемая пятая основа, встречается в «Сёмоно» уже очень редко и, повидимому, только в тех предложениях, в которых налицо усилительное *косо*, т. е., иначе говоря, лишь как заключительное сказуемое, а не в составе уступительного или условно-временно́го придаточного предложения. (Формы *рамэдо* или *рамэба* в работе Юдзава отсутствуют.)

В современном языке форма *рō* совершенно отсутствует, и вероятное наклонение выражается: а) окончанием *ō*||*ёō* (*ō* характеризует глаголы первого спряжения типа *ёмо*, *какō*, *тобō* и т. п.; *ёō* — все остальные — *миёō*, *табэёō* и т. п.); б) формой вероятности глагола-связки *дэсёō*, *дарō*. Последнее восходит, очевидно, к *дэ арō*.

Разница между *дарō* и *дэсёō*, по мнению Киэда, стилистическая. Форму *дэсёō* он считает более вежливой, чем форму *дарō*.[1] Между использованием глагольной связки и использованием флективной формы глагола Киэда также не усматривает никакой разницы. Нам думается, что в плане изучения современного языка этот вопрос необходимо пересмотреть и уточнить, включив в него также форму *мас*, т. е. *масёō*. Все эти вопросы не являются, однако, предметом нашей работы.

Проследив, таким образом, основные этапы развития вероятного наклонения, выражаемого суффиксом *раму*, вернемся к эпохе «Манъёсю» и сделаем одно добавление, касающееся специально того раздела, который носит название «Адзума ута» («Песни Востока»). Название это приурочивается к тому XIV «Манъёсю», но, по существу, может быть отнесено и к ряду стихов тома XX, поскольку они передают песни так называемых *сакимори*, т. е. «стражей границ». Из тома XX Ямада извлекает девяносто три песни, отражающие восточный диалект. Указанные «Адзума ута» исключительно ценны в диалектальном отношении, так как являются редким памятником, сохранившим наиболее древнее свидетельство о восточном диалекте. В связи с этим Ямада и посвящает им специальную главу в своей «Грамматике языка эпохи Нара».[2] В числе грамматических особенностей восточного диалекта (восточные провинции Японии в древности носили название Адзума) Ямада указывает использование формы *наму*||*намо*

---

[1] Киэда Масуити. Кōтō кōгохō кōги, стр. 341.

[2] Ямада. Наратё... (глава «Адзума ута-ни араварэтару токусюнару гохō»).

в значении наклонения вероятности. Эта форма, точно так же как суффикс *раму*, наращивается на третью основу глагола или глагольных суффиксов и представляет собой диалектальную разновидность *раму*. Формы спряжения, однако, этот суффикс лишен. Ауслаут на гласный *о* вместо *у* (*раму*) характерен для восточного диалекта; так, суффиксу будущего времени *му* нередко в «Адзума ута» соответствует *мо*; например: *има-ва икани сэмо* (М, XIV, т. Ямада, 516) ‘как [мне] поступить сейчас?’; *нэмо то ва-ва моу* (Там же) ‘Я собираюсь спать’. В западном диалекте было бы *икани сэму; нэму то ва-ва моу* (*моу* — сокращение от *омоу*).

Диалектальное чередование звука *р* западного диалекта со звуком *н* в восточном (*раму*||*наму*) уже давно отмечалось в литературе.[1] Упоминание об этом явлении мы находим уже в труде Татибана Тикагэ (1735—1808) «Манъёсю рякугэ», представляющем собой антологию «Манъёсю» с небольшими комментариями.[2] В разделе, посвященном тому XIV, Тикагэ приводит следующие стихи:

Убэ кона-ва вану-ни коунамо. Тато цуку-но нуганаэюкэба коусикарунамо (М, XIV, № 3476; в изд. Ёсано, VII, 60).

Стихотворение это с точки зрения западного диалекта совершенно непонятно. Вот что по поводу него говорит Татибана Тикагэ: *«Убэ кона-ва» ва «убэ кора-ва» нари. Коно утано «на»-ва мина «ра»-ни каёэри «Вану»-ва варэра то ю кото-о, адзумагото-ни «вану» то ю нарубэси*»[3] ‘Выражение *убэ кона-ва* означает *убэ кора-ва*. Все *на* в этой песне соответствуют *ра* (т. е. все *н* соответствуют *р*). Так *вану* на языке Адзума, очевидно, означает *варэра*’.

Исходя из этого, в переводе на западный диалект района Кинай эта песня должна звучать следующим образом: *Убэ кора-ва варэ-ни коураму. Тацу цуки-но нагараэюкэба коисикарураму* ‘Да, тоскует, должно быть, обо мне моя милая. Ведь месяц за месяцем утекает. Как, вероятно, тоскливо [ей]’.

Наму||*намо*, таким образом, выясняется как вполне закономерное диалектальное соответствие *раму*.

---

[1] Как в восточной, так и в западной областях имеется много отдельных диалектов. Можно поэтому говорить о группе восточных и о группе западных диалектов, поскольку они объединяются рядом сходных признаков. За основу деления диалектов Хонсю берется Запад (Кансай) и Восток (Канто).

[2] Труд этот уже в наше время был переиздан поэтессой Ёсано Акико. Цитируем по ее изданию.

[3] Для большей понятности текста мы позволим себе цитаты, взятые из стихотворения, включить в кавычки, которые в оригинальном тексте Тикагэ, понятно, отсутствуют.

Хитагата-но исо-но вакамэ-но татимидаэ вё-о ка **мацунамо** *кисо мо коёи мо* (М, XIV, № 3563) ‘Юные водоросли у берега в бухте Хитагата в смятении, **вероятно**, **ждут** меня и вчера и сегодня’.

Примечание. *Вакамэ* — название особого вида водорослей Undaria pinnatifida, sur. Возможно, однако, что в стихотворении этот образ был использован по созвучию слова *вакамэ* с *вака* [*и*] ‘молодая’ + *мэ* ‘женщина’ (ср. *химэ* ‘представительница родовой аристократии’ *варавамэ* ‘девочка’, *ямомэ* ‘вдова’, *мэ-но ко* ‘девочка’ и т. п.).

В отличие от вышеописанного *раму*, выражающего предположение без ссылки на объективные данные, суффиксы *раси* и *мэри* оправдывают предположение ссылкой на объективные данные. В этом отношении обе эти формы сходны с такими модальными выражениями русского языка, как: «видимо», «похоже на то, что», «кажется», и т. п. В отношении восстановления значения суффикса *раси* весьма помогает его живая связь с суффиксом *расий* современного языка, указывающим на сходство. Значение это особенно отчетливо выступает в адъективизирующем *расий*, образующем отименные прилагательные типа: *кодоморасий* ‘ребяческий’ (т. е. ‘похожий на ребенка’), *отокорасий* ‘мужеподобная’, и т. п.

Раси наращивается на третью основу глаголов и глагольных суффиксов. За время своего существования оно претерпело некоторые внешние, формальные изменения, а именно: в древнем языке этот суффикс спрягался по двум основам: *раси* выступало в качестве заключительной основы, форма *расики* — в качестве определительной основы. Примечательно при этом то, что в предложении с экспрессивной частицей *косо* конечное сказуемое могло характеризоваться заключительной формой, т. е. *раси*. Этот момент приходится отмечать особо, ввиду того, что в древнем языке (тексты VIII в.) при спряжении адъективного типа, примером которого выступает *раси*, сказуемое должно было характеризоваться так называемой определительной формой. Лишь несколько позднее появляется использование условно-временно́й формы сказуемого при наличии *косо*; см., например: *корэ косо ёкэрэ* ‘это именно хорошо’. Форма *расики*, при наличии в предложении *косо*, однако, также не исключена в древних памятниках. Тем не менее Ямада не приводит ни одного примера, иллюстрирующего собственно аттрибутивное использование данной формы, в позиции перед определяемым. Все случаи, которые он цитирует, относятся лишь к предикативному использованию этой формы.[1]

[1] Ямада. Наратё. . ., стр. 221.

1. *Хару сугитэ нацу* **китарураси**. *Сиротаэ-но коромо хоситари амэ-но Кагуяма* (М, I, № 28) ‘**Видно**, весна уж прошла и лето **приходит** — белые одеянья сушит небесная гора Кагуяма’.

Примечание. *Китару* в данном случае — не перфект от *куру*, а глагол *китару* — первого спряжения; ср. переходный *китасу*.

2. *Нубатама-но ё-ва* **фукэнураси**. *Тамакусигэ Футагамияма-ни цуки катабукину* (М, XVII, № 3955) ‘Ночь, **видимо**, **стала уж поздней** — месяц склонился к горе Футагамияма’.

Нубатама-но — постоянный эпитет к слову «ночь». *Тамакусигэ* — постоянный эпитет к топонимическому названию *Футагамияма*.[1]

Интересно отметить, что указанное выше значение *раси* находит в обоих примерах наглядное подтверждение. Так, в первом случае поэт судит о наступлении лета по тем белым одеждам, которые развешаны для просушки на горе Кагуяма. Во втором случае знаком того, что уже стало поздно, служит месяц, близкий к заходу.

В обоих случаях предположение служит выводом из некоего наглядного доказательства. Мысль наша станет яснее, если уничтожить инверсию, характерную для обоих приведенных выше стихотворений. Без инверсии получится:

Амэ-но Кагуяма сиротаэ-но коромо хоситари. Хару сугитэ нацу **китарураси** ‘Небесная гора Кагуяма сушит белые одеянья — [значит], **видимо**, весна **уж прошла** и наступает лето’.

Тамакусигэ Футагамияма-ни цуки катабукину. Нубатама-но ё-ва **фукэнураси** ‘Месяц склонился к горе Футагамияма — [значит], **видимо, уже стало поздно**’.

Таким образом, *раси*, очевидно, выражает конкретную видимость признака, то, что можно было бы назвать его очностью. Этим самым форма *раси* противопоставляется форме *раму*, выражающей заочность. В форме с *раму* нередко высказывается предложение, не требующее доказательства, ссылки на объективные данные. Используя форму *раси*, говорящий обычно стремится ее подтвердить, ссылаясь на наглядные признаки. Обе формы поэтому, принадлежа к наклонению вероятности, не могут быть взаимозаменяемы, каждая из них имеет свое особое значение.

В дальнейшем, начиная с текстов X в., суффикс *раси* теряет свое спряжение, выступая лишь в форме *раси*. И хотя Ямада указывает на то, что, кроме заключительной основы,

---

[1] По вопросу о тропах японской поэзии см. статьи Н. И. Конрада в сборнике «Японская литература в образцах и очерках», 1928.

сохраняется также определительная и условно-временна́я (все три выражаются одной и той же формой *раси*), однако это различение чисто «понятийно», на что справедливо указывают некоторые японские лингвисты.[1] Дело в том, что в качестве определительной основы Ямада выделяет конечное сказуемое в предложении с экспрессивной частицей *дзо*; в качестве условно-временно́й основы он выделяет конечное сказуемое в предложении с экспрессивной частицей *косо*.[2] Все это, точно так же как указание на неиспользование этой формы в прозе, приводит нас к заключению относительно ее непродуктивности уже в это время. *Расий*, используемое в современном языке, судя как по форме его, так и по значению, несомненно восходит к древнему *раси*. Наращивается оно на заключительную основу глаголов (а также глагольных суффиксов и прилагательных) и спрягается по типу прилагательного: 2 *расику*, 3, 4 *расий*.

1. *Асу-ва амэ-ва* **фурурасику омоварэру** ‘**Похоже на то, что** завтра **пойдет** дождь’.

2. *Ягатэ сакура мо* **сакурасий** ‘**Видимо**, и вишня скоро **зацветет**’.

3. *Нанимо* **сиранайрасий** *фӯ-о ёсōттэ иру* ‘Делает такой вид, **как будто** ничего **не знает**’.

Кроме *раси*, в старом языке существовал еще один модальный суффикс, выражающий видимость признака, — это уже упоминавшееся выше *мэри*.

Суффикс *мэри* наращивается на заключительную основу глагола и глагольных суффиксов (за исключением неправильных глаголов типа *ари*, использующих для этого определительную основу; например: *арумэри*).

В текстах VIII в. этот суффикс не встречается, зато широко употребляется, начиная, повидимому, с X в. Вот отчего его можно приурочить не к древнему языку, а староя́понскому. Спрягается *мэри* по типу неправильного глагола *ари*, при отсутствии, однако, первой основы: 1, 2, 3 *мэри*, 4 *мэру*, 5 *мэрэ*. Используется весьма широко как в поэзии, так и в прозе.[3]

1. *Тацутагава момидзи мидарэтэ* **нагарумэри**. *Ватараба нисики нака я таэнаму* (Кс, 281) ‘**Видно**, как россыпью **плывут** по Тацутагава красные кленовые листья. Если пересечь [её], не разорвется ли парча посередине?’.

---

[1] См.: Мацуо Сутэдзирō. Кокугохōронкō, стр. 725 и след.; Дзёдōси-но кэнкю. 1943, стр. 71 и след.

[2] Ямада. Хэйантё. . ., стр. 225.

[3] Относительно этимологии его см.: Ямада. Хэйантё. . ., стр. 222.

2. *Нами-но хана оки-кара сакитэ* **тирикумэри**. *Мидзу-но хару то ва кадзэ я нарураму* (Кс, 460) ‘**Видимо**, в открытом море цветут и, **осыпаясь**, **приближаются** [к берегу] цветы волн. Весна воды — не ветер ли она?’ (т. е. ‘не ветер ли заставляет распускаться и опадать цветы волн?’; «цветы волн» — метафора морской пены).

3. *Ин-но ута* **намэрики** (Уцубо)[1] ‘**Повидимому**, это **были** стихи экс-императора’.

Примечание. Форма *намэри* восходит к *нарумэри* через посредство *наммэри*; иначе говоря, эта форма возникает на почве уподобления *ру* последующему носовому. При отсутствии, однако, графических способов передачи долгого носового налицо оказывается лишь пропуск слога *ру* без выявления соответственного фонетического изменения.

4. *Миру хито мо ито аварэни васурумадзики саманоми* **катараумэрэдо** *хито-но кокоро-ва сорэ-ни ситагаубэки ка ва* (Уцубо)[2] ‘И те, кто видел [это], **видимо**, **говорили** лишь о том, как [это] печально, как этого нельзя забыть, однако может ли сердце человеческое остаться верным сему?’.

В современном языке суффикс *мэри* отсутствует.

Суффикс *бэси* слишком богат значениями, чтобы его можно было подвести под одно узкое определение. В разных контекстах он может означать вероятность, долженствование, возможность. Нет никаких оснований выделить и поставить во главу угла одно какое-либо из этих значений, рассматривая остальные как подчиненные ему или производные. Скорее наоборот, приходится искать то общее, что присуще им всем. Этим общим, очевидно, является выражение действия (resp. состояния), зависящего преимущественно от возможностей действующего лица. Эти возможности могут представляться: а) как обладающие всеми данными для их реализации; б) как такие, которые необходимо реализовать; в) как такие, которые, вероятно, будут или были реализованы (последнее в связи с возможной для *бэси* комбинацией с формами прошедшего времени и перфекта). Современный язык, не знающий употребления *бэси*, выражает все эти значения рядом форм, специфизируя каждое из них.

Бэси наращивается на третью основу глаголов и глагольных суффиксов (к глаголам типа *ари бэси* наращивается на четвертую основу). У глаголов с огласовкой на *и* типа *миру* ‘смотреть’ суффикс *бэси*, как указывает Ямада, в старом языке наращивается на вторую (resp. первую) основу,

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё..., стр. 220.
[2] Там же, стр. 221.

т. е. на основу, характеризуемую гласным *и*. Этот тип наращивания встречается еще в начале X века, сосуществуя в это время с наращиванием на заключительную основу.

1. *Варэ-ни* **нибэки**-*ва тарэ наранаку ни* (Тн) ‘Ведь никто не **сравняется** со мной’.

Нибэки — форма от глагола *ниру* ‘быть похожим’.

2. *Китэ* **мибэки** *хито мо арадзи на* (Кс) ‘Ведь вряд ли найдется такой человек, который **сможет** прийти и **увидеть**’.

Но наряду с этим в «Такэтори — моногатари»: *мирумадзики моно* ‘нечто такое, чего нельзя увидеть’.[1]

По типу своего спряжения *бэси* сходен с прилагательными: 2 *бэку*, 3 *бэси*, 4 *беки*. В древних текстах форма *бэку* в значении первой основы отсутствует, не наблюдается также и пятая основа — *бэкэрэ*. Встречается уже и форма *бэкари*, образованная путем слияния *бэку* + *ари*. Ямада указывает также *бэкэри* как фонетическую разновидность *бэкари*.[2]

Переходим к анализу конкретных примеров.

1. *Коно амацухицуги-но кураи-ва ōмикото-ни масэōмасимаситэ* **осамэтамаубэси** *то юдзуритамау* (Мн, № 3, 757) ‘Этим престолом небесного потомка **должно управлять** твоему величеству — так уступил [ему трон]’.

Примечание. *Масу*, самостоятельный глагол в древнем языке, спрягаясь по типу *ёму* (т. е. с четырехступенным аблаутом), имел непереходное значение ‘быть’; спрягаясь по типу *табу* (т. е. с двуступенным аблаутом: *масэ — масу*), имел переходное значение ‘заставлять быть’.

2. *Сумэра вага ми-ми мо то си-цуки цуморину. Амэ-но сита-но кими то маситэ тоси-но о нагаку ōкисаки имасадзару кото мо, хитоцу-но ёкарану вадза-ни ари, мата амэ-но сита-но мацуригото-ни окитэ хитори* **сирубэки** *моно нарадзу, канарадзу мо сириэ-но мацуригото* **арубэси** (Мн, № 7, 770) ‘И постарел я — государь (дословно: ‘жизни моей годы-месяцы накопились’), и долгое время, будучи правителем поднебесной, государыни не имел — это тоже нехорошо. В делах правления поднебесной нельзя одному управлять — в правлении непременно **должна** принимать участие также и государыня’.

3. *Ко-ва кототацу-ни арадзу, амэ-ни хи-цуки аругото цути-ни яма-кава аругото, нарабимаситэ* **арубэси** (Мн, № 7, 770) ‘Это не есть нечто особенное. Как на небе существуют солнце-луна, как на земле существуют горы-реки, точно так [оба] **рядом должны быть**’.

---

[1] Ямада. Хэйантё..., стр. 92—93.

[2] Ямада. Наратё..., стр. 230. Цитируется одно стихотворение из тома IX «Манъёсю».

4. *Васурэдзу усинавадзу* **арубэки** *сируси то ситэ* (Мн, № 10, 774) ‘В знак того, что [это] не **должно** забывать, не должно терять’.

5. *Кумо-ни тобу кусури хаму ё-ва мияко миба иясики ага ми мата* **отинубэси** (М, V, № 848) ‘Чем от вкушения волшебного снадобья (дословно: ‘снадобье для парения в облаках’) я, презренный, **вероятно**, скорее **помолодел бы**, если б увидел столицу’.

6. *Имо-га миси ōти-но хана-ва* **тиринубэси**. *Вага наку намида имада хинаку-ни* (М, V, № 798) ‘Цветы ōти, те, которыми любовалась моя милая, **вероятно**, уже **осыпались**, в то время как мои слезы еще не высохли’.

Здесь необходимо указать, что предположительное значение *бэси* реализуется большей частью при наличии у глагола перфектных суффиксов, хотя это не исключает и некоторых других случаев, так что нельзя сказать, чтобы это являлось абсолютным правилом.

Нередко *бэси* указывает на потенции, которые вот-вот могут реализоваться; в этих случаях этот суффикс часто используется в сочетании с полусвязкой *нари*: *бэку нари*.

7. *Ммэ-но хана сакитэ тиринаба сакурабана цугитэ* **сакубэку** *нари-нитэ арадзу я* (М, V, № 829) ‘Если б осыпались цветы сливы, то вслед за ними не чередовались **цвести** цветам вишни?’. Ср. перевод на современный язык: *сакурано хана-га сакисō-ни нару-дэ ва най ка* (Манъёсю сōсяку, III, 67).

8. *Вага ядо-ни сакари-ни сакэру ммэ-но хана* **тирубэку** *нарину. Миму хито могамо* (М, V, 851) ‘Цветы сливы, пышно расцветшие в моем саду, **вот-вот должны** уже **осыпаться**. Ах, если б кто-нибудь [на них полюбовался бы!]’.

9. *Каминадзуки сигурэ-но цунэ ка вага сэко-га ядо-но момидзиба* **тиринубэку** *мию* (М, XIX, № 4259) ‘В обычае ли это октябрьского дождя, что красные кленовые листья у жилища моего милого видно **вот-вот станут осыпаться**?’.

10. *Кусамакура табиюку хито мо юкифураба* **ниоинубэку** *мо сакэру хаги камо* (М, VIII, № 1532) ‘Трава в изголовьи. О, эти листья хаги, так [ярко] расцветшие, что даже [одеяния] странника, коснувшегося их мимоходом, **вот-вот окрасятся** пурпуром’.

Посредством *бэси* выражается реальная возможность.

11. *Нубатама-но имо-га* **хосубэку** *аранаку-ни вага коромодэ-о нурэтэ икани сэму* (М, XV, № 3712) ‘Ведь милая моя не **может высушить** [их]. Что же [я] сделаю с моими рукавами, если [они] будут мокрыми [от слез]?’.

Примечание. *Нубутама-но* — постоянный эпитет к слову *ёру* ‘ночь’. По ассоциации сна с ночью *нубатама* превращается в постоянный эпитет к слову *юмэ||имэ* ‘сон’ и далее, по принципу аллитерации, к слову *имо* ‘любимая’.

«Мокрые рукава» — в старой японской поэзии обычная метафора слез.

12. *Тōки яма сэки мо коэкину имасарани* **аубэки** *ёси-но наки-га сабусиса* (М, XV, № 3734) ‘Дальние горы. И заставу [я] перешел. Больше **встретиться** нет возможности. Как это печально!’ (дословно: ‘печаль отсутствия возможности встречи!’).

13. *Унабара-но ютакэки мицуцу аси-га тиру Нанива-ни тоси-ва* **хэнубэку** *омоою* (М, XX, № 4362) ‘Смотря на спокойную гладь морской равнины, [мне] кажется, что [я] **мог** бы годы **прожить** в Нанива, где осыпается камыш’.

Примечание. *Аси-га тиру* ‘где осыпается камыш’ — постоянный эпитет к *Нанива*.

В данном случае возможности действующего лица приобретают оттенок желания. Этот семантический оттенок нередко выражается составным сказуемым (глагол с суффиксом *бэку* + *омоою*). Тем самым указывается на чисто субъективный характер данного психологического состояния: возможности, о которых идет речь, вытекают из характера, настроения, наклонностей, вкусов действующего лица.

14. *Амэ-цути-о тэрасу хи-цуки-но кивааминаку* **арубэки** *моно-о нани-о ка омоваму* (М, XX, № 4486) ‘Солнце-луна, освещающие небо и землю, **должны быть** бесконечны. Что об этом думать?’ (т. е. ‘о чем тут беспокоиться?’).

Совершенно очевидно, что долженствование здесь выражает просто констатацию непреложного факта, наличествующего и в данный момент, а не только в будущем. Таким путем выражаются те возможности субъекта, которые ему естественно присущи и составляют одну из основных черт его характеристики. Совершенно очевидно, что и это один лишь из семантических аспектов все того же основного модального значения суффикса *бэси*, которое здесь выражает модальность категорического утверждения. Ōцука Эцудзō — автор грамматического исследования о «Манъёсю» — насчитывает шестнадцать различных значений данной формы.[1] Всё это отнюдь не противоречит тому, что мы говорили выше, так как указывает на те относительные значения, которые данная модальная категория способна реализовать в различ-

[1] Ōцука. Бумпō-ни риккяку. . ., т. II, стр. 25—30.

ных синтаксических контекстах. В своём исследовании Ōцука высказывает очень интересное наблюдение о связи между значениями *бэси* и лицом подлежащего.

Если подлежащее выражено первым лицом, то *бэси* получает значение волеизъявления, желания, решения.

1. *Ё-ва окоторадзу* **бэнкё̄-субэси** ‘Я **буду** (‘хочу, намерен’) прилежно **заниматься**’.

Если подлежащее выражено третьим лицом, то *бэси* получает значение вероятности, предположения.

2. *Карэ-ва окотарадзу* **бэнкё̄-субэси** ‘Он, **вероятно**, прилежно **занимается**’.

Если подлежащее выражено вторым лицом, то *бэси* выражает повеление, императив.

3. *Нандзи-ва окотарадзу* **бэнкё̄-субэси** ‘Ты **должен** прилежно **заниматься**’—‘**Занимайся** прилежно’.

Если подлежащее выраженио вторым лицом со стилистическим оттенком вежливости, то *бэси* получает значение побуждения.

4. *Кими-ва окотарадзу* **бэнкё̄-субэси** ‘Вы **должны** прилежно **заниматься**’. (В этом примере автор употребляет *кими*, повидимому, не в том значении, которое оно имеет в современном языке, а в архаичном, бытовавшем в эпоху «Манъёсю̄»).

Эти указания очень интересны и, со своей стороны подтверждают мысль, высказанную нами ранее, об основном значении суффикса *бэси* в соотношении с различными его семантическими оттенками.

Наряду с суффиксом *бэси* в текстах VIII в. необходимо также отметить форму *бэми*, производную от того же корня. Судя по окончанию, эта форма, повидимому, носит глагольный характер, однако встречается лишь как серединное сказуемое и, видимо, является какой-то реликтовой формой. (Возможно, что форма *бэми* как-то связана с прилагательными типа *хаями*, *то̄ми* и т. п.).

Акихаги-о **тирисугинубэми** *таоримоти мирэдомо сабуси кими-ни си арадзуба* (М, X)[1] ‘Осенние **хаги**,[2] ведь [они] **должны осыпаться**, [я] сорвала и понесла. И хоть смотрю на них, но мне грустно — ведь [это] не ты’.

Суффикс *бэми* далее встречается только в поэзии и уже в X в., по мнению Ямада, используется как стилистический прием архаизации.[3]

---

[1] Цит. по: Ямада. Наратё..., стр. 217.
[2] Хаги — растение *Lespedeza*.
[3] Ямада. Хэйантё..., стр. 210—211.

В старояпонском значение суффикса *бэси* такое же, как в древнеяпонском, за одним исключением, а именно: в памятниках X в. форма, характеризуемая окончанием *ку* (вторая основа по схеме школьной грамматики), встречается в значении целевого оборота. Например: *Таймэн-субэку табакарэ* (Г, гл. Уцусэми)[1] ‘Устрой так, чтоб повидаться’.

В памятниках предшествующей эпохи такое значение *бэку*, повидимому, еще отсутствовало. Во всяком случае, Оцука Эцудзо, дающий полную сводку различных значений *бэси*, указывая на целевое его значение, не иллюстрирует это примерами из текстов VIII в.

Далее в текстах X в. появляется первая основа в сочетании с суффиксом *ба*; таким путем выражается сослагательное и условное наклонение.

Юку хотару кумо-но уэ-мадэ **инубэкуба** *акикадзэ фуку то кари-ни цугэ косо* (И)[2] ‘**Если б** светлячки **могли б залететь** за облака, ах, пусть бы они сообщили диким гусям, что дует осенний ветер’.

Форма *бэкуба* в памятниках VIII в. отсутствует, хотя Ямада и высказывает предположение, что это случайно. Это предположение не дает нам оснований для регистрации этой формы ранее, чем она отмечается фактически в памятниках.

В памятниках X в. используется деепричастная форма — *бэкутэ*, образованная наращиванием суффикса *тэ* на вторую основу *бэку*.

Итадзура хито-ни **наринубэкутэ** *нан* . . . (Уцубо)[3] ‘Напрасно **получив возможность стать** человеком . . .’.

В это же время появляется также форма *бэкэрэ* как с суффиксами *ба* и *до*, так и в качестве характеристики конечного сказуемого в предложении с усилительной частицей ***косо***.

1. *Кото надо мо наравасу хито араба ито ёку* **синдзубэкэрэдо** . . . (О)[4] ‘И на кото, если б был бы человек, который бы ее обучал, [она] прекрасно **могла бы играть**, однако . . .’.

2. *Акацуки-но арисама косо окасику мо* **арубэкэрэ** (Мс, II)[1] ‘Прекрасным **должен быть** вид зари’.

3. *Хаси-ни косо* **тацубэкэрэ**[1] ‘На мосту, **вероятно, стоит**’.

Те фонетические изменения, которые проявляются в это время в области прилагательных, соответственно затрагивают и спряжение *бэси*. В связи с этим, наряду с второй основой,

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё. . ., стр. 206.
[2] Цит. по: Ямада. Хэйантё . . . , стр. 206.
[3] Там же. стр. 182.
[4] Там же, стр. 208.

характеризуемой окончанием *ку*, появляется вторая основа, характеризуемая долгим гласным. Язык этого времени поэтому отличается наличием двух синонимичных форм: *бэку|бэу* (в дальнейшем *бё*).

4. *Ёкихи-но тамэси мо* **хикиндэцубё** *нариюку-ни* (Г, гл. Кирицубо)[1] ‘Дела шли так, что **можно было** даже **привести** пример с Ёкихи’.

5. *Има-мадэ ко* **кикоэсасубёӣ** *мо арадзариси о* (Уцубо)[1] ‘Ведь до сих пор даже не было **возможности сказать**’.

Две синонимичные формы сосуществуют и в функции определения: это уже известная нам форма *бэки* и новая форма с дифтонгическим ауслаутом — *бэй*.

6. *Само* **абэй** *кото нарэба* (Г, Котё)[2] ‘Так как [это], видимо, так’.

Форма *абэй* восходит к *арубэй* и объясняется пропуском слога *ру* перед суффиксом *бэси* (*бэй*). Эту особенность сочетания *бэси* с *ару* необходимо иметь в виду для правильного понимания производных отадективных форм того времени (см. ниже).

7. *Омоэба* **урамэсикабэй** *кото дзо каси* (Г, гл. Котё)[2] ‘Как подумаешь, сколь это **должно быть досадно**!’.

Форма *урамэсикабэй* восходит к *урамэсикарубэй*: *урамэсику + ару > урамэсикару*.

8. **Иканабэй** *кото дзо томо* (Г, гл. Мисоки)[1] ‘Что бы ни было’ (дословно: ‘**чем** бы это ни **могло** бы быть’).

Форма *иканабэй* восходит к *иканарубэй* (пропущен слог *ру* глагола-связки *нару*).

9. *Онога кокоро-о мотиин кото-ва* **катакабэй** *вадза о* (Мурасаки никки)[1] ‘Ведь привести свое желание в исполнение **должно быть трудно**!’.

Форма *катакабэй* восходит к *катакарубэй* (*катай* — ‘трудный’). Все эти явления (*бэку > бэу > бёӣ*; *бэки > бэй*) вносят свои оригинальные черты в систему спряжения прилагательных старояпонского языка, и их важно отметить, так как они несомненно отражают живое движение народного языка. Примечательно при этом то, что эти формы не нашли себе никакого отражения в так называемом старописьменном языке, созданном, как известно, на базе языка X в. и используемом в некоторых литературных жанрах, начиная с XIII в.

В десятых годах X в. в качестве концовки была широко распространена форма *бэра* [*нари*] вместо заключительной

---

[1] Там же, стр. 209.
[2] Там же, стр. 210.

основы *бэси*. Форма эта использовалась такими поэтами, как Цураюки, Исэ, Юкихира, Мицунэ и ряд других, и много раз встречается в «Кокинсю».

1. *Минэ такаки Касуга-но яма-ни идзуру хи-ва кумору токи наку* **тэрасубэра нари** (Кс, 366) 'Солнце, встающее над скалистыми горами Касуга безоблачно **должно** [всё] **осиять**'.

2. *Отоваяма кодакаку накитэ хототогису ками-га вакарэ-о* **осимубэра нари** (Кс, 389) 'Гора Отоваяма, кукушка, поющая высоко на дереве, **вероятно**, **оплакивает** разлуку с тобой'.

Стихотворение это иносказательно выражает чувства поэта, расставшегося с другом у горы Отоваяма.

3. *Омои-ва имава, итадзурани,* **наринубэра нари** (Кс, 905) 'Любовь [моя] сейчас **должна** бесплодно **погибнуть**'.

4. *Аки-но ё-но цуки-но хикари си акакэрэба Курабу-но яма мо* **коэнубэра нару** (Кс, 198) 'Сиянье луны осенней ночью такое ясное, что даже горы Курабу и те **можно перейти**'.

Примечание. В стихотворении игра слов — часть названия горы Курабу этимологизируется в значении «темный» *кура* (от *кураси*) и в этом значении противопоставляется светлой луне: от лунного сияния так светло, что даже горы темные — и те можно беспрепятственно перейти такой ночью.

Как видно из указанных примеров, по значению своему форма *бэра* совпадает с *бэки*. Однако в сочетании со связкой *нари* она приобретает бо́льшую экспрессивность, чем и объясняется ее столь широкое использование в поэзии.

Некоторые особые моменты необходимо отметить в X в. в отношении системы спряжения *бэси*. Так, в это время встречается форма *бэкаси* (спрягается: 2 *бэкасику*||*бэкасю*, 3 *бэкаси*, 4 *бэкасики*).[1] Использование этой формы, однако, носит весьма ограниченный характер, так как она присоединяется только к глаголу *ари* (*арубэкаси*). Ямада поэтому рассматривает *арубэкаси* не как грамматическую форму, а как производное слово. В таком же смысле его определяет и Отиаи в своем словаре «Котоба-но Идзуми», толкуя его в значении: «быть таким, как должно», отсюда «целостный», «безупречный». *Арубэкаси*, таким образом, является новым производным прилагательным.

В заключение этого раздела необходимо также указать на наличие в текстах X в. будущего времени в виде *бэкэму*. Ямада рассматривает эту форму как производную от *бэкараму* (*бэку* + *араму*).[2] С таким толкованием, однако, согласиться

---

[1] Ямада. Хэйантё . . . , стр. 536.
[2] Ямада. Хэйантё . . . , стр. 256.

нельзя, так как нет никаких данных, которые подтвердили бы подобного рода фонетическую эволюцию. Нам думается, что форму *бэкэму*, как будущее время от *бэси*, нужно рассматривать в свете более архаичной системы спряжения прилагательных, засвидетельствованной древними памятниками. Например:

Наканакани синаба **ясукэму**. *Кими-га мэ-о мидзу хисанараба субэ накарубэси* (М, XVII, № 3934) ‘[Мне] куда **было б приятнее**, если б [я] умер. Ведь, если [я] долго не увижу тебя, что буду делать?’ (*субэ накарубэси* дословно: ‘ничего не смогу поделать’).

На наличие в древнем языке основы прилагательного *кэ* указывает и Андō Масацугу в своей книге, посвященной языку древнего периода.[1] Все это дает нам возможность предположить, что форма *бэкэму* — весьма древнего происхождения, несмотря на то, что она не засвидетельствована древними памятниками и обнаруживается лишь в текстах X в. например: *Асу он-курума* **тамаубэкэму** (Уцубо)[2] ‘Завтра, **вероятно**, **даст** коляску’.

Из всего изложенного выше ясно, что форма *бэси* (и ее производные) была весьма употребительна как в древнеяпонском, так и в старояпонском языке. С другой стороны, однако, нам известно, что в современном национальном языке она отсутствует.[3]

Здесь необходимо поэтому выяснить тот период, когда эта форма постепенно теряет свою продуктивнось и выходит из употребления. Судя по памятникам, это XV—XVI вв. Рассмотрим различные формы использования данного суффикса в то время. В этом отношении нас поражает большая пестрота как форм спряжения, так и системы агглютинирования.

В «Сёмоно» еще встречается старое, классическое *бэси*, наращиваемое на третью основу глаголов.

1. **Нацукубэки** *кото мо най дзо*[4] ‘**Невозможно назвать**’.

Используется эта форма и в кёгэнах, в особенности в тех, которые имитируют старый язык, пародируя темы «Хэйкэ-моногатари».

2. *Сатэ мо, Гэндзи-но он-тайсё-ни, хёэ-но сукэ Ёритомова, Исибасияма-но кассэн-ни, какэмакэсасэрарэ, хитомадзува, о-хираки* **арубэки** *то, офунэ-ни мэсарэ, Дои-но Дзирō Санэ-*

---

[1] Андō Масацугу. Кодай кокуго-но кэнкю, стр. 273.

[2] Ямада. Хэйантё . . . , стр. 256

[3] В некоторых территориальных диалектах она сохраняется до сих пор. Ср., например, суффикс *бэй* в диалекте Тōхоку.

[4] Юдзава. Муромати . . ., стр. 208.

хира-о мэси ... (Кг, I, 44) 'Итак, Ёритомо—военачальник из рода Минамото, понеся поражение в битве при Исибаси, [так возгласил]: «Прежде всего **необходимо** спастись бегством». [С этими словами] он сел на корабль и, призвав Дои-но Дзиро Санэхира ...'.

Наряду с этим, однако, в «Сёмоно» встречаются и формы *бё* и *бэй*, последняя, при этом, не только в атрибутивной функции, в которой она использовалась в X в., но и в функции конечного сказуемого. Этот момент в истории спряжения, характерный для языка XIII в и далее, был уже нами описан в главе I нашей работы.

3. *Моттомо* **канасимубэй** *дзо* (С. Ю, 203) 'Воистину **грусти достойно**'.

4. **Оёбубё** *мо наи дзо* (С. Ю, 208) 'Недостижимо' (дословно: 'даже **достигнуть** нет **возможности**').

Указанный суффикс присоединяется как к заключительной основе, так и (у глаголов второго и третьего спряжений) ко второй основе, т. е. к основе на гласные *и*, *э*.

5. *Комити-о* **осиэбэки** *то* (С. Ю, 208) 'Укажите проход'; '**Надо указать** проход' (Глагол *осию*; совр. *осиэру*).

6. *Тайфу кэндзя-ни* **цукаэбэси** (С. Ю, 208) 'Великий муж **должен служить** мудрецу' (глагол *цукау*; совр. *цукаэру*).

7. *Ёку-ёку* **кокороэбэси** (С. Ю, 208) '**Нужно** хорошенько **понять**' (глагол *кокороу*; совр. *кокороэру*).

Глаголы типа *миру* в это время встречаются и в форме *мирубэси* и в форме *мибэси*.

Это многообразие синонимичных грамматических форм составляет одну из характернейших черт языка XIV—XVI вв. и свидетельствует, повидимому, о создании новых норм литературного языка.

Вышеуказанными формами, однако, не исчерпываются все способы использования суффиксов *бэси* в XV—XVI вв. Всем занимающимся языком этой эпохи хорошо известны такие составные суффиксы, как *цубэй* и *цубэсий* (спряжение: 2 *цубё*, 3, 4 *цубэй*, 4 *цубэки*; 2 *цубэсю*, 3, 4 *цубэсий*, 4 *цубэсики*).

Формы эти восходят к сочетанию производных форм от суффикса *бэси* с перфектным *цу*. Последний, как известно, в это время является уже непродуктивным. *Цубэй* указывает преимущественно на возможность в форме категорического утверждения (или категорического отрицания). *Цубэсий* чаще выражает вероятность, предположительность или констатацию факта (т. е. индикатив).

1. *Нивакани самуку нару ходо-ни хитоэ-дэ-ва* **кораэцубё** *мо най дзо* (С. Ю, 209) 'Так внезапно наступили холода, что

в тонком платье (‘без подкладки’) совершенно **невозможно выдержать**’.

2. *Моно-о* **каэсицубэй** *моно-ни нарадэ ва касадзу* (С. Ю, 209) ‘Даю лишь тем в долг, кто **может вернуть**’ (в предложении дано двойное отрицание: *нарадэ-ва касадзу* ‘если не..., то не даю’).

3. *Тэ-ни тоттэ митэ* **кадзоэцубэй** *дзо* (С. Ю, 209) ‘Взяв в руки и посмотрев, **можно** несомненно **сосчитать**’.

4. *Мадэ-га Кэйтэй-но котоба-дэ* **арицубэсий** *дзо* (С. Ю, 210) [Это], **вероятно**, слова императора Кэй’.

5. *Мидорина мидзу-ни кину-о ирэтараба макотони* **сомарицубё** *миэта дзо* (С. Ю, 210) ‘Казалось, что одежда **окрасилась бы**, если б ее погрузили в изумрудную воду’.

Повидимому, к концу XVI века форма *бэси* уже окончательно выходит из употребления в народном языке, так как Родригец в своей грамматике, изданной в 1604 г., указывает на ее использование уже только в письменном языке.[1]

4. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительное наклонение в наиболее ранних доступных нам материалах (памятники VIII в.) выражается двумя способами: а) глагольной основой и б) при помощи определенных модальных частиц и суффиксов, наращиваемых на определенные глагольные основы. В качестве основы с повелительным значением у глаголов первого спряжения употребляется основа, совпавшая с пятой (признак ее — гласный *э*: *ёмэ*, *арукэ*, *тобэ*), у глаголов третьего спряжения (и неправильных *ку* и *су*) она совпадает с первой (признак ее — гласный *э*: *татэ*).

1. *Ōмикото-о, угонаварэру микотати, ōкимитати, момоно цукаса-но хитотати, амэ-но сита-но омитакара моро-моро,* **кикосимэсаэ** *то нору* (Мн, № 1, 752) ‘[Здесь] собравшиеся принцы, князья, люди сотни приказов, народ поднебесной, все **внимайте** великому повелению — так возглашаю’.

Кикосимэсау — глагол первого спряжения, производный от *кикосимэсу* с тем же значением.

2. *Коко-о мотэ, момо-но цукаса-но хитодомо, ёмо-но осукуни-о* **осамэмацурэ** (Мн, № 1, 752) ‘Посему **пусть** люди сотни (‘множества’) приказов **управляют** государством’,

Осамэмацуру — глагол первого спряжения.

3. *Касинофу-ни ёкусу-о цукури ёкусу-ни камиси ōмики умарани* **кикосимотиосэ**, *марогати* (К, 463) ‘В Касифу поставили

---

[1] J. Rodriguez. Grammaire Japonaise, стр. 65—66.

ступку. Священное сакэ, сваренное (‘приготовленное’) в ступке, с удовольствием **вкушай**, государь наш’.[1]

Кикосимотиосу — глагол первого спряжения.

4. *Ямасиро-ни* **исикэ** *Торияма*. **Исикэ, исикэ**. *Ага хасидзума-ни исики аваму камо* (К, 509) ‘В Ямасиро **отправляйся вдогонку**, Торияма. **Отправляйся вдогонку, отправляйся вдогонку**. Догонит ли [он] мою любимую жену?’.

Исику — глагол первого спряжения.

5. *Тихаябуру хито-о явасэ то, мацуровану куни-о* **осамэ** *то* (М, II)[1] ‘Буйных людей усмири, непокорную страну **приведи** к порядку, так [повелел]’.

Осаму (совр. *осамэру*) — глагол третьего спряжения.

6. *Коно хама-ни цукуё акитэму, мма сибаси* **томэ** (М, XIX)[2] ‘На этом берегу насладимся лунной ночью. **Останови** коня на минутку’.

Тому (совр. *томэру*) — глагол третьего спряжения.

7. *Окуцуки-ва, сируку* **симэтатэ** *хито-но сирубэку* (М, XVII)[3] ‘Курган отчетливо **отметь**, чтоб знали люди’.

Тацу (совр. *татэру*) — глагол третьего спряжения.

Все примеры, как и ряд других аналогичных с повелительным наклонением от глаголов третьего спряжения, могут быть истолкованы и иначе, если принять во внимание преобладание в древнем языке глаголов с четырехступенным аблаутом. С этой точки зрения такие формы, как *томэ*, *татэ* и т. п., могут быть истолкованы не как первая основа глаголов с двуступенным аблаутом, а как пятая основа глаголов первого спряжения (т. е. глаголов с четырехступенным аблаутом). Эта гипотеза подтверждается также отсутствием соответственной бессуффиксальной формы повелительного наклонения для глаголов с огласовкой на *и* типа *мотию* (совр. *мотииру*) ‘использовать’ и *миру* ‘смотреть’.[3] Всё же отрицать категорически возможность использования первой основы у глаголов типа *табу* (совр. *табэру*) в качестве формы повелительного наклонения невозможно, если принять во внимание аналогичные формы от некоторых суффиксов, принадлежность которых к третьему спряжению не подлежит сомнению.

---

[1] Так как сакэ приготовлялось из риса, то для изготовления его пользовались ступкой. *Ёкусу* < *ёкоусу* — особый вид ступки.

[2] Примеры 5, 6, 7 цитируем по Оцуки Фумихико, «Кō Нихон бунтэн», стр. 96, так как его указания на тома «Манъёсю», повидимому, не совпадают с обычным делением.

[3] О соотношении различных типов спряжений см. главу I нашей работы.

Обратимся к примерам.

1. *Фусэ окитэ варэ-ва коиному адзамукадзу тадани июкитэ амадзи* **сирасимэ** (М, V, № 906) ‘Поднеся пожертвование, я молю: без обмана прямо веди [его] и **покажи** дорогу на небо’ (стихотворение Окура на смерть сына).

Повелительное наклонение в этом примере выражено первой основой суффикса побудительного залога *симу* (парадигма: 1, 2 *симэ*, 3 *симу*, 4 *симуру*, 5 *симурэ*). Случай этот не единичен, так как аналогичный пример Ямада приводит и из тома XVII «Манъёсю».[1] Еще показательнее в данном отношении образование повелительного наклонения от суффикса перфекта *цу*.

2. *Тайракэку нагаку* **имаситэ** *тоёмики мацуру* (Сёку Нихонги, XV)[2] ‘Да **пребудешь** [ты] в спокойствии и долголетии, [с тем] подношу [тебе] вино’.

Таким образом, принципиально использование первой основы для образования повелительного наклонения от глаголов типа *табу* не исключено. Круг распространения, однако, на первых порах мог быть уже, чем это себе представляют некоторые японские лингвисты.

Использование основы как формы повелительного наклонения отмечается и для неправильных глаголов *ку* и *су*.

1. *Амэ дзо фуру тё*, **каэрико**, *вага сэ* (М, VII, № 1170) ‘Говорят — идёт дождь. **Возвращайся** домой, мой милый’.

2. *Масурао-но фусиинагэкитэ цукуритару сидариянаги-но кацура* **сэ** *вагимо* (М, XVI)[2] ‘Венок из гибких ветвей ивы, который сплел, лежа и вздыхая, юноша, **надень** на голову, моя любимая’.

Оцуки Фумихико указывает на отсутствие в древних памятниках для глагола *куру* формы с модальной частицей *ё*.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходим к выводу о том, что бессуффиксальная форма повелительного наклонения существовала некогда для всех типов глаголов, за исключением тех, которые характеризовались огласовкой на *и* (тип *мотию*, *миру*). Более того, она использовалась даже для некоторых глагольных суффиксов, встречающихся в дальнейшем лишь с модальной частицей *ё*.

Наряду с этим в памятниках VIII в. встречается уже повелительное наклонение, выраженное пятой основой у глаголов первого спряжения и второй основой у глаголов других спряжений в сочетании с модальной частицей *ё*.

---

[1] Ямада. Наратё . . ., стр. 224.

[2] Цит. по: Оцуки Фумихико. Кō Нихон бунтэн, стр. 96.

1. *Сумэра-га микотонорирама то норитамау микотонори-о цукаибитотати* **кикитамаэ** *ё то норитамаваку, сумэра-га микотонори-о* **кикосимэсаэ** *ё то нору* (Мн, № 19) ‘Великое повеление государево гласит: весь служилый люд, повелению **внимайте**. Повелению государеву **внимайте** — так возглашаю’.

2 *Вагимоко-га сита-ни мо* **ки ё** *то окуритару коромо-но химо-о арэ токамэ я-мо* (М, XV, № 3585) ‘Неужели я развяжу завязки того платья, которое [мне] прислала моя милая со словами: **надень** [его] подниз’.

Ки ё — повелительное наклонение от *киру* ‘надевать’.

3. *Хиру-ва саки ёру-ва коинуру нэбу-но хана киминоми мимэ я вакэ саэни* **ми ё** (М, VIII, № 1461) ‘Эти цветы нэбу, которые днем распускаются, а ночью дремлют в тоске, неужели «сударь» один будет ими любоваться; и ты на них **посмотри**’.

(Так как стихотворение это является стихотворным ответом, то из широкого контекста *кими* в данном случае необходимо расшифровать как указание на самого автора, т. е. в переносном смысле.)

Форма *миё* — повелительное наклонение от *миру*.

4. *Хототогису коко-ни тикаку-о* **кинакитэ ё**, *Сугинаму ноти-ни сируси арамэ камо* (М, XX, № 4438) ‘Кукушка, **прилети** сюда поближе **и спой**! Пройдет [это время] и затем разве будет какая-нибудь польза от этого?’ (т. е. от твоего пения).

Накитэ ё — повелительное наклонение от глагола *наку*, оформленного суффиксом перфекта — *цу*: *накицу* ~ *накитэ*.

Наряду с частицей *ё* в текстах XIII в. можно встретить иногда и некоторые другие модальные частицы. В качестве таковой, например, в «Кодзики» используется *са-са*.

Коно мики-ва ва-га мики нарадзу. Куси-но ками токоё-ни имасу ива татасу. Сукуна-ми-ками-но камухоги хогикуруоси тоёхоги хогимотоси мацурикоси мики дзо. Асадзу **осэ са-са** (К, 442) ‘Это вот вино — не мое то вино (‘не я его приготовил’). Это то вино, что бог Сукунамиками — бог лечебного зелья, скалой возвышающийся в стране вечной юности (дословно: ‘в стране вечности’) божественной ворожбой ворожил и еще раз ворожил, тучной ворожбой ворожил и снова ворожил и, вино [изготовив], его преподнес. Без остатка **вкуси** [его]’.

Так называемое категорическое или грубое приказание, выражаемое в современном языке посредством наращивания суффикса *ро* на первую основу всех глаголов, за исключением глаголов первого спряжения (*табэро* ‘ешь’, *миро* ‘смотри’),

корнями своими уходит в глубокую старину. Первые свидетельства о нем мы находим в томе XX «Манъёсю», т. е. в том томе, в котором представлены песни на восточном диалекте.

Кусамакура таби-но марунэ-но химо таэба ва-га тэ то **цукэро** *корэ-но хару моси* (М, XX, № 4420) 'Трава в изголовьи. Если разорвутся завязки [твоей одежды], когда в пути ты будешь спать не раздеваясь, то **закрепи** [их] собственной рукой вот этой иголкой'.

Форма *цукэро* — повелительное наклонение от *цукэру*.

Стихотворение это, как отмечает Ямада[1] составлено на диалекте провинции Мусаси, т. е. на восточном диалекте. Об этом свидетельствует и ряд других форм, как-то: *хару* 'иголка' вместо *хари*, *моси* 'держать' вместо *моти*. Таким образом выясняется диалектальное происхождение современного повелительного наклонения, используемого в литературном языке. Форма на *ё*, характерная для современного письменного стиля, связана, очевидно, с западными диалектами, так как за исключением томов XIV и XX «Манъёсю» суффикс *ро* нигде больше не встречается в означенной грамматической функции. Дальнейшая эволюция повелительного наклонения, отраженная в памятниках XIV—XX вв., связана также с частицей *ё* а не с *ро*, как мы увидим ниже.

Примечание. Относительно значения суффиксов *нэ* и *ни* в древнем языке см. выше, в разделе, посвященном форме *на*.

В старом языке уже, как и следовало ожидать, сосуществовали различные диалектальные формы повелительного наклонения при общности языкового строя. Судьба этих форм, однако, тесно связанная с историей самого народа, была совершенно различна. *Е*, бытовавшее в кансайском диалекте, вошло в систему старого литературного языка, поскольку Кансай являлся политическим и культурным центром старой Японии. *Ро*, как элемент восточного диалекта, по существу безписьменного, оказался вытесненным и не получил своего отражения в литературе. Сохраняясь в территориальном диалекте, эта форма, при соответственных благоприятных обстоятельствах, приобрела право гражданства в национальном языке, вытеснив, в свою очередь, как форму на *ё*, так и ее дальнейшие кансайские варианты.

В настоящее время повелительное наклонение на *ро* входит в систему современного языка, хотя и носит определенную стилистическую окраску, форма же на *ё* расценивается как архаизм и используется лишь в письменном стиле.

---

[1] Ямада. Наратё..., стр. 518.

Дальнейшее развитие форм повелительного наклонения выражается в следующем. Глаголы первого спряжения (четырехступенный аблаут типа *ёму*) выражают повелительное наклонение основой с огласовкой на *э*: *ёмэ* ‘читай’, *тобэ* ‘лети’, *сасэ* ‘укажи’ *торэ* ‘бери’, и т. п.

Например:

1. *Са, са*, **номэ, номэ** (Кг, I, 416) ‘Ну, **пей, пей**’.

2. *Антарō, маи-о о-сакана-ни* **маэ** (Кг, I, 483) ‘Антаро, **станцуй** на закуску!’.

3. *Исоидэ тоттэ* **майрэ** (Кг, I, 2) ‘Поскорее **пойди возьми**’.

4. *Исоидэ китэ* **юэ** (Кг, I, 2) ‘Поскорее иди **сделай** [мне] **прическу**’ (*юу* — ‘связывать волосы’, ‘делать прическу’).

5. *Исоидэ, онорэ-ва мукаэ-ни* **юкэ** (Кг, I, 3) ‘Ты поскорее **иди** [ему] навстречу’.

6. *Корэ-э ёттэ* **кикэ** (Кг, I, 7) ‘Иди сюда и **слушай**’.

Кроме этой формы, используемой и в современном литературном языке, Дидако Кольядо указывает в своей грамматике и другую форму, примеры употребления которой мы не нашли в кёгэнах. Форма эта образуется присоединением суффикса *и* к первой основе первого спряжения, признак ее — гласный *а*. В качестве примера автор приводит форму *ёмай* ‘читай’ от *ёму* ‘читать’[1]. Попутно он указывает и стилистический характер этой формы, определяя ее как используемую в речи с подчиненными.

Все глаголы других спряжений образуют повелительное наклонение путем присоединения к первой основе суффикса *и*. Сочетание суффикса повелительного наклонения *и* с конечным гласным основы дает дифтонгический ауслаут: *эй, ий, ой*. Так от *укэ* [*ру*] ‘давать’ повелительное наклонение будет *укэй*, от *ирэ* [*ру*] ‘вкладывать’ — *ирэй*, от *агэ* [*ру*] ‘поднимать’ — *агэй*, от *оки* [*ру*] ‘поднимать’ — *окий*, от *ми* [*ру*] ‘видеть’ — *мий*, от *суру* ‘делать’ — *сэй*, от *куру* ‘приходить’ — *кой*. В свете этих форм выясняется диалектальное (кансайское) происхождение современного литературного *кой* ‘иди сюда’, единственной формы повелительного на *и* (кроме таких, как *кудасай* или *насай*, образованных несколько иначе)[2], бытующей в национальном языке. С другой стороны, повелительное на *ий* типа *мий* ‘смотри’ до сих пор используется в западных диалектах. Глаголы же с огласовкой на *э* имеют не только *эй*, но и *э*; так от *сутэру* ‘бросать’ повелительное — *сутэ*.[3]

---

[1] Didaco Collado. Ars grammaticae Japonicae Iinguae, стр. 29.

[2] *Кудасарэ* > *кудасай*, *насарэ* > *насай*.

[3] *Сутэ*, очевидно, из *сутэй*: *сутэй* > *сутэ̄* > *сутэ*.

1. *Са са*, *исойдэ* **цукэй** (Кг, I, 3) ‘Ну, скорее **прикрепи**’.

2... *табитаби*, **мукоири-о сэй** *то аттэ* (Кг, I, 11) ‘Частенько [мне предлагали] — **представься тестю**’.

3. *Нанигото мо годзарану ка*, *кадзя-о мимаи-ни синдзуру то мōситэ*, *исоидэ итэ* **кой** (Кг, I, 16) «‘Все ли у вас благополучно? [Хозяин] посылает меня навестить вас». Так скажи и поскорее **приходи** [обратно]’.

4. *Са са* **укэй укэй** (Кг, I, 16) ‘Ну, **получай**, **получай**!’.

5. *Сотти-э итэ*-**курэй** (Кг, I, 19) ‘**Изволь** убраться отсюда’,

6. *Нō*, *тоссама*, *соно хадзисирадзу-га*, *тадзунэтэ надо куру кото-га годзаро ходо-ни*, *коко-э-ва кону то* **осярэй** (Кг, I, 22) ‘Послушайте, папаша, если этот бесстыдник придет, **скажите**, что [я] сюда не приходила’.

7. *Фун*, *соно ги нараба*, *исоидэ* **осуэй** (Кг, I, 34) ‘Гм, в таком случае поскорее **научи** [меня]’.

Осуэй — повелительное наклонение от *осюру* (ср. современное литературное *осиэру* и старое *осию*). В «Кёгэнки» и в «Сёмоно» встречается много фонетических вариантов этого глагола.

Помимо указанной формы повелительного наклонения, изредка встречается и бессуффиксальная форма, например, в кёгэне «Гиндзимуко»: *Сōдзинадо-о ‘ицукэ* ‘Прикажи убрать’.

В отношении глаголов с огласовкой на *э* Дидако Кольядо упоминает также форму с суффиксом *сай*, наращивавшимся на первую основу: *агэ*[*ру*] > *агэсай*. При этом он указывает на менее категорический характер, который носит подобного рода повелительное.[1] Эту же форму дает и Родригец в своей грамматике.[2]

Формы, проанализированные нами выше, принадлежат к разряду так называемого категорического повелительного. Его называют также «грубым» повелительным в отличие от таких форм, в которых повеление выражено в смягченном виде, в виде предложения, пожелания или просьбы. Эти формы, образованные аналитически, с помощью служебных глаголов, мы здесь не рассматриваем.

5. ЗАПРЕТИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Если повелительное наклонение выражает активный призыв к какому-либо действию, то запретительное наклонение имеет обратное значение — оно накладывает запрет на совер-

---

[1] Didaco Collado. Ars Grammaticae Japonicae Lingvae, стр. 21.
[2] Rodriguez. Elemens de la grammaire Japonaise, стр. 25.

шение указываемого действия. Если в современном русском языке при этом форма глагола остается та же, что при повелительном наклонении с использованием при этом лишь специальной модальной частицы «не» (ср. «читай — не читай»), то в японском языке с точки зрения морфологической запретительное наклонение приходится выделять как совершенно особую грамматическую форму. Японское запретительное наклонение лишь семантически выступает как антоним повелительного; формально оно не имеет с ним ничего общего. Все это и приводит нас к необходимости выделения данной категории как особого наклонения.

Морфологически запретительное наклонение свидетельствует о необычайной стойкости грамматического строя языка. Как в наши дни, так и в древнеяпонском, засвидетельствованном текстами VIII в., запрет выражался путем модальной частицы *на* после третьей (т. е. заключительной) основы глагола. Если в современном языке мы скажем: *омоу-на* ‘не думай’, то в томе XV «Манъёсю» встречаем: *омоу-симэсу-на* — с тем же значением и с другим лишь стилистическим оттенком (*омоосимэсу* — «вежливый» глагол).[1]

1. **Васурэтамау-на** (М, XV, Я, 390) ‘**Не забывай**!’.

2. *Вага ко вага оками аямати наку цуминаку араба* **сутэмасу-на васурэмасу-на** (Мн, № 7)[2] ‘Если дети мои и князья мои будут безгрешны и беспорочны, **не бросай** [их], **не забывай** [их]’.

3. *Кото сигэку томо таэму то* **омоу-на** (Кс, 657) ‘Пусть [люди] судачат [о нас], **не думай**, что отношения [наши] прервутся’.

4. *Хока-но хито* **ёсу-на** (Г)[2] **Не допускай** никого другого’.

5. *Варэ наку нарину тотэ кутиосю* **омоикудзуору-на** (Г)[3] ‘**Не печалься** о том, что меня больше нет’ (‘что я умерла’)’.

В старом языке модальная частица *на* иногда комбинируется с наречием *юмэ*. Совершенно очевидно, что это та же самая форма, лишь экспрессивно выделенная. *Юмэ* как наречие предшествует сказуемому. Положение его в предложении, таким образом, является относительно свободным.

Вага юки-ва нанука-ва сугидзи. Тацутабико **юмэ** *коно хана-о кадзэ-ни* **тирасу-на** (М)[4] ‘Странствие мое продлится вряд ли больше семи дней. Бог ветра, **никоим образом не дай** ветру сорвать цветы’.

---

[1] См.: Ямада. Наратё..., стр. 390.
[2] Цит. по: Ямада. Наратё..., стр. 391.
[3] Цит. по: Ямада. Хэйантё..., стр. 460.
[4] Цитируем по словарю «Котоба-но идзуми»

Интересную этимологию *юмэ* дает Ямада,[1] определяя *юмэ* как повелительное наклонение от глагола *юму*. Исходя из обычного в древнем языке чередования *ю* || *и*, Ямада устанавливает тождество *юму* с глаголом *иму* ‘табуировать’, ‘накладывать запрет культового характера’. В доказательство своей этимологии Ямада приводит имя существительное *юнива*, термин, которым обозначалось место свершения культовых действий, т. е. место, очищенное от культовой скверны. В иероглифической передаче *ю* обозначается тем же иероглифом, что и *иму; нива* означает ‘сад’, ‘двор’, ‘территория’. С *юму* || *иму* и *ю* в *юнива* Ямада связывает и топонимическое обозначение Юки. Так называлась та провинция, на обязанности которой было поставлять рис для священной церемонии вкушения первого урожая во время *ониэ-но мацури*. Ямада указывает также на глагол *юмау* из «Такахаси-но удзибуми» — «Летописи рода Такахаси», производный от глагола *юму* || *иму*. Цугита Дзюн,[2] цитируя более подробно объяснения Ямада, приводит такие слова, как *юкува* ‘мотыга’, которой пользовались во время священных церемоний синто, и *юданэ* — «чистые» (в культовом отношении) зерна риса. Как наречие *юмэ* сохранилось в редуплицированной форме *юмэюмэ* до наших дней в письменном стиле: *юмэюмэ утагаубэкирадзу* никоим образом не следует сомневаться!’. Исходя из всего сказанного, вскрывается эволюция *юмэ* от определенной модальной формы глагола к наречию с отчетливо выраженным модальным значением и отсюда — к модальной частице. Возможно, что в превращении *юмэ* из наречия в модальную частицу большую роль сыграло использование инверсии, столь часто встречающейся в старой японской поэзии. С этой точки зрения такую конструкцию, например, как *соно кава-но сэ-ни нами* **тацу-на юмэ** (М, VII) ‘волны **не вздымайтесь** в быстринах этой реки’ можно было бы генетически толковать так: *соно кава-но сэ-ни* **юмэ нами тацу-на** ‘в быстринах этой реки **никоим образом не** вздымайтесь, волны!’. ‘Форма *на юмэ* в этом случае оказалась бы инверсированной: ‘волны, не вздымайтесь никоим образом!’. Оказавшись в неблагоприятной для себя позиции и будучи семантически близким к модальной частице *на*, *юмэ* легко потеряло свое наречное значение и превратилось грамматически в элемент, тождественный *на*. Редкое, но все же встречающееся использование наречного *юмэ* при глаголах в положительной форме (см.,

[1] Цитируем по «Маньёсю сосяку», т. X, стр. 86; к сожалению, точная ссылка на работу Ямада там отсутствует.

[2] Цугита Дзюн. Норито синкō. 1927, стр. 130—132.

например, «Манъёсю», XIX, № 4179) связано, очевидно, с последующей семантической эволюцией *юмэ*.

В дальнейшем запретительное наклонение, усиленное модальной частицей *юмэ*, повидимому, остается уделом поэзии. Есть целый ряд данных, свидетельствующих о том, что так называемое запретительное *на* — не глагольный суффикс, а модальная частица. Глагольный суффикс совершенно естественно входит в состав глагольного слова и выступает в качестве одной из его морфем. Модальная частица не является конструктивным элементом слова, и положение ее в предложении зависит от ее значения и соотношения с другими членами предложения. Весьма характерно поэтому поведение частицы *на* в предложении. Выше мы дали такие примеры, в которых *на* стоит п о с л е глагола. Но наряду с этим можно привести множество и таких предложений, в которых *на* предшествует глаголу. Последний в этих случаях имеет форму второй основы.

1. *Аяни* **на коикикоси** *Ятихоко-но ками-но микото* (К, 161) ‘**Не тоскуй** так, бог **Ятихоко-но ками!**’.

2. *Арэ наси то* **на ваби** *вага сэко* (М, XVII)[1] ‘О том, что меня нет, **не почалься**, мой милый!’.

3. *Киёки цукуё-ни кумо* **на танабики** (М, XI)[2] ‘Светлой лунной ночью облака **не тянитесь** [по небу]’.

Встречаются и более показательные примеры, в которых частица *на*, предшествуя глаголу, не примыкает к нему, а отделяется от него рядом других членов предложения (см. ниже примеры 5, 6).

Запретительное наклонение, выражаемое модальной частицей и второй основой по типу *на ваби* ‘не тоскуй!’ не выходит, однако, за пределы текстов VIII в. и далее больше не встречается. На смену этой форме приходит несколько иная, а именно, тип *на ваби со* (*на* + вторая основа + экспрессивная частица *со*). Эта форма встречается как в древних текстах, так и позже.

1. *Коно сигурэ итаку* **на фури со** (М, XIX)[1] ‘Этот ливень, **не лей** так сильно!’.

2. *Иноти-ва* **на сисэтамаи со** (К, I)[1] ‘Пусть жизнь **не умирает**!’.

3. *Хаяку* **на тири со** (М, V)[1] ‘**Не осыпайтесь** так быстро!’.

4. *Каку-но сама торитэ хито-но митогамубэки вадза* **на сэ со** (Мн, № 16)[2] ‘Приняв такой вид, **не творите** дел таких, чтоб люди вас осуждали’.

[1] Цит. по: Я м а д а. Наратё. . . , стр. 386.
[2] Там же, стр. 387.

Необходимо обратить внимание на то, что у глагола *су* ‘делать’ в этих случаях используется первая основа (*на сэ со*). То же относится и к неправильному глаголу *ку*, который дает форму *на ко со*. Последняя, однако, встречается уже за пределами текстов VIII в. Так, Ямада указывает на то, что в древних памятниках подобная форма им обнаружена не была,[1] тогда как Оцуки Фумихико приводит два примера из более поздних текстов.[2]

5. *Хито*, **на**, *итаку*, **вабисасэтатэмацурасэтамаи со** (Т) ‘**Не огорчайте** так людей’.

Пример этот указывает на то, что частица *на* не должна непременно примыкать к глаголу и может находиться на некотором расстоянии от него. В данном случае *на* отделено от сказуемого наречием *итаку*.

6. *Мидзукара хабэру то*, **на**, *хито-ни*, *юмэюмэ* **сирасэтамаи со** (Удзисюи) ‘О том, что я здесь, никоим образом никому **не рассказывайте**’.

Между *на* и глаголом оказались косвенное дополнение *хито-ни* и обстоятельство *юмэюмэ*.

Интересны и те случаи, когда *на* оказывается в середине составного глагола, например:

Вага юэ-ни **омои-на-ясэ-со**. *Акикадзэ-но фукаму соно цуки аваму моно юэ* (М, XV, № 3584) ‘Из-за меня **от тоски не худей**! Ведь, когда задует осенний ветер, [мы] встретимся’ (*омоиясу* составной глагол третьего спряжения ‘тоскуя худеть’).

Все эти факты указывают на то, что форма *на* + вторая основа глагола + *со* — лишь одна из возможных форм выражения запрещения и что *на* не является в данном случае префиксом, а *со* суффиксом, образующими в своей совокупности то, что можно было бы назвать «обрамлением». Исторически *на* — это модальная частица отрицательного значения, тогда как *со* носит экспрессивный, подчеркивающий характер и первоначально, как мы видели, могло вообще отсутствовать.

В современном языке описанная форма не встречается, но в XV—XVI вв. она, повидимому, была еще вполне продуктивна. Так в «Сёмоно» мы находим следующие примеры:

7. *Сэймон-кара* **на идаси со** *сёмон-кара оидасэ* (С. Ю, 294) ‘**Не выпускай** из главных ворот. Выгони через калитку’.

8. *Ия сае* **на осэрарэ со** (С. Ю, 294) ‘Нет, **не говорите** так!’.

---

[1] Ямада. Наратё..., стр. 387.
[2] Оцуки Фумикихо. Кō Нихон бунтэн, стр. 158.

В это время используется уже и флективная форма, выражаемая слиянием *со* с основой глагола. Явление это ограничивается глаголами первого спряжения.

9. *Корэ-ёри ути-э-ва кōго нарадэ-ва* **на иссо** *то ю̄ кокоро дзо* (С. Ю, 294) 'Это значит, что дальше [в покои] может входить только государыня' (дословно: 'если не государыня, **не входи**').

Форма *на иссо* восходит к *на ири со*, т. е. к флективной форме глагола *иру* 'входить', выраженной слиянием второй основы *ири* с экспрессивной частицей *со*. На почве ассимиляции возникает долгое *с*. Это явление, повидимому, свидетельствует о том, что *со* потеряло уже значение экспрессивной частицы и превратилось в глагольный суффикс, в морфологический признак запретительного наклонения. С другой стороны, постоянное примыкание *на* к глаго́лу можно тоже, очевидно, рассматривать как признак его морфологизации. Нам думается, что мы не ошибемся, если скажем, что форма запретительного наклонения *на* + вторая основа глагола + *со*, оставаясь внешне без изменений, тем не менее эволюционировала от использования модальной и экспрессивной частиц к их морфологизации, к превращению этих частиц в глагольные морфемы, в морфемы запретительного наклонения. Вот на какой почве вырастает такое редкое, в сущности, для строя японского языка явление, как префиксальное выражение грамматической категории, в данном случае — категории наклонения. Обрамление *на . . . со* как морфологический признак определенной грамматической категории есть результат грамматикализации первоначально свободных грамматических частиц.

Примечание. Юдзава Кōкитирō указывает на то, что в «Сёмоно» можно встретить в качестве показателя запретительного наклонения и одну частицу *со* без *на*; это, однако, исключительно редкое явление.[1]

6. ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В системе японских наклонений различаются два основных наклонения: а) изъявительное и б) отрицательное.

Изъявительное наклонение выражается нулевой формой глагола или соответственных глагольных суффиксов; отрицательное наклонение выражается путем наращивания специальных морфологических показателей на так называемую первую основу глагола.

---

[1] Юдзава. Муромати. . ., стр. 295

В старом языке, согласно памятникам VIII в., в качестве отрицательных суффиксов выступали *дзу* и производное от него *дзари*.

Парадигма спряжения суффикса *дзу* носит явно супплетивный характер, так как состоит из совершенно разнородных форм *дзу* и *ну*. Ниже мы на историческом материале подтвердим это высказывание, предварительно же дадим общепринятое перечисление основ указанной парадигмы: 1, 2, 3 *дзу*, 4 *ну*, 5 *нэ*.

Первая, вторая и третья основы — фактически один и тот же суффикс, различающийся лишь по своим функциям в предложении. Отрицание, следовательно, имеет парадигму из трех супплетивных форм *дзу*, *ну*, *нэ*, употребление которых зависит от грамматического значения слова в предложении, путем чередования суффикса *дзу*||*ну*||*нэ*: *ёмадзу*, *ёману*, *ёманэ* [*ба*, *домо*].

Анализ материала, зафиксированного в памятниках VIII в., позволяет нам восстановить полную парадигму суффикса с носовым анлаутом.

Первая основа, т. е. форма *на*, восстанавливается по «Адзума ута». В этих «Песнях Востока» встречается отрицательный суффикс *нау*, наращиваемый на первую основу глаголов. Ямада дает его полную парадигму в виде: 1 *нава*, 2 *наи*, 3 *нау*, 4 *наэ* (из *напа*, *напи*, *напу*, *напэ*). Эта парадигма, однако, требует ряда оговорок, а именно: форма *нава* действительно встречается в качестве первой основы, форма *нау* — в качестве заключительной основы; форма *наэ*, однако, используется не только в значении условно-временно̀й (*наэба*), но и в значении определительной и в значении соединительной, т. е. в функции как *нау*, так и *наи*. Ямада относит это явление за счет фонетических особенностей восточного диалекта.[1] Для нас важно здесь, однако, не столько спряжение самого суффикса *нау*, сколько наличие отрицательного суффикса с *н* в анлауте. Приведем ряд примеров.

1. *Иниси ёи-ёри сэро-ни* **аванау** *ё* (М, XIV, № 3375) ‘Ах, с прошлой ночи я не **встречалась** с милым!’.

2. *Матикакутэ* **аванаэба** *окицу магамо-но нагэки дзо э-га суру* (М, XIV, № 3524) ‘Будучи близко, [мы] **не встречаемся** [и] **поэтому** я вздыхаю, как дикая утка в открытом море’.

3. *Хиру токэба* **токэнаэ** *химо-но*... (М, XIV, № 3483) ‘Завязки, которые **не развязываются**, если [их] развязывать днем...’.

---

[1] Ямада. Наратё..., стр. 513—514.

Форма *токэнаэ* выступает как определение к существительному *химо*. Кроме отрицательного суффикса *нау* [< *напу*], в «Адзума ута» встречается и форма *на*. Судя по присоединяемым к ней частицам, это несомненно первая основа отрицательного суффикса.

4. *Когу фунэ-но васурэ-ва* **сэнана** (М, XIV, № 3557) ‘**Ах, если б не** забыть плывущую лодку!’.

Форма *сэнана* восходит к *сэ* (первая основа глагола *суру*) + *на* (первая основа отрицательного суффикса) + *на* (оптатив; см. о нем выше). *На* — суффикс желательного наклонения, как известно, наращивался на первую основу глагола. Наличие его здесь служит признаком, по которому выясняется характер предшествующей основы.

Исходя из всех этих моментов, мы можем восстановить первую основу отрицания в виде *на*.

Вторая основа, характеризующая сказуемое сочиненного предложения (форма так называемой незаконченной предикации), выражается окончанием *ни*.

5. *Сэму субэ-ни тадоки-о* **сирани** *сиротаэ-но тасуки-о какэ масокагами тэ-ни торимотитэ амацуками аоги коиномо* (М, V, № 904) ‘**Не зная** путей-способов как поступить, надеваю белые тасуки и, взяв зеркало в руки, воссылаю мольбы к богам небесным’.

Форма *сирани* восходит к первой основе глагола *сиру* ‘знать’ в сочетании с суффиксом *ни*. По смыслу *ни* выражает отрицание; по функции оно указывает на незаконченность предложения.

6. *Сусуму мо* **сирани** *сидзоку мо* **сирани**, *ёру-хиру касикомари омоосэба* (Мн, № 13, 781) ‘Так как и днем и ночью почитают вас очень’ (‘очень’ — дословно: ‘**не зная** как идти вперед, **не зная** как отступить’).

Сусуму мо сирани сидзоку мо сирани выступает в «Царских эдиктах», повидимому, уже как застывшая формула, так как неизменно встречается именно в этом виде.

Налицо все признаки, свидетельствующие об архаичности форм *на*, *ни* уже для языка памятников VIII в. Непродуктивность их подтверждается крайне узким кругом используемых лексем. Так почти во всех примерах с *ни*, как приведенных Ямада, так и найденных нами, всюду встречается глагол *сиру* (*сирани*). За исключением этого, Ямада дает только еще два примера: *акани* (от глагола *аку* ‘удовлетворяться’) и *арани* (от глагола *ари* ‘быть’, ‘иметься’). Первый пример взят из «Манъёсю», второй из «Нихонги».[1]

---

[1] Ямада. Наратё. . ., стр. 187—189.

Совершенно очевидно, что за гранью VIII в. эта форма почти уже не встречается. Известны лишь примеры от глагола *у* (совр. *эру*): *эни*.

Иэба **эни**, *иванэба мунэ но савагарэтэ*[1] 'Сказать **не могу**, а если не сказать, то вся душа в волнении' (дословно: 'если сказать, то не могу').

Эни восходит к первой основе глагола *у* 'мочь'.

Исходя из всего сказанного, мы приходим к заключению относительно существования некогда парадигмы спряжения отрицательного суффикса с четырехступенным аблаутом в виде: 1 *на*, 2 *ни*, 3, 4 *ну*, 5 *нэ*.

Колебания Ямада в этом отношении мы не можем признать обоснованными, так как вполне возможно было наличие ряда диалектальных разновидностей отрицательного наклонения, к таковым могло принадлежать и *дзу*, вытеснившее в дальнейшем первую, вторую и третью основы. Гипотеза наша подтверждается еще наличием первой основы *на* в «Адзума ута», что свидетельствует о несомненной связи этой формы с восточным диалектом. Вытеснение первых трех основ отрицательного суффикса, т. е. *на*, *ни*, *ну*, и замена их суффиксом *дзу* и дали тот супплетивный тип парадигмы, который известен нам сейчас как по памятникам VIII в., так и по современным текстам, написанным так называемым письменным языком.

Ниже приводим примеры на использование суффикса *дзу* в трех функциях: а) как показателя незаконченной предикации в подчиненном предложении (так называемая первая основа); б) как показателя незаконченной предикации в сочиненном предложении (так называемая вторая основа); в) как показателя законченной предикации (так называемая третья основа). Поскольку все три функции выражаются одним и тем же суффиксом *дзу*, мы можем говорить о наличии одной формы, лишь функционально различной. Распределение ее по трем основам определяется лишь аналогией с другими глаголами и глагольными суффиксами. Оно облегчает заучивание этой формы, т. е. носит учебно-методический характер, но искажает научное понимание ее. Исходя из всего этого, мы считаем возможным суффикс *дзу* рассматривать как неизменяемый, но полифункциональный грамматический элемент. Если школьная японская грамматика дает парадигму в виде: 1 *дзу*, 2 *дзу*, 3 *дзу*, 4 *ну*, 5 *нэ*, то мы считаем более правильным дать ее в виде: *дзу*, *ну*, *нэ*.

---

[1] Ямада. Наратё..., стр. 189.

Выражение незаконченной предикации в подчиненном предложении:

1. *Ицу-мадэ ка нобэ-ни кокоро-но акугарэму хана си* **тирадзу** *ва тиё мо хэнубэси* (Кс, 104) ‘До каких же пор сердце пребудет зачаровано лугом? Если цветы **не опадут**, то ведь и тысяча лет может пройти’.

2. *Катаито-о коната каната-ни ёрикакэтэ* **авадзуба** *нани-о тама-но о-ни сэму* (Кс, 478) ‘Свиваю вместе тонкие нити. **Если** [они] **не сойдутся**, на что нанижу жемчуг?’ (Дословно: ‘Что сделаю шнурком для жемчуга?’ Игра слов: *тама* ‘жемчуг’ и *тама* ‘душа’. Отсюда: *тама-но о* ‘нить жемчуга’ — ‘жизнь’. Данное стихотворение имеет поэтому символическое значение: если мы не встретимся, как встречаются нити, сплетаемые в шнурок, то на чем будет держаться моя жизнь?).

Суффикс *ва||ба* после *дзу* характеризует сказуемое условного придаточного предложения. Форма эта, повидимому, сравнительно позднего происхождения, если судить по тому, что в таком памятнике, например, как «Микотонори», она вообще не встречается. Те же два примера, которые цитирует Ямада,[1] повидимому относятся к сказуемому не в подчиненном, а в сочиненном предложении (см. толкование стихотворения № 864 в т. V «Мансъёсю̄, данное в «Манъёсю сō̄сяку», т. III, стр. 105).

Выражение незаконченной предикации в сочиненном или слитном предложении:

1. *Онога иэ-иэ онога кадо-кадо оя-но на* **усинавадзу** *исо-сику цукаэмацурэ* (Мн, № 16, 789) ‘Ревностно служи, **не теряя** имени предков своих семей, своих домов’.

2. *Хито-но садзукуру-ни ёритэ мо* **эдзу**, *тикара-о мотитэ арасоубэки моно-ни мо* **арадзу**, *нао амэ-но юруситэ садзукубэки хито-ва араму* (Мн, № 31, 815) ‘Получить [его] от людей (‘при помощи людей’) **нельзя**, добыть [его] силой **невозможно**, [это] должен быть такой человек, которого небо должно дать в своей милости’.

3. *Сикаруо хито то ситэ мэгуми-о* **сирадзу** *мэгуми-о мукуину-о-ба, хидзири-но ми-нори-ни мо исамэтамаэру моно-ни ари* (Мн, № 23, 830) ‘Однако того, кто, будучи человеком, **не чувствует** милости и не воздаст за милость, того осуждают даже в законах мудрецов’.

Форма *дзу* иногда распространяется посредством суффикса *ситэ* (генетически — деепричастие от глагола *суру*) и получает в таком случае значение отрицательного деепричастия.

---

[1] Ямада, Наратё..., стр. 184.

1. *Тадани асоби то номи-ни-ва* **арадзу ситэ**, *амэ-но сита-но хито-ни кими яцуко ояко-но котовари осиэтамаи омобукэтамау то ни арураси* (Мн, № 10, 774) ‘Это делается **не** с целью простого развлечения, а повидимому, с целью толкования людям поднебесной принципа отношения между государем и подданными, между родителями и детьми, и направления [их по этому пути]’.

Наряду с этой формой используется и форма *тэ*: *дзутэ*.

2. *Таратиси-но хаха-га мэ* **мидзутэ** *охохосику идзути мукитэ ка ага вакарураму* (М, V, № 877) ‘**Не видя** родимой матушки, печально куда направившись я [пойду] в разлуке с ней’.

3. *Кими* **кодзутэ** *тоси-ва курэники* (Госэнсю)[1] ‘Ты **не пришел,** и год так окончился’ (т. е. год окончился без того, чтобы ты пришел).

Дальнейшая фонетическая эволюция *дзутэ* к форме *дэ* встречается лишь начиная с «Такэтори-моногатари». В памятниках VIII в. эта форма еще отсутствует.

4. *Э-***сирадэ** *каку ю то обоситэ* (Т)[2] ‘Думая, что говорит так, **не** имея возможности **знать**’.

5. *Коно тама* **ториэдэ**-*ва ути-ни каэрику на* (Т, 16) ‘Если **не сможете достать** эту драгоценность, то и домой не возвращайтесь’.

Выражение законченной предикации:

1. *Со-ва а-га мико-ни* **арадзу**. *Канарадзу куни-цу ками-но ко-ни косо арамэ* (К, 237) ‘Это **не** мой ребенок. [Это] несомненно ребенок земного бога’.

2. *Карэ соно ирото миакаси-но тоцука-цуруги-о ябуритэ, иохари-о цукуритэ цугуноитамаэдомо* **торадзу** (К, 241) ‘Поэтому его любимый младший братец, взяв свой меч в десять обхватов, делает [из него] пятьсот крючков и преподносит [ему], но [старший брат] **не берет**.’

3. *Хито-но моно-то мо сэну токоро-ни мадоиарикэдомо, нан-но сируси арубэку мо* **миэдзу** (Т, 2) ‘Хоть [они] и блуждают в таких местах, которые никто не посещает, но толку от этого никакого **не видно**’.

4. *Иэ-но хитодомо-ни моно-о дани иваму тотэ, никакурэдомо, кото то мо* **сэдзу** (Т, 2) ‘Хоть [они] и обращаются к [ее] домодчадцам с тем, чтоб хоть словечко сказать, но те **не отвечают**’.

Указанными тремя функциями исчерпывается значение формы *дзу*. Эта форма:

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё..., стр. 166.
[2] Там же, стр. 167.

а) не может служить приименным определением; последнее выражается формой *ну*, которая выступает и как самостоятельная склоняемая форма;

б) не присоединяет к себе непосредственно видо-временны́х или иных суффиксов; отсюда возникает необходимость прибегать к некоторым особым способам для передачи времени, вида и т. д.

Для передачи этих грамматических категорий глагол в отрицательной форме, характеризуемой суффиксом *дзу*, сочетают с вспомогательным глаголом *ари*, который и выступает далее как носитель указанных грамматических значений. Иными словами, *ари* выступает в этих случаях как спрягаемое слово.

1. *То инабимōситэ* **укэмасадзу ару** *айда-ни*... (Мн, № 3, 757) ‘В то время как [он], отказавшись, **не принимает** [предлагаемого ему престола]...’.

Форма *дзу ари* выражает конкретное длительное.

2. *Хито-но кокоро имада* **садамарадзу арисикаба**... (Мн, № 25, 802) ‘Так как помыслы людские еще **не установились**...’ (т. е. мнение окружающих еще было неясным).

Форма *дзу арисикаба* выражает прошедшее от отрицательного наклонения.

3. *Китанаку кадамасики яцуко-но Удзи-удзи-но удзибитодомо-о мо сусумэ-цукавасу кото котовари-но гото мо* **арадзу арицу** (Мн, № 28, 810) ‘Грязный, злочестивый раб выдвигал на [разные] высокие посты членов различных родов, что **было противно** установленным принципам’.

4. *Каку норитамауōмикото-ни* **ситагавадзу араму** *хитова*...’.(Мн, № 76, 789) ‘Те, кто **не будет следовать** высказанному повелению...’.

В дальнейшем при стяжении суффикса *дзу* с глаголом *ари* в результате выпадения гласного *у* возникает суффикс *дзари*, спряжение которого естественно равняется по спряжению глагола *ари*: 1 *дзара*, 2, 3 *дзари*, 4 *дзару*, 5 *дзарэ*. Суффикс этот появляется уже в текстах VIII в. и вытесняет далее описательную форму на *дзу ари*.

1. *Сунавати арэ мо цукуримацураму то омоэдомо* **э-насадзариси** *айда-ни* (Мн, № 15, 788) ‘Итак, хотя я и хотел построить [это], но **не** мог **сделать**, [и] в это время...’ (дословно: (‘в то время, как не мог сделать’).

Форма *дзариси* состоит из *дзари* (отрицание) и *си* (прошедшее время).

2. *Саки-ни ицуваритэ микотонори то иитэ ару кото-о укэмотиру кото* **эдзарэ** (Мн, № 28, 809) ‘**Не сметь** исполь-

зовать то, что ранее было фальшиво выдано за царские повеления'.

Мы ограничиваемся здесь двумя примерами на суффикс *дзари*, поскольку тип его спряжения во всем совпадает с глаголом *ари*. Необходимо, однако, при этом иметь в виду, что *дзари*, происходя от *ари*, не означает длительности.

Вернемся теперь снова к спряжению суффикса *дзу*, в частности, к основам *ну* и *нэ*.

Форма на *ну*, соответствующая так называемой четвертой основе отрицательного суффикса, является причастием в его различных синтаксических функциях.

В текстах VIII в. оно встречается как препозитивное определение или как сказуемое в вопросительных или восклицательных предложениях.

1. **Кототовану** *ки-ни-ва аритомо урувасики кими-га танарэ-но кото-ни си арубэси* (М, V, № 811) 'Пусть будут хоть **безгласным** деревом, но [зато] буду тем кото, на котором обычно играет [мой] прекрасный друг'.

2. *Коно кути я* **котаэсэну** *кути* (К, 232) 'Ах, этот рот — безгласный рот!' (дословно: 'не отвечающий').

3. *Корэ* **э-ханатану** *юэ-ни, ирэнагара мотимаикитэ татэмацурину* (К, 244) 'Так как [мы] **не могли** [жемчужину] **отделить** [от сосуда], то вместе с ней принесли и преподнесли вам'.

Во всех указанных примерах глагол с суффиксом *ну* выступает в качестве препозитивного определения.

4. *Ōмия-но ути-ни мо то-ни мо хикару мадэ фурасу сироюки мирэдо* **акану** *камо* (М, XVII, № 3926) 'Белый снег, которого выпало столько, что все сверкает и во дворце и вне его, сколько им ни любоваться, все мало!' (дословно: 'хоть и любуешься, но **разве удовлетворишься** этим?').

Форма *акану*, характеризующая конечное сказуемое, выступает в эмоционально окращенном предложении.

5. *Карэ корэ, сиру* **сирану**, *окури-су* (Тн, 1) 'Те, эти, знающие, **не знающие**, провожают' (т. е. знакомые, незнакомые).[1]

6. *Сиру* **сирану** *нани ка аянаку вакитэ иваму. Омои номи косо сирубэ нарикэрэ* (Кс, 474) 'Знакомый, **незнакомый** — что по-пустому рассуждать. Ведь сама любовь была [тебе надежным] вожатым'.

В последних двух примерах форма, характеризуемая суффиксом *ну*, выступает как самостоятельная склоняемая форма; она определяется нами как причастие.

---

[1] См. анализ этого предложения выше, в главе I.

В дальнейшем, следуя общей эволюции глагольных форм, *ну* становится показателем verbum finitum и тем самым — законченной предикации (так называемая форма конечного сказуемого),

Форма *нэ*: а) служит основой для образования условного[1] и уступительного срединного сказуемого; б) в качестве самостоятельной, финитной формы используется в предложениях, в которых налицо экспрессивная частица *косо*.

1. *Ё-но нака-о уси то ясаси то омоэдомо тобитатиканэцу тори-ни си* **аранэба** (М, V, № 893) ‘Хоть [я] и считаю этот мир и печальным и постылым (дословно: ‘постыдным’), но [я] не смог улететь, **так как** [я] ведь **не** птица’.

Форма *аранэба* восходит к модальному отрицательному суффиксу *нэ* + экспрессивное *ва* (< **па*) > *ба*.[2]

2. *Хару-но ё-но ями-ва аянаси ммэ-но хана иро косо* **миэнэ** *ка я ва какуруру* (Кс, 46) ‘Как безрассуден мрак весенней ночи! Цветы сливы — цвет [их] **не виден**, [а] запах разве может скрыться?’.

Форма *миэнэ* (с суффиксом *нэ*) вызвана наличием экспрессивной частицы *косо*.

Развитие форм отрицательного наклонения следует по тем же путям, по которым идет развитие форм изъявительного наклонения. Если в области изъявительного наклонения verbum finitum начинает постепенно вытесняться причастием, то это же явление наблюдается и в области отрицательного наклонения. Уже в XIV—XV вв. суффикс *ну* встречается и как препозитивное определение и как финитная форма, иначе говоря, как сказуемое независимого предложения.

1. *Сарэба, тадаима маиру ва, бэцуна кото-дэ* **годзарану** (Кг, I, 450) ‘Итак, [я] иду сейчас по следующему делу’ (дословно: ‘то, почему я сейчас иду, **не** что иное как’).

2. — *Модотта ка?*

— *Ия, мада, омаэ-о сари мо* **симасэну** (Кг, I, 2).

‘— [Ты уже] вернулся?

— Нет! Еще не уходил’ (дословно: ‘даже ухода **не** сделал’).

3. *Нō, коко-дэ мо,* **ориярану** *вай но* (Кг, I, 4) ‘Ах, и это **не** здесь!’.

4. *Ия, дзё̄-мадэ-ва* **ирану**. *Исойдэ итэ-кой* (Кг, I, 16) ‘Нет, письма **не нужно**. Поскорее иди’.

---

[1] Оно же временно́е и причинное.

[2] *Ба* генетически мы рассматриваем как экспрессивную частицу. Лишь в дальнейшем она превращается в глагольный формант с условным временным и причинным значением.

5. *Нō осороси я! Они-о-ба кадзя-ни-ва* **цукавану** (Кг, I, 19) ‘О, как страшно! Чорта **не могу держать** слугой’.

В приведенных выше примерах отрицательный суффикс *ну* выступает в синтаксической функции конечного сказуемого, являясь показателем законченной предикации.

Эта же форма используется и как самостоятельная именная форма, т. е. в том значении, в котором она встречалась и раньше.

Ō гаттэн-но **юкану** *косо дōри нари* (Кг, 12) ‘О! вполне естественно, что [ты] не понимаешь’ (дословно: ‘непонимание — естественно’).

Ну используется и как препозитивное определение.

1. *Варава-га цурэяи, нанитомо катомо* **нарану** *сасаномидэ годзару га* (Кг, I, 21) ‘Моя половина — никуда **не годный** пьяница’.

2. *Нани си-ни ицувари мōсō дзо. Сāё-но кицунэ-о цуру то кото-ва, наканака омои мо* **ёрану** *кото-дэ годзару* (Кг, I, 59) ‘Зачем же [я] буду лгать? Ловить лисиц — это мне и в голову **не приходит**’.

3. *Фун, кёутимаири-о сурэба, сю-ни, хима-о* **кована** *хō-дэ орисō ка* (Кг, I, 70—71) ‘Гм, в случае поездки в столицу, разве можно **не просить** у господина отпуск?’.

4. *Мидомо-ва бōдзу-но ги-дэ годзарэба,* **ниявану** *цурэ-дэ годзару ходо-ни, мадзу сорэгаси-ва саки-э маиримасё* (Кг, I, 76) ‘Так как я монах, то [вы мне] совсем **неподходящий** спутник, поэтому я пойду вперед’.

Ну выступает и как морфологическая характеристика сказуемого в зависимом предложении, в предложении склоняемом, функционирующем в качестве развернутого члена предложения.

1. *Хат, конодзю-ва тэирэ мо* **итасану**-*ни ёттэ, икō мусō годзаримасуру* (Кг, I, 36) ‘Ха, в последнее время [я] совершенно **не занимался** [садом], поэтому очень грязно’.

Примечание. Необходимо иметь в виду, что суффикс *ну* в новой своей функции не вытесняет окончательно морфему *дзу*. В значении показателя законченной предикации последняя используется в письменном языке вплоть до наших дней.

Язык Кёгэнов и Сёмоно характеризуется особой формой выражения прошедшего отрицательного деепричастия.

Прошедшее отрицательное выражается формой *нанда*, которая в настоящее время является характерной для западных японских говоров.

1. *Ия, нани то годзатта мо,* **обоэмасэнанда** (Кг, I, 13) ‘Нет, я даже **не понял**, что это такое’.

2. *Ия, соната-ва, орэ-га хирумэси-ва,* **куярананда ка** (Кг, I, 64) ‘Эй! **Не** вы ли **съели** мой обед?’.

Форма *куярананда* восходит к глаголу *куу* (вторая основа *куи* + *ари* (служебный глагол со стилистической функцией вежливости) > *куяра* + *нанда* (прошедшее время, отрицательное наклонение). Так же, как суффикс *та*, суффикс *нанда* уточняет свое значение в контексте, выражая в одних случаях прошедшее несовершенное, в других перфект.

3. — *Омаэ-ва доната-дэ годзару дзо.*
— *Ия, токоро-но мокудай дзя.*
— *Хā,* **дзондзимасэнанда** (Кг, I, 91)
‘— А кто вы такой?
— Да [я] здешний **правительственный** чиновник!
— Ах, [я] и **не знал** [этого]’.

Форме *нанда* соответствует в современном литературном языке форма *накатта*. Последняя образована от наречия *наку* в сочетании с формой прошедшего времени вспомогательного глагола *ару* (например *ёманакатта* ‘не читал’, *минакатта* ‘не видел’, *табэнакатта* ‘не ел’). С глагольной связкой *годзару* отрицание выступает в форме *нан*:

Сатэ-мо, сатэ-мо, симидзу-ни они-но ару то кото-ва, **дзондзэнандэ годзару** (Кг, I, 13) ‘Вот так так! а [я] и **не знал**, что в воде имеется чорт’.

Из сравнения с такими составными морфемами, как *миэнанцу* (*цу* — суффикс перфекта: см. С. Ю. 206), *юкананда рэба* (условная форма), морфема *да* в *нанда* выясняется как показатель прошедшего времени, *нан* соответственно оказывается выразителем отрицания. Этимология его, однако, не ясна.

В качестве отрицательного деепричастия в эту эпоху используется форма *идэ*, сочетаемая с первой основой глаголов.

1. *Итомагои-о мо* **мōсаидэ** *макарикаэрарэтэсō* (Ю, 205) ‘Ушел даже не попрощавшись’.

Мōсаидэ — от глагола *мōсу* ‘говорить’, *сō* — от глагола *сōрō*.

2. *Коти-э-ва* **коидэ** *сотн-дэ корэ-о табэ* (Ю, 205) ‘**Не подходя** сюда, ешь это там!’.

Коидэ — отрицательное деепричастие от глагола *куру*.

3. *Сарэба сарэба, конодзю̄-ва хисасику* **аваидэ**, *нацукасиса-ни маитта га, нанигото мо одзярану ка* (Кг, I, 58) ‘Давненько мы с тобой **не встречались** и [я] пришел, соскучившись по тебе. Все ли у тебя благополучно?’.

4. *Хатэ, о-тя дэмо* **маирисасэидэ** (Кг, I, 61) ‘Как, даже **не выпив** чаю!’.

5. *Сусариоро. Соно утаи-ва, иварэ-о ситтэ утау ка.* **Сираидэ** *утау ка* (Кг, I, 72) ‘Убирайся вон! Ты поёшь эту песню, зная, что̀ с ней связано, или **не зная**?’.

Эта форма отрицательного деепричастия также является характерной для западного диалекта. В современном литературном языке ей соответствует форма с суффиксом *наидэ*, наращиваемым точно так же на первую основу глаголов: *ёманаидэ* ‘не читая’, *минаидэ* ‘не видя’ или ‘не смотря’, *табэнаидэ* ‘не ев’.

7. ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЕРОЯТНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В систему отрицательного наклонения входит также, наряду с категорическим отрицанием, рассмотренным выше, отрицание с оттенком сомнения, неуверенности, предположительности, т. е. тот тип отрицания, который в грамматиках японского языка получил название отрицательного вероятного.

В старом языке для выражения отрицательного вероятного существовали две синонимичные формы: *дзи* и *мадзи*. Суффикс *дзи* наращивается на первую основу глаголов, но является неизменяемым. Различение в нем двух основ: а) заключительной и б) определительной — чисто условно, как на это указывает и Ямада.[1] Фактически форма *дзи* выступает только как конечное сказуемое, т. е. в качестве выразителя законченной предикации. Тот факт, что это сказуемое может оказаться в предложении восклицательном (с частицей *ка*) или в предложении, в котором выражен риторический вопрос (тоже с частицей *ка*), — дела не меняет, поскольку сказуемое все же остается конечным.

1. *Сумэра вага ми-ё-ни атаритэ араваруру моно-ни-ва* **арадзи**, *има цугимасаму ми-ё-но на-о сируситэ котаэкитари араварэкитару моно-ни арураси* (Мн, № 5, 764) ‘**Вряд ли** это такая вещь, которая объявилась в связи с годами моего правления. Похоже на то, что это вещь, которая объявилась, которая обнаружилась, знаменуя [собой] имя того царствования, что имеет воспоследовать теперь’.

2. *Вакакэрэба мити* **юкисирадзи**. *Маи-ва сэму Ситабэ-но цукаи оитэ то̄расэ* (М, V, № 905) ‘[Он] так молод, что, **вероятно, не знает** пути. [Я] дам [тебе] подарок. посланец преисподней, понеси [его], взяв на спину’.

---

[1] Ямада. Наратё..., стр. 191.

(В этом стихотворении поэт Окура оплакивает смерть своего сына. Он обращается к посланцу преисподней и просит его принять во внимание, что ребенок еще слишком мал, он может заблудиться на путях в загробное царство).

3. *Ка-ни каку-ни хосики мани-мани сика-ни-ва* **арадзи ка** (М, V, № 800) ‘Так ли, иначе ли, по [твоему] желанию **вряд ли будет** так!’.

Истолкование в данном случае *арадзи* как формы «определительной» может возникнуть лишь на почве схоластических схем японской школьной грамматики и не оправдывается реальностью. На деле *дзи* — суффикс неизменяемый, выступающий только как характеристика конечного сказуемого. Он является показателем законченной предикации.

Содержание указанной формы довольно широкое и зависит от контекста, реализуясь в значении то настоящего времени (см. пример 1), то будущего, о чем будет сказано ниже. С точки зрения временно̀й, следовательно, *дзи* можно определить как настояще-будущее. (Для передачи вероятного отрицания в прошедшем используется суффикс *мадзи*, с соответственной временно̀й характеристикой). В разных временны́х планах, однако, реализуется разное модальное значение: если в отношении настоящего *дзи* выражает сомнение, то в отношении будущего о̀но же выражает категорическое решение, высказываемое говорящим, или его уверенность (см. О̄цука Эцудзо̄, который называет это «*хитэй-но кэссин*» — ‘отрицательное решение’)[1].

4. *Котаэ-мо̄сицураку: А-ва* **таэдзи** *то инаби-мо̄ситэ укэмасадзу-ару айда-ни...* (Мн, № 3, 757) ‘Так ответствовал: «Я **не смогу**» — с этими словами отказался и не принял [престола], в это время...’.

5. *Сонохито но умукасики кото исосики кото-о цуйни э-***васурэдзи** (Мн, № 7, 771) ‘[Я] никогда не смогу забыть его приятность и его старательность’.

Особенно ярко эта категоричность утверждения, относящаяся к событиям будущего, выражается в следующих словах, которые звучат как традиционная формула, используемая в «царских эдиктах» и памятниках аналогичного характера, цель которых заключалась в воспитании «верных» государевых слуг.

6. *Уми юкаба мидзуку кабанэ. Яма юкаба кусамусу кабанэ. Окими-но э-ни косо синамэ, но̀дони-ва* **синадзи** (Мн,

---

[1] О̄цука. Бумпо̄-ни риккяку..., т. II, стр. 497.

№ 13, 783) ‘На море (дословно: ‘Если бы отправился на море’) — труп в волнах. В лесу (дословно: ‘если б отправился в лес-горы’) — труп под травой. Рядом с государем умру, **не умру** спокойно’ (т. е. ‘умру в бою’; по другому толкованию: ‘**не умру** напрасно’).

Слова эти звучат как своего рода клятва и совершенно очевидно не допускают никакой вероятности, предположительности или тем более сомнения.

7. *Има мата аяматинаку цукаэмацуру хито-о-ба мэгумитамаи осамэтамаи* **васурэтамавадзи** *то норитамау сумэраога ōмикото-о мороморо кикосимэсаэ то нору* (Мн, № 25, 804) ‘Тех же, кто служит без прегрешений, облагодетельствую, буду ими управлять и **не забуду** [их]. Таково повеление государево. [Ему же] вы все внимайте — так возглашаю’.

Совершенно очевидно, что повеление выражается с определенной категоричностью и не допускает никаких сомнений.

Характерно в этом отношении также то, что форма *дзи* в «Микотонори» встречается с таким наречием, как *канарадзу*, которое означает ‘непременно’, а в сочетании со сказуемым в отрицательном наклонении — ‘никак’, ‘никоим образом’ (см., например, № 36, 822).

Весьма характерный также пример имеется в «Микотонори» № 45. В этом эдикте, представляющем изъявление последней воли одного из микадо, описываются различные возможные злодеяния и злоупотребления как со стороны князей (*ōкимитати*), так и со стороны вассалов (*ōмитати*). За это микадо сулит им различные кары, перечень которых он заключает говоря:

8. *Амэ-цути-но сати мо* **кагафурадзи** ‘И **не найдете** [себе] счастья ни на небе, ни на земле’ (дословно: и не получите счастья земного-небесного’).

Категоричность этого высказывания, исходя из всего контекста, не подлежит никакому сомнению. Оно звучит как заклятье, которое должно навлечь беды на головы возможных ослушников и заговорщиков. Интересна также древняя поговорка жителей восточных провинций, так называемых *адзумабито* (*Адзума* — ‘Восток’), выполнявших функции личной охраны микадо.

9. *Коно адзумабито-ва цунэни ивааку: хитаи-ни-ва я-ва тацутомо сэ-ва я-ва* **татадзи** (Мн, № 45, 844) ‘Эти жители Востока всегда говорят: пусть стрелы торчат на лбу, на спине стрелы торчать **не будут**’ (поговорка эта означает, что воины эти не поворачиваются спиной к врагу).

10. *Асанэгами варэ-ва* **кэдзурадзи**. *Уцукусики ками-га тамакура фуритэси моно-о* (М, XI, № 2578) ‘Моих волос, растрепанных на утренней заре, я **причесывать не стану**. Ведь на твоих руках [как на подушке] покоились [они], либимый мой’ (*тамакура* дословно ‘подушка рук’; *асанэгами* Отиаи в «Котоба-но идзуми» переводит: *нэкутарэгами* — ‘волосы, спутанные во время сна’).

В этом стихотворении девушка, расставшись с возлюбленным, высказывает решение не причесываться, не распутывать волос, спутанных им. Это — твердое решение, принятое ею самой и лишенное каких бы то ни было сомнений.

11. *Саосика-но цума ёбу яма-но окабэ нару васада-ва* **карадзи** *симо-ва фуру томо* (М, X, № 2220) ‘Поле с ранним рисом на склоне [той] горы, на которой олень зовет свою самку, **жать не буду**, пусть хоть иней падет’.

12. *Сиротаэ но коромо мо* **нукадзи** *тадани ау мадэни.* (М, XII, № 2846) ‘Даже платья **не стану снимать** до тех пор, пока [мы с тобой] не встретимся’.

13. *Кагуяхимэ тэфу о̄нусубито-но яцу-га, хито-о коросаму-то суру нарикэри. Иэ-но атари дани има-ва* **то̄радзи** (Тн, 19) ‘Кагуяхимэ — великая разбойница — хотела убить нас. Даже мимо ее дома [я] **не буду** больше **проходить**’.

14. *Хана-но ки мо има-ва* **хориуэдзи**: *Хару татэба уцуроу иро-ни хито нараикэри* (Кс, 100) ‘Теперь [я] **не стану** больше **пересаживать** [в свой сад] цветущие деревца. Весной [они распускаются и затем] блекнут, а он последовал их примеру’. (Поэт Со̄сэй-хо̄си сетует на то, что его друг оказался таким же изменчивым, как цветы, которые с приходом весны расцветают лишь для того, чтобы тут же поблекнуть. Он не пересадит больше ни одного деревца с гор к себе в сад, дабы они не могли послужить примером изменчивости).

15. *Каку арикитэ хито-ни мо* **миэсирарэдзи** (Уцубо)[1] ‘**Вряд ли** кому **известно**, что [он] бывает [здесь]’.

16. *Вага кё̄-но табэмоно, кувадзу-ситэ ва сарани икубэка радзу. Ато-но сэнкин, эки* **арадзи** (Км, I, 598) ‘Если не съедим ту пищу, которая нам положена на сегодня, то не сможем больше жить, [и] оставшаяся тысяча золотых **не принесет** никакой пользы’.

17. *Нандзи, бун-о гаку-су то иэдомо, сэкэн-но кото-о сирадзу ситэ кивамэтэ орока нари. Има-ёри варэ нандзи-ни* **аисовадзи** (Км, I, 617) ‘Ты занимаешься наукой, но мирских дел не знаешь и очень глуп. Больше я с тобой **не останусь**’.

---

[1] Цит. по: Ямада. Хейантё̄ . . ., стр. 169.

18. *Оя-но мэй-о* **сомукадзи** (X, 15) ‘**Не воспротивлюсь** воле родительской’.

Форма с суффиксом *дзи* сравнительно скоро перестает быть продуктивной и исчезает из народного языка. Место его заступает форма *мадзи* (и различные ее варианты). Суффикс *мадзи* в старом языке присоединялся к заключительной основе глаголов всех типов спряжений, за исключением так называемых неправильных глаголов типа *ари*. У последних он присоединялся к определительной основе, иначе к той, которая характеризовалась гласным *у* (напомним, что заключительная форма от глагола указанного типа характеризовалась гласным *и*).

Примечание. В своей грамматике «Хэйантё бумпōси» Ямада указывает на то, что в старом языке с глаголами типа *миру* ‘смотреть’, *ниру* ‘быть похожим’, т. е. с глаголами с огласовкой на *и*, суффикс *мадзи* наращивался на первую (resp. вторую) основу, иначе на основу, характеризуемую гласным *и*. Этот тип наращивания, сходный у суффикса *мадзи* с суффиксами *раму* и *бэси*, был продуктивным еще в начале X века, сосуществуя тогда уже и с наращиванием на заключительную основу. Ямада, следовательно, предполагает для более старого периода форму *мимадзи*; для начала X века — параллельно *мимадзи*||*мирумадзи* (глагол *миру* ‘смотреть’, ‘видеть’). К сожалению, он не приводит ни одного примера типа *мимадзи*, ограничиваясь цитатами с *мираму*, *нибэки*, *мибэки*. В текстах подобного рода форма типа *мимадзи* также не была нами обнаружена. Поэтому вышеуказанное утверждение Ямада мы приводим здесь как гипотезу.[1]

Как мы увидим ниже, по типу своего наращивания форма эта неоднократно варьировала на протяжении истории своего развития. По типу спряжения *мадзи* не отличается от прилагательных, характеризуясь наличием следующих основ: (1, 2 *мадзику*), 3 *мадзи*; 4 *мадзики*,[2] Основа *мадзикэрэ* в текстах VIII в. не представлена. Как известно, она вообще слабо представлена для прилагательных в это время. Форма *мадзику* для текстов VIII в. не зарегистрирована Ямада, однако он не сомневается в ее наличии в то время.[3] Возможно, что отсутствие этой формы объясняется содержанием конкретного материала, а не отсутствием ее вообще. В связи с этим мы позволили себе упомянуть данную форму, но заключив ее в скобки. Строго говоря, для языка, представленного в текстах VIII в., приходится считаться с наличием лишь двух основ: а) заключительной *мадзи* и б) определительной

---

[1] Ямада. Хэйантё . . ., стр. 92—93.

[2] Ср. спряжение прилагательного типа *онадзи* ‘одинаковый’: 1, 2 *онадзику*, 3 *онадзи*, 4 *онадзики*.

[3] Ямада. Наратё . . ., стр. 218.

мадзики. Полная парадигма, с включением и формы на *кэрэ*, т. е. *мадзикэрэ*, относится уже к несколько более позднему времени и оказывается за пределами VIII в.

В таком памятнике, как «Царские эдикты», форма *мадзи* представлена довольно слабо — всего четыре разных глагола, характеризуемых наличием данного суффикса. В «Манъёсю» она, повидимому, вообще не встречается. Все это приводит нас к выводу, что в древнем языке эта форма была, очевидно, мало продуктивна. Недаром форма *мадзи* отсутствует и в таком исследовании по грамматике «Манъёсю», как книга Оцука Эцудзо, неоднократно здесь цитированная. В перечне суффиксов, помещенном в первом томе его труда, *мадзи* упоминается; однако соответствующие иллюстрации, взятые из старых текстов, отсутствуют. Примеры даны без указаний источников, что свидетельствует об отсутствии подходящего материала в «Манъёсю».

Приводим те примеры, которые имеются в «Царских эдиктах».

2. *Амэ-цути-то томони нагаку цуки-хи-то томони току* **каварумадзики** *цунэнори-то татэтамаи сикитамаэру нори-о* . . . (Мн, № 3, 765) ‘Вечный закон, установленный в высь, установленный в ширь, как закон, что **не должен меняться** и что [должен быть] столь же вечным, как небо-земля, столь же недосягаемым, как месяц-солнце . . .’.

Мадзи в глаголе *каварумадзики* (определительная форма суффикса *мадзи*) выражает в данном случае идею долженствования — ‘долженствующий быть неизменным’, неизменный.

В тексте «Микотонори» *каварумадзи* используется три раза и все три раза — в качестве определения к существительному *цунэнори* ‘вечный закон’ (Мн, 757, 764). В связи с этим оно производит впечатление чего-то сходного с постоянным эпитетом к данному слову. Встречаясь всегда при слове *цунэнори*, в предложениях с небольшими вариантами, оно, повидимому, входило в установленную и уже застывшую формулу, используемую в определенных контекстах. Это дает нам возможность предположить относительную древность этой формы, а не наоборот, как можно было бы заключить, судя по ее малочисленности в памятниках этого времени.

2. **Юмадзики** *кото мо иину*. **Сумадзики** *вадза мо сину* (Мн, № 27, 807) ‘Говорил то, что **не следует говорить**, творил то, что **не следует творить**’:

Интересна при этом ссылка в тексте на то, что данное предложение является цитацией чьих-то слов. Оно предва-

ряется предложением: *Тохира-но ата-но* **иэру готоку**. ‘**Как говорил** враг’ (?). К сожалению, указание на лицо говорившее — неясно и, повидимому, не поддается расшифровке. Все предложение в целом производит тоже впечатление чего-то сходного с поговоркой.

3. *Ōкимитати-ва онога* **умадзики** *микадо-но тōтōки микураи-о нодзоми-мотомэ* (Мн, № 45, 843) ‘Князья возжелали получить почитаемый престол государев, который **не следовало** им **получать**’.

Ямада приводит один пример из тома XX «Манъёсю»;[1] в «Манъёсю сōсяку», однако, дается чтение не *мадзи мо*, а *масидзи*, исходя из того, что иероглифом, передающим последний слог, является *дзи*, а не *мо*.

Параллельно с суффиксом *мадзи* в описываемую эпоху существовал суффикс *масидзи*, синонимичный *мадзи*. Так, Ямада цитирует вариант примера, приведенного нами под номером третьим, в виде: *умасидзики микадо-но тōтōки кураи-о* (перевод см. выше). В нашем издании этот вариант отсутствует.[2]

Судя по всему, форма *масидзи*, в текстах VIII в. встречается столь же редко, как и форма *мадзи*. (Наращивается этот суффикс на третью основу; в текстах представлены только две основы: *масидзи* как заключительная и *масидзики* как определительная). Генетическая близость обоих указанных суффиксов несомненна, однако вопрос о формах (корневой и производной) не ясен. За пределами памятников VIII в. форма *масидзи* больше не встречается. В источниках X в. форма *мадзи* встречается довольно часто, причем в текстах этого времени представлена вся парадигма спряжения: *ку*, *си*, *ки*, *кэрэ*. Для этого периода характерно частое использование *мадзи* в сочетании с вспомогательным глаголом *у* (совр. *эру*), выражающим возможность. Вследствие подобного сочетания получается форма отрицательной возможности (хотя и само *мадзи*, как мы уже видели выше, тоже может выражать подобное значение).

1. *Оно-га оя-но уэ-о каку* **мосумадзикэрэдо** (Уцубо)[3] ‘**Хоть и нельзя** так **говорить** о своих родителях, но . . .’.

2. **Идэтамаумадзики** *хи-ни я арикэму* (О, II)[4] ‘Был ли это день, когда [он] **не мог поехать**’, т. е. может быть, это был такой день, когда он не мог покинуть дом).

---

[1] Ямада. Наратё . . ., стр. 218; см. «Манъёсю», № 4482.
[2] Ямада. Наратё . . ., стр. 218.
[3] Цит. по: Ямада. Хэйантё . . ., стр. 228.
[4] Там же, стр. 227.

3. *Коёи-ва Итидзё-ни* **ватарасэтамаумадзики-***ни я* (Уцубо)[1] ‘Не оттого ли, что сегодня ночью **не сможет отправиться** в Итидзё?’.

4. *Таваясуку* **мирумадзики** *моно-о* . . . (Т, 2) ‘Ту самую особу, которую **не** легко было **лицезреть** . . .’.

5. *Нао коно оуна мидэ ва, ё-ни* **арумадзики** *кокоти-но сикэрэба* . . . (Т, 5) ‘Так как [им] казалось, что без этой женщины [они] **не смогут существовать** на свете . . .’ (дословно: ‘было такое настроение, что, не видя этой женщины, **не смогут существовать** на свете . . .’).

6. *Таваясуку хито* **ёрикумадзики** *иэ-о цукуритэ* . . . (Т, 7) Построив дом, к которому **не** легко было кому-нибудь **приблизиться** . . .’.

7. *Ама-ни наритэ мо, тоно-ни ути* **ханарумадзикэрэба**, *тада киэусэнаму вадза могана.* (О, I, 344) ‘**Так как**, даже став монахиней, **нельзя было покинуть** дворец, то ах, если б только умереть!’ (т. е. ей ничего другого не оставалось, кроме смерти).

8. *Кё-но гэндзан-ва* **арумадзикарицуру** *о, Гио-га нани то омоуран, амарини мōсисусумуру айда, каёни гэндзан-сицу* (Х, 11) ‘Сегодняшнее свидание **не должно было состояться**, но так как Гио отчего-то так просила, то оно и состоялось’.

Во всех указанных примерах *мадзи* выражает отрицательную возможность без вспомогательного глагола *у*.

То же значение реализуется и при наличии вспомогательного *у*. В этих случаях используется вторая основа данного глагола, т. е. форма *э*. Она используется префиксально в отношении основного глагола, причем может отделяться от него путем включения каких-либо экспрессивных частиц.

9. *Како-ни овасуру Кагуяхимэ-ва, омоки ямаи-о ситамаэба,* **э-идэовасимасумадзи** (Т, 32) ‘Кагуяхимэ, которая находится здесь, тяжело больна, и поэтому **не может выйти** (‘не сможет выйти’).

10. *Оуна идакитэ-итару Кагуяхимэ сото-ни идэну.* **Э-тодомумадзикэрэба**, *тада, сасиаогитэ накиори* (Т, 32) ‘Кагуяхимэ, которую обнимала старуха, вышла наружу. Так как [старуха] **не могла** [Кагуяхимэ] **удержать**, то [она] просто, лежа навзничь, плакала’.

11. *Фую-но самуку нару мама-ни-ва само* **э-сумадзикэрэба** . . . (Уцубо)[1] ‘**Так как**, с наступлением зимних холодов, **не мог** [больше] так **делать**, то . . .’.

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё . . ., стр. 228.

12. *Он-ми-о кокоро-ни* **э-макасэсасэтамаумадзику.** (Г)[1] ‘**Не мог распоряжаться** собой так, как бы хотелось’ (дословно: ‘по сердцу’).

13. *Са ва омоэдо* **э** *дзо* **арумадзики** *я.* (Уцубо)[2] ‘Хоть и думает так, но ведь **не может быть** [этого]!’.

14. *Иэсада мōсикэру ва: Сōдэн-но сю, Бидзен-но кō-но тоно жонъя ямиути-ни сэрарэтамаубэки ёси укэтамаварисōрō айда, соно нараму ё̄-о миму тотэ, какутэ сōрō.* **Э** *косо* **макариидзумадзикэрэ** (X, 3) ‘Иэсада так сказал: «Так как [я] узнал о том, что сегодня ночью готовится покушение на моего наследственного хозяина — правителя провинции Бидзэн, то [я] и нахожусь [здесь], чтобы посмотреть, что произойдет. [Я] **не могу уйти**».

15. **Маирумадзикуба**, *соно ё̄-о мōсэ* (X, 14) ‘**Если** [она] **не может прийти**, то пусть так и скажет’.

16. *Амэгасита-ни суман ходо-ва томо-кōмо нюдōдоно-но ōсэ-о-ба* **сомукумадзики** *кото-нитэ ару дзо* (X, 14). ‘Пока ты живешь на свете, так или иначе, а **идти против** повелений его величества — святого отца никак **нельзя**’.

17. *Хэйкэ-ва ōдзэй-дэ масимасу нари. Варэра-ва мудзэй нари. Иканимо* **канаумадзи** (X, 348) ‘Тайра много. Нас мало. [Мы] никак **не сможем** [справиться]’.

Необходимо отметить также и дубитативное значение, носителем которого является также *мадзи*. В этих случаях оно не сочетается с вспомогательным глаголом (*у* >) *э*.

18. *Сарэба, коно кими-но катати-ва, каку касидзукитамау он-мусумэдомо-ёри мо*, **оторумадзикэрэдо** (0, 335) ‘Итак, вид этой девушки **вряд ли был хуже**, чем тех девушек, которых так лелеяли, **но** . . .’.

19. *Варэ сидай-ни-ва* **канаумадзики намэри** (0, 437) ‘Похоже на то, что **вряд ли станет** меня слушаться’.

Примечание. Форма *намэри* восходит к *нару мэри*.

20. *Субэтэ соно ги* **арумадзи** (X, 12) ‘**Вряд ли** все это так’.

Случаев с дубитативным значением *мадзи* гораздо меньше, чем случаев с выражением отрицательной возможности.

Прежде чем перейти к вопросу дальнейшей эволюции *мадзи*, необходимо снова вернуться к более ранней эпохе и уточнить вопрос морфологии *мадзи*. Поскольку морфологически *мадзи* принадлежит к категории прилагательных, оно и спрягается по типу прилагательных, обладая не только соответственными основами, но и способностью сочетаться

---

[1] Там же, стр. 227.
[2] Там же, стр. 228.

с вспомогательным глаголом *ари* для выражения модально-временны́х значений.

Мадзику в сочетании с *ари* дает *мадзикари*. Форма эта, однако, в таком виде никогда не используется, служа́ лишь основой для образования соответственных производных форм. Явление это вполне понятно, если принять во внимание синонимичность *мадзи* и *мадзикари*. В тех случаях, когда необходимо дать форму законченной предикации в значении настояще-будущего времени, используется коренная форма *мадзи*. В тех случаях, когда необходимо выразить прошедшее время или вероятность, используется производная основа, т. е. *мадзикари* плюс соответствующий суффикс. Эта же основа используется и при образовании форм некоторых других наклонений, как мы увидим ниже.

Возникновение указанной производной основы относится, возможно, к X в.; в памятниках VIII в., во всяком случае, она еще не встречается, хотя вспомогательное *ари* там уже широко используется для спряжения прилагательных.

1. *Мадзикараму. — Микадо-нитэ ко-о мотараму мо мэдэтаку мо* **арумадзикараму** (Уцубо)[1] ‘Если государь будет иметь ребенка, это **будет вряд ли** счастливо’.

2. *Мадзикарикэри. — Какутэ-ва э-ару* **мадзикарикэри** (Уцубо)[1] ‘Поэтому **не** могло быть так’.

Возможно также образование простого прошедшего от *ки*. В тексте встречается форма *си: маирумадзикариси* ‘не мог прийти’ (Уцубо).[2] Ямада отмечает ‘крайне редкое использование всех этих форм.[1]

3. *Мадзикамэри. — Кутиосю̄, касико-ни-ва,* **э-икумадзикамэри** (0, 387) ‘К сожалению, [сегодня] туда, **видимо, нельзя пойти**’.

Мадзикамэри восходит к форме *мадзикарумэри*, которая в результате ассимиляции дает *мадзикаммэри*. Долгий носовой в эту эпоху графически еще не передавался, отсюда орфографически возникает форма с кратким носовым. (*Мадзикамэри* означает ‘видимо, нельзя’. О форме *мэри* см. выше в соответственном разделе, посвященном наклонению вероятности).

Вторая особенность *мадзи* как прилагательного выражается в постепенном вовлечении его в орбиту той фонетической эволюции, которой подвергаются подлинные прилагательные, т. е. прилагательные, выступающие как знаменательные слова. (В отличие от них *мадзи*, *бэси* можно рассматривать

---

[1] Цит. по: Ямада. Хэйантё . . ., стр. 229.
[2] Там же, стр. 257.

как формальные прилагательные). Так для языка памятников X в. характерно сосуществование двух форм незаконченной предикации, выраженной прилагательным, — форма с окончанием *ку* (тип *сироку*, *уцукусику*) и форма с долгими гласными *о̄*, *ӯ* (тип *сирō*, *уцукусю̄*). Соответственно и *мадзи* также встречается как в форме *мадзику*, так и в форме *мадзю̄*.

Соно моно то мо **миюмадзю̄** *ситатэру ёдай-но . . .* (Г, I, 229) 'Такой вид, чтоб **не могли** этого **заметить** . . .'.

Определительная форма, характеризуемая гласным *и* (вместо окончания *ки*), встречающаяся уже в это время у прилагательных, для *мадзи* еще не используется. Форму *мадзий* мы нашли в таком сравнительно позднем памятнике, как «Хэйкэ-моногатари».

Коно ми-ва тосиоитэ **канаумадзий** *ёси-о мōсу* (X, IX, 355) '[Он] говорит о том, что стар и **не сможет** [это выполнить]'.

Дальнейшее развитие формы *мадзи* идет по линии как фонетических, так и семантических изменений.

Обратимся прежде всего к фонетическим изменениям. Юдзава в своей грамматике, посвященной «Сёмоно», указывает на сосуществование в XIV—XVI вв. двух параллельных форм: *мадзий* и *май*. Форма *мадзий*, прямой продолжатель старого *мадзики*, встречается, как мы видели выше, уже в таком памятнике XIII в., как «Хэйкэ-моногатари». С другой стороны, она, повидимому, отсутствует в «Кёгэнки», насколько можно судить по просмотренному нами материалу. Место этой формы в «Кёгэнки» занято суффиксом *май*. *Май*, таким образом, выступает как последнее звено в исторической цепи эволюции *мадзи*:

мадзики > *мадзий*
мадзи > *май*

Интересно отметить, что Родригец в своей грамматике «Arte da Lingoa de Iapam» (1604 г.) в таблице спряжения приводит не *мадзи*, а *май*. Дидако Кольядо лишь в одном месте упоминает *мадзи*,[1] определяя его в качестве будущего отрицательного, во всех остальных случаях рассматривает только форму на *май*. Все это свидетельствует о несомненной непродуктивности как *мадзи*, так и *мадзий* уже в XV—XIV вв. Этому не противоречит то, что мы выше говорили об использовании *мадзий* в «Сёмоно», так как «Сёмоно» передают официальный стиль и могут поэтому использовать и более архаичные формы. Как *мадзий*, так и *май* обладают в указан-

[1] Didaco Collado. Ars grammaticae Japonicae linguae, стр. 27: «ăgul mai или agùru maji».

ное время лишь двумя формами: заключительная и определительная *май*, *мадзий* и условно-временна́я основа (она же уступительная) *мадзикэрэ*, *майкэрэ*.[1]

К морфологическим особенностям обоих вышеуказанных суффиксов относится также способ их сочетания с основой, существенно отличающийся от способа агглютинирования суффикса *мадзи*.

Суффикс *мадзи* неизменно наращивался на заключительную основу глаголов, безотносительно к типу спряжения последних (исключение составляли только глаголы типа *ари*). Суффикс *май* (как и *мадзий*) в этом отношении зависит от типа спряжения того глагола, морфологической характеристикой которого он является. Ниже перечислим эти способы. (В данном случае речь идет о суффиксе *май* в среднеяпонском языке). У глаголов, характеризуемых четырехступенным чередованием гласных (тип *ёму*), *май* наращивалось или на заключительную основу *ёмумай* или на первую основу *ёмамай*. Последнее, повидимому, по аналогии с суффиксом отрицания *ну*. Так, Юдзава приводит такие формы, как: *цукамай* от *цуку* ‘прикрепляться’, *кикамай* от *кику* ‘слышать’, *сирамай* от *сиру* ‘знать’, *ивамай* от *ю* ‘говорить’, *авамай* от *ау* ‘встречаться’.[2]

У глаголов, характеризуемых двухступенным чередованием гласных, *май* наращивается на вторую основу, т. е. на гласный *и* (глаголы типа *мотиру*) и на гласный *э* (глаголы типа *табэру*). Юдзава приводит такие примеры, как *хоробимай* от *хоробуру* (совр. *хоробиру* ‘гибнуть’), *сугимай* от *сугуру* (совр. *сугиру* ‘проходить’) *сэмэмай* от *сэмуру* (совр. *сэмэру* ‘нападать’). Все сказанное относится и к сочетанию с залоговыми суффиксами страдательного и побудительного залогов. У глаголов односложных, характеризуемых корневым *и*, *май* наращивается на вторую основу, т. е. основу, характеризуемую гласным *и*. Так *иру* ‘быть’ дает форму *имай*, *миру* ‘видеть’ — *мимай*, *ниру* ‘походить’ — *нимай*.

Особо необходимо выделить способы сочетания с такими глаголами, как *куру* ‘приходить’ и *суру* ‘делать’. В среднеяпонском встречаются два способа: как наращивание на первую основу, так и наращивание на заключительную основу — *комай*, *кумай* от *куру*, *сэмай*, *сумай* от *суру*.[3]

Нормативная грамматика определяет в качестве правильных две формы: *сэмай* и *симай*. Реально, однако, можно встретить

---

[1] Юдзава Муромати . . ., стр. 215.
[2] Там же . . ., стр. 216.
[3] Там же . . ., стр. 217.

такие формы, как *сурумай* и *сумай*.[1] Из всех этих форм будущее, по мнению Киеда, за формами *курумай* и *сурумай*.

В «выравнивании» этих форм, очевидно, действует закон аналогии, так как в морфологическом отношении глаголы *куру* и *суру* противостоят всей массе глаголов первого спряжения. Позиция их тем самым оказывается довольно слабой, а сила притяжения морфологически господствующего типа очень велика.

Переходим теперь к вопросу о значении *май*, используя для этой цели язык кёгэнов.

Май может выражать отрицательную возможность или запрещение.

1. *Юдан-но* **сасэмай** *то ю кото дзя* (Кг, I, 2) ‘Это значит, что глаз **спускать нельзя**’.

Примечание. Суффикс *но* в данном случае — не родительный падеж, а суффикс винительного *но*, ассимилированный ауслауту предшествующего ему существительного *юдан*. Явление это характерно для системы склонения в языке этого времени.

2. *Нани то ю дзо. Конака-о наситару нака-о, дэру дзо хику дзо то ю кото-ва* **арумай**. *Итидзи мо окану* (Кг, I, 22) ‘О чем ты говоришь? Такие отношения, при которых есть уже ребенок, не рвут, не бросают’ (буквально: ‘**нельзя** рвать, бросать’). Ни на один час не оставлю ‘[тебя у себя]’.

3. *Я, даймё то ародзуру моно-га каёни нагэку токоро-дэ ва* **арумай** (Кг, I, 74) ‘Тот, кто собирается стать даймё, **не должен** так вздыхать’ (дословно: ‘**вряд ли будет** так вздыхать’).

Май, выступая как дубитатив по форме, может выражать и категорическую уверенность, категорическое решение или утверждение.

4. *Корэ-ни маситару кэйдзу-ва* **арумай** (Кг, I, 41) ‘**Вряд ли найдется** лучшая генеалогия, чем эта’.

Это «вряд ли» выражает категорическую уверенность говорящего и полное отсутствие каких бы то ни было сомнений.

5. *Ия, сорэгаси мо макэ-ва* **итасумай** (Кг, I, 32) ‘Ну, и я не уступлю’ (‘вряд ли уступлю’, ‘не уступлю’, ‘**никак не собираюсь** уступать’).

6. *Ия, со осятта моно-дэ-ва, рати-га* **акумай** *ходо-ни, ситараба сорэгаси токоро-э одзярэ* (Кг, I, 86) ‘Нет, раз вы так говорите, **вряд ли** что выйдет, поэтому извольте прийти ко мне.

Говорящий, как будто высказывая сомнение, на самом деле уверен, что ничего не выйдет.

---

[1] Киэда. Котоко гогохо коги, стр. 402.

7. *Нō, тоссама, сō оссяру-ва гатэн-дэ годзару. Сараба инимасуру. Мохая* **аимасумай** *дзо я* (Кг, I, 22) ‘Ну, папаша, [я] вполне согласна с тем, что вы говорите. В таком случае пойду. **Вряд ли** [мы с вами] еще **встретимся**’ (в смысле: ‘больше мы с вами не встретимся’).

Женщина намекает на то, что собирается покончить с собой. Категоричность утверждения ее подчеркивается экспрессивными частицами *дзо я*.

8. *Даймё: О, сорэ дзя. Ситэ, соно ато-ва. Кадзя: Моси, тоно-сама, корэ-дэ-ва* **наримасумай**. (Кг, I, 34—35).

‘Даймё: Ах, так! Ну, а дальше?

Слуга: Послушайте, господин, так **вряд ли** что **выйдет**’.

Слуга, собственно, хочет дать понять, что так несомненно ничего не выйдет.

9. *Даймё: кадзямэ-ва, докомото-ни ору дзо дзя мадэй.*

Тэйсю: Моси тоно-сама, о-ута-ни кадзя-ва **иримасумай** (Кг, I, 38).

‘*Даймё*: Куда же это запропастился этот негодный слуга?

Хозяин [сада]: Послушайте, сударь, **вряд ли** [вам] **нужен** слуга для ваших стихов’ (т. е. ‘он несомненно вам не нужен).

Таким путем может быть выражено и категорическое решение, относящееся к будущему.

10. *Ия-ия, нан то иварэтэмо, кицунэ-о цуриямy кото-ва* **нарумай** (Кг, I, 61) ‘Нет, нет, что бы там мне ни говорили, я **не перестану** ловить лисиц’.

11. *Мата,* **модосумай** *то оссяру* (Кг, I, 24) ‘Вы опять говорите, что **не отпустите** [ее] **обратно?**’.

12. *Сорэгаси-га дзя-ходо-ни* **ярумай** . . . *то мōситэ годзару* (Кг, I, 92) ‘Так как это мое, то **не отдам** . . . — говорит’.

С послелогом *тамэ, май* входит в состав целевого оборота.

13. *Ия арэ-ва, сусо-о* **нурасумай**-*га* **тамэ**-*дэ одзяру* (Кг, I, 43) ‘Нет, это для того, **чтобы не замочить** подол’.

Суффикс *май* нередко также используется в оборотах, выражающих долженствование путем двойного отрицания.

14 *Со: Яй, сокона моно, икаходо сō ю томо, сиси-о ита-раба сиси-ни нараидэ* **канаумай** (Кг, I, 50—51) ‘Ну и тип! Что бы ты ни говорил, если ты убьешь оленя, **придется** тебе **стать** оленем’ (дословно: ‘не сможешь не стать оленем’).

15. *Нō, тоссама, ано ёни китэ мата накиярэба,* **инаидэ** *мо* **канаимасумай** *ходо-ни, инаситэ кудасарэй* (Кг, I, 24) ‘Нет, папаша, если [он] придет и [ребенок] снова заплачет, то **придется пойти**, поэтому уж отпустите [меня], пожалуйста’.

16. *Цуини мада мукоири-о итасану ёттэ, нани томо маириникy годзару, то мōситэ мо,* **майрадзуба наримасумай**

(Кг, I, 22) ‘Так как до сих пор еще [я] не представлялся официально своему тестю, то весьма неловко идти, и все ж-таки **придется пойти**’.

Наличие *май* как будто несколько смягчает категоричность высказанного решения. Но это касается только манеры выражения, по существу оно остается столь же определенным и несомненным. В вопросительных предложениях суффикс *май* выражает сомнение, относящееся к будущему.

17. *Сарэба но, мукоири-надо-дэ-ва* **ориярумай** *ка* (Кг, I, 11) ‘Итак, **не отправляетесь** ли вы с официальным визитом к тестю?’.

18. *Ситэ мата, варэ-ва сикато* **инумай** *то ю̄ ки ка* (Кг, I, 22) ‘Итак, ты твердо решила **не уходить**?’ (‘решила, что не уйдешь?’).

19. *Сю̄то, сю̄то, итидо футатаби курэта нёбо̄-о-ба,* **модосумай** *то ю̄ ка* (Кг, I, 24) ‘Тесть, тесть, [ты] говоришь, что жену, которую [ты] мне дал раз и навсегда, [ты] **не отпустишь** домой’?.

20. *Э, мидомо мо, ноборимасуру. Соцудзинагара, мити-дзурэ-ни мо* **нарасярумай ка** (Кг, I, 26) ‘Да, я тоже отправляюсь в столицу. Простите, но **не пойдете** ли со мной вместе?’.

21. *Соната-ни икэн-но ситай кото-га аттэ, корэ-мадэ маиттэ одзяру га, кикиярō ка,* **кикиярумай ка** (Кг, I, 58) «[Я] пришел сюда для того, чтобы кое-что тебе сказать. Выслушаешь ли ты меня или **не станешь слушать?**»’.

В своей эволюции как формально, так и семантически суффикс *май*, как мы видели, тесно связан с суффиксом *мадзи*, выявляя в этом отношении чрезвычайную устойчивость грамматических элементов языка. Судя по нашим материалам, дубитативное значение *мадзи* не является первоначальным. На ранних ступенях своего развития *мадзи* чаще всего выступает со значением отрицательной возможности. Лишь в дальнейшем в форме *май* начинает преобладать дубитатив. Однако и в этом случае чаще всего дубитатив используется для выражения категорического утверждения, а не сомнения.

Форма *май* в современном языке выходит за пределы нашей темы. Отметим только, что это неспрягаемый суффикс. Присоединяется он к заключительной, т. е. третьей основе глаголов типа *ёму* (четырехступенный аблаут) и ко второй основе всех прочих глаголов. Особое положение занимает глагол *куру* ‘приходить’ и *суру* ‘делать’.

В современном языке господствует некоторая пестрота и и неустойчивость, вопреки попыткам грамматики устранить

ее. Правильным считается использование суффикса *май* в качестве морфологической характеристики первой основы, иначе говоря, формы *комай*. Языковая практика, однако, знает и такие формы, как *кимай*, *курумай* и даже *кумай*.[1] Что же касается значения *май*, то мы позволим себе здесь лишь высказать гипотезу, что и оно, вероятно, не ограничивается одним лишь дубитативом, как это представляется, например, Киэда Масуити, который определяет его как «вспомогательный» глагол, выражающий вероятное отрицание.[2]

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

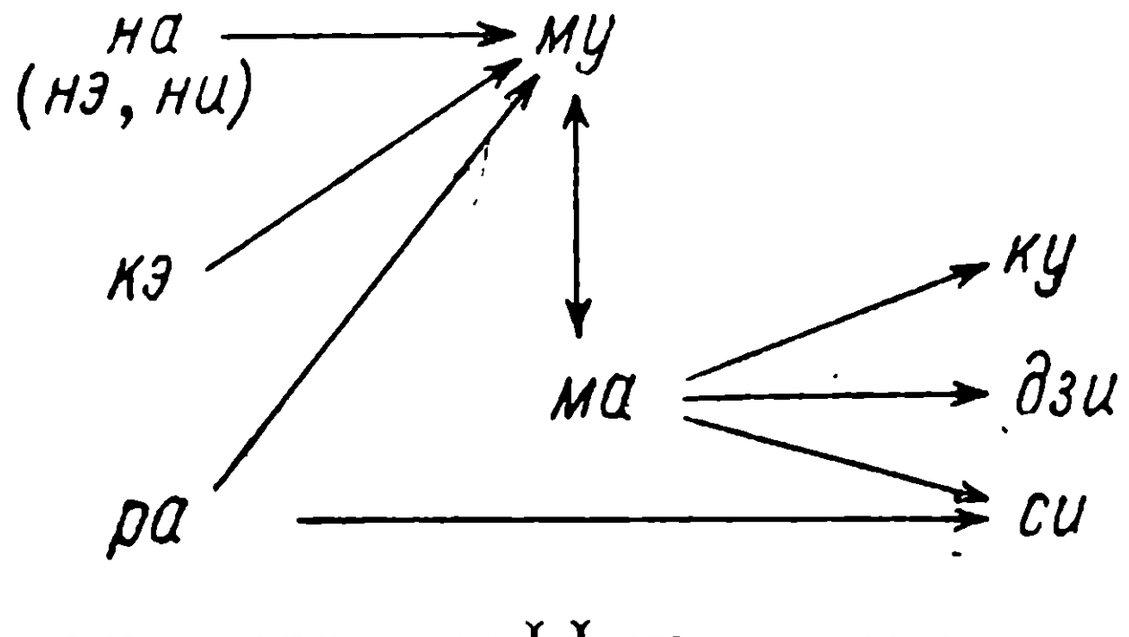
В этой главе мы разобрали отдельные способы выражения различных наклонений, существовавшие на протяжении истории японского языка, поскольку они засвидетельствованы письменными памятниками.

Из нашего обозрения мы исключили наклонения, которые выражаются описательно (например долженствование), и наклонения, не обладающие формой законченной предикации (уступительное и условно-временнòе). Последние были нами затронуты лишь в плане генетическом, поскольку они связаны с повелительным наклонением (точнее — с формой допущения).

Потенциалис, который мы рассматриваем как одну из модальных категорий, мы помещаем в главу о залоге.

В заключение обратимся к некоторым вопросам генетического порядка.

I. Анализ морфологической структуры модальных суффиксов позволяет свести все многообразие их к комбинации нескольких морфем.



В основе большинства суффиксов наклонения лежит суффикс будущего времени *му* и его вариант *ма*.

---

[1] Киэда Масуити, Кōтō кōгохō кōги. стр. 401.
[2] Там же, стр. 400.

Первая основа суффикса *му*, т. е. *ма*, в сочетании с суффиксами *ку*, *дзи*, *си* дает этимологически сложные суффиксы *маку*, *мадзи*, *маси*.

Заключительная основа того же суффикса, т. е. *му*, в сочетании с суффиксами *ра*, *кэ*, *на* дает этимологически сложные суффиксы *раму*, *кэму*, *наму*.

Суффиксы *нэ*, *ни*, выражающие повелительное наклонение в древнем языке, входят в качестве одной из форм в парадигму спряжения суффикса *на*.

Каждая из указанных морфем рассматривалась нами в отдельности в соответственном месте, за исключением морфем *ра* и *си*.

Си, возможно, является адъективизирующим суффиксом, хотя не все формы спряжения *маси* могут подтвердить это.

Этимология *ра* неясна, поскольку в японском языке *р* в анлауте не существует. Диалектальное чередование плавных, наблюдаемое в японском языке, дает возможность предположить тождество *раму* и *наму*. Напомним наличие в восточном диалекте (см. «Адзума ута») суффикса *наму*, синонимичного суффиксу *раму*. *Ра*, очевидно, можно рассматривать как диалектальный вариант *на*.

Морфологический анализ модальных суффиксов, представленный в таблице, помогает наглядно уяснить модальный и модально-временно̀й генезис соответственных морфем.

II. Анализ материала, данный выше, позволяет выдвинуть и второй вопрос генетического порядка. Вопрос этот связан с проблемой модально-временны́х категорий в наиболее древнем доступном нашему исследова́нию языке. В силу этого, естественно, он носит гипотетический характер. Напомним здесь, что возникновению супплетивной парадигмы отрицания, отраженной уже в памятниках VIII в., предшествовало наличие отрицательного суффикса *ну*, спряжение которого характеризовалось правильным четырехступенным аблаутом: 1 *на*, 2 *ни*, 3, 4 *ну*, 5 *нэ*.

Эта древняя форма отрицательного наклонения, восстановленная также по памятникам VIII в., в точности совпадает с парадигмой прошедшего совершенного: 1 *на*, 2 *ни*, 3, 4 *ну* (+ *ру*, *рэ*), 5 *нэ*, (суффиксы *ру* и *рэ*, как об этом говорилось выше, не были первоначально глагольными).

С другой стороны, парадигма отрицательного наклонения совпадает и с желательно-побудительным *на*, выражающим также и будущее время. Анализ модального суффикса *на* (см. раздел о желательном наклонении) был дан выше в разрезе лишь продуктивных форм, отраженных в памятниках

VIII в. Остальные были опущены, дабы не осложнять изложение рядом генетических моментов. Теперь необходимо к этому вопросу вернуться снова.

В парадигму суффикса *на* включаются также основы *ни* и *ну*. Суффикс *ну* встречается лишь в сочетании с вопросительным *ка*, что давало всегда повод к истолкованию его в качестве отрицания; в сочетании с *ка* его истолковывали в значении отрицательно-вопросительной формы. Учитывая, однако, восклицательный характер той же частицы *ка* в древнем языке, Ōцука считает возможным эту форму толковать как восклицательно-желательную. Он иллюстрирует свое утверждение, цитируя следующий пример из тома XVIII «Манъёсю».

Футаками-но яма-ни коморэру хототогису има мо **накану ка** *ками-ни кикасэму* (М, XVIII, № 4067). В «Манъёсю сōсяку» приводится обычное в этих случаях толкование: *Футакамияма-ни хисомикакурэтэиру хототогису ё, има наитэ* **курэнай ка**. *Нандзи-но коэ-о ками-ни о-кикасэмоситай кара*[1] ‘О, кукушка, скрывающаяся в горах Футакамияма, не **споешь ли** сейчас? Твой голос я хочу дать послушать [моему] господину’.

Однако в разделе, посвященном толкованию отдельных слов и грамматических форм, тот же комментатор эту форму объясняет иначе: *Има мэ-но маэ-дэ накэкаси*,[2] что означает: **Спой-ка** тут же на наших глазах!’. Такое толкование и предполагается с точки зрения теории Ōцука Эцудзō. (Своего парафраза Ōцука, к сожалению, не дает, ограничиваясь лишь тем, что помещает соответственные примеры в определенную рубрику).

В защиту теории Ōцука необходимо сказать, что такое толкование морфологически вполне допустимо. Частица *ка* может иметь как вопросительное, так и восклицательное значение. Суффикс *ну*, как отрицательный, так и желательно-побудительный, должен наращиваться на первую основу глаголов. Как одно, так и другое толкования не вступают ни в какие конфликты с окружающими грамматическими формами. Интересно в этом отношении одно замечание, которое мы находим в «Манъёсю сōсяку» в комментарии к песне № 4123 в том же томе XVIII. Поясняя форму *фурану ка* [от *фуру* ‘падать’ (о дожде)], Оноэ Хатирō — исследователь данного тома пишет: *Ка-га утикэси-но дōси-но сита-ни ару токи-ва*,

---

[1] Манъёсю сōсяку, т. IX, стр. 33.
[2] Оцука. Бумпо-ни риккяку. . ., т. II, стр. 34.

*гамбō-но и-о симэсу фурэ***каси**-*но и*[1]. 'В сочетании с глаголом в отрицательной форме *ка* выражает жалательность. [В данном случае] означает *фурэкаси*, т. е. 'пусть падает [дождь]'.

Само содержание стихотворения, очевидно, таково, что подсказывает какие-то иные пути для истолкования формы *ну*, обычно определяемой в качестве отрицания. Но, как мы видели выше, нет никаких формальных оснований утверждать, что это форма отрицательная, а не желательно-побудительная.

Гипотеза, высказанная Ōцука, является поэтому вполне приемлемой. Совершенно очевидно, что в дальнейшем непродуктивность желательно-побудительного *на* привела к переосмыслению данных грамматических форм и к вытеснению, в результате, *ну ка* желательно-восклицательного отрицательно-вопросительным *ну ка*.

В качестве второй основы желательно-побудительного *на* Оцука приводит форму *ни*, иллюстрируя это следующим стихотворением из «Манъёсю: *Хисаката-но амадзи-ва тōси. Наонаони иэ-ни каэритэ нари-о* **симасани.** (М, V, № 801). 'Путь к необъятному небу далек, так вернись же домой и **займись** чем надлежит'.

С мнением Ōцука, однако, нельзя согласиться, так как синтаксической функцией второй основы является выражение незаконченной предикации. В указанном же выше примере *симасани* выступает как конечное сказуемое, без возможности в данном случае какой бы то ни было инверсии. *Ни*, повидимому, является синонимическим вариантом повелительного *нэ* (см. раздел о желательно-побудительном суффиксе *на*). Совершенно очевидно, что для такой древней формы восстановить полную парадигму спряжения оказывается невозможным. Налицо, таким образом, следующая парадигма: 1 *на*, 2—, 3, 4 *ну*, 5 *нэ*, *ни*. Последние две формы — только в значении конечной предикации.

Примечание. Относительно возможности сближения желательно-побудительного *на* с формой отрицательного наклонения говорит Чемберлэн в своей грамматике рюкюского языка, ссылаясь при этом на японскую лингвистику.[2]

Совпадение суффиксов отрицательного наклонения с прошедшим совершенным, с одной стороны, и желательно-побу-

---

[1] Маньёсю сōсяку, т. IX, стр. 100.

[2] B. H. Chamberlain. Essay in aid of a Grammar and Dictionary of the Luchuan Language. 1895, Transactions of the Asiatic Society of Japan, m. XXIII, Supplement, стр. 88.

дительным (оно же выразитель будущего времени), с другой стороны, нельзя считать случайностью.

В основе лежит, очевидно, отрицательное наклонение, которое могло выражать прошлое как то, чего уже нет, и будущее как то, чего еще нет. Это отнюдь не означает отсутствие понятия о времени вообще, но лишь восприятие его в аспекте модальности. Ленин пишет: «Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней. Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира».[1]

И в другом месте: «...наши развивающиеся понятия времени и пространства *отражают* объективно-реальные время и пространство; приближаются и здесь, как и вообще, к объективной истине».[2] И наконец в конце данной главы мы находим: «...наш „опыт“ и наше познание все более приспособляются к объективному пространству и времени, все правильнее и глубже их отражая».[3]

В этом смысле модальный генезис временны́х категорий в древнеяпонском языке знаменует собой раннюю ступень развития. Модальной морфеме *ну* в это время, очевидно, противопоставлялась нулевая форма — как выразитель настоящего времени. Недаром в памятниках VIII в. так называемая третья основа используется так часто в значении конкретно-длительного настоящего (см. выше). Для древнего языка, соответственно, мы можем предположить совершенно иную систему глагольных времен, чем ту, которая нам известна позднее. Появление, однако, уже в тех же памятниках VIII в. супплетивной парадигмы отрицания знаменует исчезновение прежних модальных рядов. Оно знаменует дальнейший прогресс мысли и дальнейший рост абстрагирования.

С появлением отрицательного *дзу*, *ну*, *нэ*, парадигма *на*, *ни*, *ну*, *нэ* становится выразителем видо-временно̀й категории — прошедшего совершенного, тогда как желательно-побудительное *на*, *ну*, *нэ* вообще постепенно исчезает. Его

---

[1] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Соч. т. 14, стр. 162—163.

[2] Там же стр. 164.

[3] Там же, стр. 174.

место занимает развитая система модальных и временных суффиксов. Бессуффиксальная форма также постепенно теряет значение конкретного настоящего, уступая место аналитической форме. Таково было положение вещей, повидимому, уже в эпоху создания таких памятников, как «Кодзики», «Манъёсю», «Микотонори» и др. Все же ввиду того, что памятники эти складывались лишь постепенно, будучи плодом длительного устного творчества, в них нашло некоторое отражение и более древнее состояние языка, которое мы попытались здесь восстановить. Совершенно очевидно, что вышеуказанная система модально-временны́х отношений уже не являлась действенной для VIII в. Совершенно очевидно также, что она изживалась лишь медленно и постепенно, точно так же, как медленно и постепенно шел рост новых форм.

Кроме всех перечисленных выше наклонений, в японском языке существует еще наклонение возможности. Ввиду того, однако, что некоторые из форм этого наклонения тесно связаны с залогами, все изложение этого вопроса мы отнесли в главу о залогах. Такая композиция нашей работы оправдывается историческими связями японского потенциалиса и медио-пассива.

СОКРАЩЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ[1]

Г — «Гэндзи-моногатари» («Повесть о Гэндзи» — роман Мурасаки-но Сикибу, X в.), изд. Канэко Гэнсин, тт. I—III.

И — «Исэ-моногатари» (повесть X в.), серия «Нихон бунгаку тайкэй», т. II, 1927.

К — «Кодзики» («Записи древних деяний», 712 г.), изд. Цугита Дзюн «Кодзики Синкō», 1924.

Кг — «Кёгэнки» («фарсы»), изд. 1914 г. (воспроизводится изд. 1660 г.), тт. I—II.

Км — «Кондзяку-моногатари» (сборник рассказов XII в.), тт. I—II, серия «Нихон бунгаку тайкэй», тт. VIII—IX, 1927.

Кс — «Кокинсю (Сборник старых и новых песен», X в.), изд. Канэко Гэнсин.

М — «Манъёсю» («Сборник мириадов лепестков» — Антология японской поэзии VIII в., тт. I—XX), изд. Моримото Харукити «Манъёсю сōсяку». После тома (римские цифры) указывается номер стихотворения по порядку.

Мн — «Микотонори» («Царские эдикты», IX—X вв.).

Мс — «Макура-но сōси («Записки из-под изголовья» Сэй Сёнагон, X в.), изд. Канэко Гэнсин «Макура-но сōси хёсяку», тт. I—II, 1924.

Нацумэ — Нацумэ Сōсэкисю («Сборник произведений Нацумэ Сōсэки»), серия «Гэндай Нихон бунгаку дзэнсю», т. 19, 1928.

Н — «Норито» (памятник IX—X вв-), изд. Цугита Дзюн «Норито синкō», 1927.

О — «Отикубо-моногатари» («Повесть об Отикубо», XI в.), серия «Кокубунгаку тюсяку сōсё», т XII, 1929.

Огури — Огури Фуёсю («Сборник произведений Огури Фуё»), серия «Гэндай Нихон бунгаку дзэнсю, т. 55. 1928.

С. Ю — «Сёмоно» (записи поучений XIV—XV вв.) по книге Юдзава Кōкитиро «Муромати дзидай-но гэнгокэнкю», 1929.

Т — «Такэтори-моногатари» («Повесть о бамбукосеке», IX в.), серия «Нихон бунгаку тайкэй», т. II, 1927.

---

[1] Все японские книги, цитируемые в «Очерках», изданы в Токио.

Тн — «Тоса-никки» («Дневник путешествия из Тоса» Ки-но Цураюки, X в.), серия «Нихон бунгаку тайкэй», т. III, 1927.

Укиёбуро — «Общественная баня» (произведение Сикитэй Самба, XVIII в.), изд. Юходо, 1922.

Хидза — «Хидза-но куригэ» («На палочке верхом» — комический роман Дзиппэнся Икку, начало XIX в.), серия «Нихон мэйтё дзэнсю, раздел «Эдобунгэй», 1927.

Х — «Хэйкэ-моногатари» («Повесть о Тайра», XII в.), изд. Ямада.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редакции 3
Предисловие 5

Глава I. **Из истории глагольного спряжения** 7
Глава II. **Переходность-непереходность и залоги** 39
Глава III. **Времена и виды** 85
I. Настоящее 86
1. Бессуффиксальная форма и ее значение 86
а) Конкретное настоящее 86
б) Общее настоящее 88
в) Историческое настоящее 90
г) Будущее 93
2. Аналитическая форма и ее значения 95
а) Настоящее длительное процесса 96
б) Настоящее длительное состояния 102
в) Выводы 104
II. Прошедшее 106
а) Собственно прошедшее 106
б) Давнопрошедшее 111
в) Прошедшее совершенное 114
III. Настоящее длительное состояния (перфект состояния) 126
IV. Сложные суффиксальные формы 139
Сочетания *тари* с временными суффиксами 139
Сочетания *ри* с временными суффиксами 140
Глава IV. **Наклонения** 143
1. Будущее время и вероятное наклонение 145
2. Желательное наклонение 155
3. Вероятное наклонение 170
4. Повелительное наклонение 191
5. Запретительное наклонение 197
6. Отрицательное наклонение 202
7. Отрицательное вероятное наклонение 213
8. Заключение 228

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии Наук СССР

Редактор Издательства *Г. М. Ибрагимова*. Технич. редактор *А. А. Кирнарская*
Корректоры *А. И. Виксне* и *Т. М. Юдина*

РИСО АН СССР № 89—79В. Подписано к печати 28/III 1956 г. М 19817. Бумага $60\times92^{1}/_{16}$. Бум. л. $7^{3}/_{8}$. Печ. л. $14^{3}/_{4}$. Уч.-изд. л. 14,17. Тираж 2300. Заказ № 351. Цена 10 р.

1-я тип. изд-ва АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

Исправления и опечатки

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
7	11 снизу	**Функцин**	**Функции**
19	1 сверху	**тамаубэкиёси**	**тамаубэки ёси**
27	12 »	**ги-де-ва**	**ги-дэ-ва**
27	7 и 8 снизу	**фукикэ сикэрэба,**	**фукикэсикэрэба,**
35	19 »	Парадигма	Парадигмы
56	17 »	**но-низиэ**	**но-нитэ**
60	9 »	**возникающее**	**возникающий**
79	12 и 13 »	Сума — **итэ**	**Сумаитэ**
84	1 сверху	**целог.**	**целого.**
96	19—20 »	**аналититический**	**аналитический**
110	5 »	съесть'.	убить'.
131	11 снизу	**присоединени-**	**присоединение**
142	21 сверху	(условия)?	(усиления)?
157	4 снизу	**мито**	**митō**
185	16 сверху	выражение	**выражено**